

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА**

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

Научный журнал

№ 3

Том 1. Филология

Санкт-Петербург
2012

Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина

Научный журнал

№ 3 (Том 1)'2012
Филология
Основан в 2006 году

Учредитель Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук, профессор (главный редактор);
Л. М. Кобрин, доктор педагогических наук, доцент (зам. гл. редактора);
Н. В. Поздеева, кандидат географических наук, доцент (отв. секретарь);
Л. Л. Букин, кандидат экономических наук, доцент;
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор;
Г. П. Чепуренко, доктор педагогических наук, профессор.

Редакционный совет:

Т. А. Галушко, доктор филологических наук, профессор;
Т. Я. Гринфельд-Зингурс, доктор филологических наук, профессор;
Н. К. Данилова, кандидат филологических наук, доцент (отв. за выпуск);
О. Н. Морозова, кандидат филологических наук, доцент;
И. Б. Смирнов, кандидат педагогических наук, доцент;
Н. Л. Шадрин, доктор филологических наук, профессор;
М. В. Ягодкина, доктор филологических наук, доцент.

**Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук,
определенный Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки Российской Федерации**

Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-39790**

Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10
тел. / факс: (812) 476-90-34
[http: // www.lengu.ru](http://www.lengu.ru)

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
имени А. С. Пушкина, 2012
© Авторы, 2012

Содержание

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОР

М. В. Кузавова

Циклообразование в творчестве И. С. Тургенева.....7

К. А. Нагина

В поисках идиллии: дом Ростовых в романе Л. Толстого «Война и мир».....16

Е. Г. Постникова

Феномен самомифологизации и архаизация массового сознания
в романе Ф. М. Достоевского «Бесы».....24

Е. М. Криволапова

Образ З. Н. Гиппиус на страницах дневника С. П. Каблукова31

О. Е. Тимофеева

«Итальянские» новеллы символистского журнала «Весы»:
проблематика и поэтика41

А. В. Громова, А. В. Евстратикова

Жанр былички в прозе Л. Ф. Зурова49

Т. Н. Фоминых, Е. А. Постнова

Экфрасис в эссе В. А. Каверина «Малиновый звон»58

К. В. Загороднева

Роман Д. Рубиной «Белая голубка Кордовы»:
художественное новаторство и традиции.....67

Н. А. Тулякова

Жанровые формы вставных рассказов в «Альгамбре» В. Ирвинга.....74

В. Г. Новикова

Проблема артистизма бытия в романах Уильяма Бойда.....82

ЛИНГВИСТИКА

Т. Б. Заграевская

Теория словаря в отечественных оригинальных концепциях
конца XX-начала XXI веков90

С. Е. Быкова

Заимствования как источник обогащения
французской экологической терминологии99

Н. В. Поцелуева

Эмоциональное и оценочное содержание междометных
фразеологических единиц с компонентом-зоонимом
в английском, казахском и русском языках.....106

С. В. Шустова, Е. С. Комиссарова

Семантический потенциал языковых единиц с признаком
«факультативность повторений без проявления признака цикличности».....113

Е. Н. Михайлова, С. В. Колтунова

Специфика экземплификации в описании категории падежа
(на материале испанских грамматик XVI-XVII вв.).....120

Н. И. Вахницкая

О роли калькирования при создании неологизмов в современном
немецком языке (на материале неологизмов 90-х годов XX века)130

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ

З. З. Чаньшиева

Суггестивный эффект знаков лингвокультуры в медиакommunikации 140

М. В. Каменский

Когнитивно-функциональная модель дискурсных маркеров
(на примере английского языка) 148

С. В. Усова

Реклама автомобиля как отражение национального менталитета
в языковой картине мира США 157

ТЕОРИЯ ДИСКУРСА И ЯЗЫКОВЫЕ СТИЛИ

А. Н. Бурухин

Плеоназмы в индивидуальном лексиконе
(экспериментальное исследование) 167

А. А. Дергунова

Роль изобразительно-выразительных средств в реализации
прагматической установки в заголовках текстов немецкоязычных СМИ 175

Ф. В. Куликов

Политический дискурс в фокусе текстовой диалогичности 185

В. С. Куликова

Семантические особенности номинации
в английском и русском социолектах наркоманов 195

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

М. Г. Петеленкова

Время в немецком языке и культуре 204

Т. А. Volkova

Translation Model Parameters Revised: Text, Discourse, and Communication 211

Е. О. Шаповалова

К вопросу о передаче национально-культурной коннотации
фразеологизмов с именами собственными 221

ЛИНГВОДИДАКТИКА И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКУ

С. В. Козлов

Обучение иноязычной лексике учащихся старших классов
на основе ролевых игр проблемной направленности 229

Сведения об авторах 234

Contents

THE STUDY OF LITERATURE AND FOLKLORE

M. Kuzavova

Cyclization in Turgenev's Creative Activity 7

K. Nagina

In the Searches of the Idyll: the Rostov's House in the Tolstoy's Novel
"War and Peace" 16

Y. Postnikova

The Phenomenon of Self-mythologizing and Archaism-izing
of Collective Consciousness in the "Demons" by F. M. Dostoyevsky 24

E. Krivolapova

Z. N. Gippius on Pages of the S. P. Kablukov's Diary 31

O. E. Timofeeva

The "Italian" Novellas of Symbolist Miscellany "The Balance":
the Problematics and the Poetics 41

A. Gromova, A. Yevstratikova

Bylichka's Genre in Prose by L. F. Zurov 49

T. N. Fominykh, E. A. Postnova

Ekphrasis in V. A. Kaverin's Essay "Mellow Chime" 58

K. Zagorodneva

"The White Dove of Cordoba" by D. Rubina:
Artistic Innovations and Traditions 67

N. Tuljakova

"The Alhambra" by W. Irving: "Story within Story" Genre Forms 74

V. Novikova

Problem of Artistism of Life in W. Boyd's Novels 82

LINGUISTICS

T. Zagraevskaya

The Theory of Dictionary in Russian Original Concepts of the Close
of the XX-th – beginning of the XXI centuries 90

S. Bykova

Adoption as a Way to Replenish Environmental Term Systems
of the French Language 99

N. Potseluyeva

Emotional and Evaluative Content of Interjectional Phraseological Units
with the Zoomorphic Component in English, Kazakh and Russian 106

S. Shustova, E. Komissarova

Semantics of Language Units with the Indication of the Faculty of Repetitions 113

E. Mikhailova, S. Koltunova

Peculiarity of Exemplification in the Case Category Description
(in the Spanish Grammars of the XVI-XVIIth cc.) 120

N. Vakhnitskaya

About the Role of Loan Translation in the Creation
of Neologisms in the Modern
German Language (Based on the Neologisms of Ninety Years
of the Twentieth century) 130

COGNITIVE ASPECTS OF LINGUISTIC CATEGORIZATION

Z. Chanysheva

Suggestive Effects of Linguocultural Signs in Mass Media Communication 140

M. Kamensky

The Cognitive-functional Model of Discourse Markers
(with Examples in English) 148

S. Usova

Automobile Advertising as Reflection of National Mentality
in the USA Language Picture of the World 157

THE THEORY OF DISCOURSE AND LINGUISTIC STYLES

A. Burukhin

Pleonasms in Individual Vocabulary (Experimental Research)..... 167

A. Dergunova

The Realization of Pragmatic Attitude in the Headlines
of German Mass Media Texts by the Instrumentality of Expressive Means..... 175

F. Kulikov

The Political Discourse in the Focus of the Text Dialogics..... 185

V. Kulikova

Semantic Features of Nomination
in English and Russian Drug Addicts' Sociolects..... 195

INTERCULTURAL COMMUNICATION

M. Petelenkova

Time in the German Language and Culture 204

T. Volkova

Translation Model Parameters Revised: Text, Discourse, and Communication 211

E. Shapovalova

On the Issue of Transfer of a National-cultural Connotation
of Phraseological Units with Proper Names 221

THEORY AND METHODOLOGY OF TEACHING LANGUAGES

S. Kozlov

Teaching Students of Senior School the Lexical Part of Speech on
the Base of Problem-orientation Role Games 229

About authors 234

Циклообразование в творчестве И. С. Тургенева

В статье рассматривается история изучения авторских и читательских циклов в творчестве И.С. Тургенева. Делается вывод, что цикл был одной из лучших форм для отображения масштабного взгляда писателя на мир. Выдвигается гипотеза о том, что можно обнаружить основания для объединения в цикл и любовно-философских повестей 1850-х годов.

In the article the history of studying of cycles in I.S. Turgenev's writing considered. The inference was made, that the cycle was one of the best forms for display of a large-scale sight of the writer to the world. The hypothesis that it is possible to find out the bases for union in a cycle and stories about love of 1850th years is put forward.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, читательский цикл, авторский цикл, стихотворения, «Записки охотника», «таинственные повести», «Стихотворения в прозе».

Key words: I.S. Turgenev, reader's cycle, author's cycle, poem, "A Sportsman's sketches", "mysterious novel", "Poems in prose".

История творческого пути И.С. Тургенева свидетельствует о том, что писатель всегда стремился к масштабному взгляду на мир и человеческую личность. Вначале он пробовал себя в разных родах и жанрах, его интересовала лирика, а также драматургия и проза. Тургенев искал ту область художественных решений, которая бы наиболее полно отвечала требованиям его творческой индивидуальности. К 1850-м годам писатель нашел свою манеру, которую в письмах к друзьям называл «новой»: остановился на повести и романе как наиболее содержательно объемных жанрах, отвечающих его художественным интересам. Однако в плане генерализации материала с романом мог соперничать цикл. Это жанровое образование также позволяло художнику наиболее полно осмыслять и воссоздавать многообразие жизни. Многочисленные переклички мотивов и других художественных элементов, а также и другие циклообразующие факторы, обнаруживающие себя в циклизации, рождают не только необычайно объемную картину, но и показывают ее в динамике.

В творчестве писателя сосуществуют разные циклические образования. Прежде всего, это собственно ряд авторских циклов: лирические «Вариации» и «Деревня», эпический — «Записки охотника», а также поздние «Стихотворения в прозе», которые представляют собой фактически не-

сколько циклов, собранных самим писателем для русского и европейского читателя. В науке о Тургеневе давно признаны и так называемые читательские циклы, к которым ученые относят, например, «таинственные повести». В последнее время в этой связи говорят и о «премухинском» цикле ранней лирики поэта. Некоторые ученые полагают, что целесообразно объединять романы Тургенева в своего рода цикл или полуцикл. В первую очередь следует обратиться к авторским циклам писателя и рассмотреть, как сказывается подобная форма на восприятии произведений. При анализе мы сохраним их жанровое разделение и хронологическую последовательность.

Сначала охарактеризуем авторские лирические циклы «Вариации» и «Деревня». Все стихотворения, входящие в «Вариации» (1845), а именно: «Когда так радостно, так нежно...» (июль 1843), «Ах, давно ли гулял я с тобой!..» (июль 1843), «В дороге» (ноябрь 1843) — объединены темой ушедшей любви и в полном смысле слова представляют собой вариации на заданную тему, что зафиксировано в самой заглавии. Каждая из частей этого небольшого цикла по-разному раскрывает ее: первая — это горький вердикт («...мог ли я предвидеть, / Что нам обоим суждено...» [15, I, с. 33]), вторая — иронически-печальный взгляд на чувство («А теперь этот день нам смешон, / И порывы любовной тоски / Нам смешны <...> Как пустые, плохие стишки» [15, I, с. 34]), третья — спокойное размышление о былом («Нехотя вспомнишь и время былое, / Вспомнишь и лица, давно позабытые» [15, I, с. 34]). Как можно заметить, Тургенев показывает не просто оттенки, а динамику чувства: стихотворения расположены в хронологической последовательности в соответствии с угасанием горечи из-за утраты любви — от скорби к равнодушию.

В цикле существует и иная «ось времени»: каждое стихотворение можно разделить на «былое» и «настоящее». В «Вариации» I первые четыре строфы посвящены времени любви («разлука», упоминаемая в четвертой, — временная, поскольку лирический герой «грустно замирал», то есть сейчас уже не замирает, тем более что и тогда он еще не мог предвидеть ненависти к своему чувству), а последняя строфа — это картина горького настоящего. Во втором стихотворении цикла подобное деление: последняя строфа — из времени настоящего, а предшествующие описывают идиллическую картину прошлого. Третье — более сложное по композиции: картина счастливой влюбленности (вторая строфа) заключена в строфы о нынешнем моменте времени, однако деление достаточно четкое.

Именно из-за присутствия «былого» все стихотворения как фрагменты цикла имеют схожую двугеройную структуру: пусть читатель оказывается свидетелем переживаний мужчины в настоящем, образ возлюбленной, ее чувства — неотъемлемая часть его лирической исповеди.

Итак, мы видим, что сами произведения даны во временной последовательности, помогающей передать динамику угасания чувства. Отдельное

стихотворение раскрывает определенную грань темы, создавая в сумме масштабный образ ушедшей любви двух героев. Если «Вариации» I, II, III воспринимать отдельно (а это возможно: недаром «Вариация» III широко известна как романс, то есть как самостоятельное произведение), эта многогранность теряется. Из трех «историй» остается лишь одна.

Подобный эффект сохраняется и в авторском лирическом цикле «Деревня» (1847). Тургенев включил в него стихотворения «Люблю я вечером к деревне подъезжать...», «На охоте — летом», «Безлунная ночь», «Дед», «Гроза», «Другая ночь», «Кроткие льются лучи с небес на согретую землю...», «Перед охотой», «Первый снег», создающие широкую картину деревенской жизни. Как и в случае с «Вариациями», связывая стихотворения одним заглавием, поэт показывает читателю, что их надо воспринимать в единстве: только в этом случае возможно наиболее полное впечатление. А переключки в названиях еще больше скрепляют части цикла: «Безлунная ночь» и «Другая ночь», «На охоте — летом» и «Перед охотой». Если рассматривать только заглавия, то и кажущиеся не связанными друг с другом «Гроза» и «Кроткие льются лучи с небес на согретую землю...» согласуются между собой, что в целом способствует пониманию созданных Тургеневым образов как развивающихся.

«Воспроизведение различных сторон деревенской жизни» в этом цикле, как справедливо отмечает М. Н. Дарвин, «подчинено переживаниям лирического героя, образующим своеобразный сюжет» [4, с. 83]. Стихотворения объединены образом заядлого охотника, тонкого ценителя природы, которая является выразителем его чувств (недаром так много слов, создающих ощущение исповедальности: «люблю я», «я подивился», много оценочных слов «грустный», «ласковый», «страстно», «печально», «веселый»).

Усиливает связь между частями цикла и динамика его «сюжета». Первое стихотворение является обобщением образа деревни: здесь показаны задействованными все органы чувств лирического героя: он наблюдает за сменой пейзажа, слышит собачий лай, песню проезжего, вдыхает запах «пахучей дани пышной нивы». В этом чувствуется предвкушение хорошо проведенного времени, недаром лирический герой любит подъезжать к деревне именно вечером: все былые впечатления остаются в проходящем дне, а следующий полностью посвящен жизни за городом. Так создается граница цикла: сменой места и времени.

Последующие стихотворения расширяют содержание первого, каждое из них показывает какой-то элемент общего, что в совокупности создает широкую картину деревенской жизни. Природа показана и в грозу («Гроза»), и в тихий вечер («Кроткие льются лучи с небес на согретую землю...»); читатель наблюдает, как герой готовится к охоте («Перед охотой») и охотится («На охоте — летом»). Тургенев знакомит читателя с самыми яркими моментами деревенской жизни, при этом он не рисует подробно

течение жизни – воспринимающее сознание само ощущает этот «фон». Это делает цикл более насыщенным. Подобный эффект создается и выходом за рамки линейного времени: в середину цикла помещается «Дед», в котором автор обращается историческому прошлому деревни.

Заключительное стихотворение цикла, завершая сюжет (герой уезжает из деревни), оставляет финал открытым: «Зовет меня город далекий; // Хочется встретить опять старых врагов и друзей» [15, I, с. 64]. Стихотворение расширяет художественное пространство цикла, ограниченное, казалось бы, миром деревни. Очевидно, что наряду с ним существует, вероятно, не менее разнообразный мир города. А слова «опять» и «старых» показывают, что и в этом пространстве есть диахронические связи (как в случае со стихотворением «Дед»).

В целом лирические тексты Тургенева тяготеют к циклизации, что дает исследователям возможность выделять в поэтическом наследии писателя читательский «премухинский» цикл [1, с. 11-15; 2; 14; 18]. В основе входящих в него стихотворений «Дай мне руку — и пойдём мы в поле...» (май 1842), «Заметила ли ты, о друг мой молчаливый...» (1842), «В ночь летнюю, когда, тревожной грусти полный...» (не позже ноября 1843), «К***» (1844), «Когда с тобой расстался я...»¹ лежит история отношений Тургенева и Т.А. Бакуниной². В данное цикловое образование включают и «Вариации», поскольку они имеют того же адресата и включены в единый «сюжет» любви к Бакуниной.

Все тексты объединены мотивом мимолетной любви: она сравнивается с «пролетевшим днем» («Дай мне руку — и пойдём мы в поле...»), называется погибшей («Заметила ли ты, о друг мой молчаливый...», «Когда давно забытое названье...», «Вариации» I). Однако И.Г. Ямпольский верно отмечает, что «лирика Тургенева сосредоточена не столько на моменте влюбленности, на перипетиях развития любовного чувства, сколько на раздумьях по поводу уже пережитого» [18, с. 19-20]. Момент «перепереживания» (термин Р. Грюбеля) происходит спустя значительное время после разлуки, и период между «тогда» и «сейчас» был насыщен тревогами: «Поверь: с тех пор я много жил, / И много перенес.../ И много радостей забыл, / И много глупых слез» («Когда с тобой расстался я...») [15, I, с. 36], «Мне стыдно, что так медленно живу я, / Что этот хлам хранит душа моя...» («Когда давно забытое названье...») [15, I, с. 38]. Результат этих переживаний может быть двояким: воспоминания о «великих мгновеньях» любви могут вызывать страдания и даже насмешку над былым чувством («Вариации» II, «Когда с тобой расстался я...»), а могут быть неотъемле-

¹ Также возможно включение в данный цикл стихотворений «Долгие, белые тучи плывут...» (октябрь 1841- январь 1842), «Нева» (август 1843).

² Н.Л. Бродский одним из первых обратился к этому роману и назвал его «премухинским», несколько искажив название имени Бакуниных Прямухино, где и развивались чувства Тургенева и Бакуниной [2, с. 113].

мым фрагментом «сейчас» («Дай мне руку — и пойдем мы в поле...»), «Когда давно забытое название...», «Долгие, белые тучи плывут...», «Вариации» III).

Богатая палитра чувств создает необычайно многогранный образ любви, в котором одновременно сосуществуют прошлое, настоящее и будущее. Данные временные отрезки могут содержать самые разные эмоции: от краткого и яркого счастья до полного равнодушия к давно утраченному чувству. Эти оттенки не разделяют стихотворения, а, наоборот, связывают их еще крепче. Таким образом, в своем единстве входящие в «премухинский» цикл стихотворения рождают сложную и многогранную картину любовного чувства и жизни героев.

Итак, в своих лирических циклах Тургенев предпринимает попытку осмыслить многогранность жизни, показать ее развивающуюся, многоголовую. Интерес к циклообразованию не исчезает, когда пробуящий в 1840-е годы свое перо писатель обращается к прозе. Самым знаменитым прозаическим циклом Тургенева являются «Записки охотника», которые имеют свою долгую историю изучения [5; 6; 9; 17]. Как известно, входящие в «Записки охотника» рассказы публиковались самостоятельно, но мыслились писателем как единое художественное пространство, о чем свидетельствуют многочисленные «Программы» данного цикла. В результате читатель во всей полноте наблюдал необыкновенно богатый мир «сильных, мужественных и ярких народных индивидуальностей, существование которых превращало крепостное право в позор и унижение России» [9, с. 17].

Не будем рассматривать подробно циклообразующие факторы «Записок охотника», поскольку данная проблема изучена достаточно подробно, лишь перечислим их. Одним из главных объединяющих начал цикла является образ рассказчика, о чем справедливо писали и Ю. В. Лебедев [9, с. 18], и С. Е. Шаталов [17, с. 252], и М. Н. Дарвин [3, с. 116], и многие другие исследователи. Более того, данный образ «объясняет и то единство тона, слога повествования в различных сценах и зарисовках, которое придает циклу стилевую целостность» [17, с. 253]. Отдельные части «Записок охотника» связываются между собой и особенностями композиции: «концовки тургеневских очерков <...> постоянно движутся к началам новых и новых встреч, порождая тяготение одного рассказа к другому» [10, с. 65]. Существуют некоторые переключки в рассказах, которые создают «гул» истории, о котором верно писал Ю. В. Лебедев [9, с. 20]. На примере рассказов «Хорь и Калиныч», «Контора», «Бурмистр» ученый показывает, как переходят из рассказа в рассказ некоторые особенности тургеневских героев и окружающей их социально-исторической действительности [9, с. 21-22]. Зачастую судьба одного героя проясняется историей другого. В результате за счет множественных сцеплений небольшие эпизоды, упоминаемые в отдельных произведениях, складываются в целую картину жизни.

Таким образом, рассказы, будучи напечатанными вместе в 1852 году, прозвучали совершенно особым образом [9, с. 17-18; 17, с. 255-256]. Об этом эффекте целой книги упоминает и А. И. Журавлева: «за видимой беззаботностью повествования — сгущенность проблем русской жизни и усадьбы» [5, с. 30]. Безусловно, все богатство переключек в «Записках охотника» раскрыть в рамках данной статьи не представляется возможным, но то, что Тургенев много работал над последовательностью расположения рассказов, над общей композицией «Записок охотника», доказывает многомерность и сложность подобных связей.

Позднее Тургенев продолжает объединять свои средние и малые прозаические формы в циклические единства (примером может служить цикл «Стихотворений в прозе»), что позволяет исследователям говорить о читательском цикле «таинственных повестей», выделяя в нем свою систему внутренних связей и сцеплений. Одним из первых о единстве «таинственных повестей» размышлял Л.В. Пумпянский, который полагал, что входящие в него повести объединяются мотивом мистического и потустороннего. Исследователь классифицировал их по особенностям проявления этого мотива. В «Призраках» (1863), «Собаке» (1866), «Сне» (1876) и «Рассказе отца Алексея» (1877) таинственное явление находится в центре повествования; как более или менее важная деталь участвует в «Фаусте» (1855), «Кларе Милич» (1882), «Несчастной» (1868) и «Песне торжествующей любви» (1881) [13]. К ним ученый прибавляет «хотя бы условно» «Странную историю» (1869), «Стук... стук... стук!..» (1871), «в некотором отдаленном и уже совсем слабом отношении ко всей этой группе находятся “Часы” 1876 г.» [13]. Более того, Л. В. Пумпянский характеризует проявления «метабиологического мира» (термин Л.В. Пумпянского) во всех этих повестях как агрессивные: Эллис из другого мира вторгается вампиром в жизнь героя; Клара из-за гробовой черты овладевает тем, кого она любит; Ельцова в «Фаусте» «ревниво сторожила свою дочь. Она сберегла ее до конца и, при первом неосторожном шаге, унесла ее с собой в могилу», отец, в «Сне», насильственно вторгается в воображение героя задолго до того, как реально вторгся в его жизнь; в «Собаке», «Рассказе отца Алексея» эти черты сливаются с общебытовым суеверным страхом перед агрессивным, в представлении фольклора, «потусторонним миром»; в «Песни торжествующей любви» Муций вторгается в жизнь Валерии, — хоть не из загробного мира, но вооруженный колдовством (кроме того, аналогия между ситуацией «Песни торжествующей любви» и «Сна» бросается в глаза и не раз отмечалась исследователями)» [13].

В силу того, что цикл «таинственных повестей» не обладает строгой авторской заданностью, тургенедеды нередко пересматривали список произведений, составляющих эту «группу». Так, Г. Б. Курляндская отмечает, что «Фауст», «Песнь торжествующей любви», «Клара Милич» «связаны

между собою общим интересом к подвижной границе разных сфер сознания личности» [7, с. 147]. А. Б. Муратов относит к «таинственным повестям» «Сон», «Песнь торжествующей любви», «Клару Милич», «Призраки» и отделяет от них повести «Несчастливая», «История лейтенанта Ергунова» на основании меньшей разработанности в них темы таинственного и повторяемости мотива сна [11, с. 165, 177]. По мнению Ю. В. Лебедева, к «таинственным» относятся повести 1870-х — начала 80-х гг., а именно: «Собака», «Казнь Тропмана», «Странная история», «Сон», «Клара Милич», «Песнь торжествующей любви». «В них Тургенев обращался к изображению загадочных явлений человеческой психики: к гипнотическим внушениям, тайнам наследственности, загадкам и странностям в поведении толпы, к необъяснимой власти умерших над душами живых, к подсознанию, галлюцинациям, телепатии» [8, с. 86].

На наш взгляд, цикл «таинственных повестей» должен быть выделен среди произведений Тургенева, однако хотелось бы несколько сузить круг тех повестей, которые стоит в него включать. Думается, к данному единству должны относиться произведения, в которых мистическое занимает центральное положение, а не сопровождает иные проблемы, рассматриваемые автором. Таким образом, в цикл можно включить повести «Призраки», «Собака», «Сон», «Рассказ отца Алексея», «Клара Милич», «Песнь торжествующей любви». Остальные, по нашему мнению, имеют недостаточно глубокую проработку именно темы потустороннего: так или иначе внимание читателя занимают иные проблемы.

Итогом всего творчества И. С. Тургенева по праву можно назвать цикл «Стихотворения в прозе». Среди всех авторских циклов он — особенный. С одной стороны, как и любой авторский цикл, он собран автором и композиция его строго задана (в основе лежит хронологический принцип), с другой стороны, писатель подчеркивал свободу цикла, так как публикацию в «Вестнике Европы» предварил обращением «К читателю», где рекомендовал читать произведения «враздробь: сегодня одно, завтра другое» [15, X, с. 125], предполагая особую свободу читателя. К тому же «Стихотворения в прозе», предназначенные для русской и европейской аудитории, существенно различались. И. А. Беляева по этому поводу замечает: «В отсутствии строгой композиции, скорее всего, заключалась некоторая принципиальная, сущностная особенность данного жанра. Не случайно, например, Тургенев для публикации в России готовит 50 стихотворений, а для французских читателей всего тридцать. <...> Но ни меньший объем “Стихотворений в прозе”, ни совершенно иная последовательность миниатюр, видимо, не смущали Тургенева, лично готовившего эту французскую публикацию вместе с П. Виардо» [1, с. 225].

Иной точки зрения придерживается С. Е. Шаталов, который последовательно доказывает тесную связь каждого последующего стихотворения с предыдущим: «Мы можем утверждать закономерность чередования основ-

ных мотивов цикла: постепенно оттесняется страх смерти и кошмары, навеянный старческим настроением; <...> Смерть отступает; торжествует оптимистическое начало. <...> Но трагическая нота не уходит из цикла. Замерев и раздробившись в центре, она еще раз отчетливо звучит перед концом. <...> Последние семь фрагментов составляют торжествующий финал цикла» [16, с. 152]. Среди иных связующих средств, кроме эволюции тем жизни и смерти, С. Е. Шаталов отмечает общее название, единые приемы обработки жизненного материала, однородность слога на протяжении цикла, общий эмоциональный тон, образ лирического героя-повествователя, который называет «главной komponующей силой» [16, с. 153].

Многие исследователи отмечают неоднозначность восприятия данного художественного целого. И. А. Беляева пишет, что «не так уж не правы <...> те читатели, критики или исследователи, которые видят в “Стихотворениях в прозе” самую печальную книгу Тургенева, <...> ровно как и те, кто считает, что в этом цикле ярче звучит “теплое слово при простоте и радужных красках” и “радость за человеческое существование”» [1, с. 228]. И нельзя не согласиться с мнением В. А. Недзвецкого о том, что «каждый из разделов тургеневских “Стихотворений в прозе” и все они в целом первыми и последними их фрагментами взяты в смысловое кольцо, общее значение и тон которого шире и сложнее пессимизма или оптимизма» [12, с. 133]. Чтение цикла «сподряд», вопреки воле автора, или «враздробь», в соответствии ей, не мешает оценить сложность и многогранность «Стихотворений в прозе». Верно отмечал С. Е. Шаталов: «Оно [структурное образование. — М.К.] рассчитано на активное додумывание и сопереживание читателя» [16, с. 145].

Итак, на протяжении всего творческого пути Тургенев тяготел к универсализации, каждое его произведение — это попытка показать все богатство мира, человеческой жизни и души. Цикл является, на наш взгляд, лучшей формой для этого: объединение произведений, каждое из которых дополняет и расцветивает новыми красками остальные, не означает повторения одного и того же. Недаром писатель обращался к цикловым образованиям и в лирике, и в эпосе на протяжении всей жизни и не отстранился от этого даже после обнаружения для себя романа и повести.

Сверх всего, по нашему мнению, можно проследить эволюцию данной формы у Тургенева: от небольшого по объему лирического авторского цикла «Вариации» к достаточно крупному читательско-авторскому (реципиент становится соавтором в большей мере, нежели в иных циклах, собранных писателем) объединению «Стихотворений в прозе».

Наиболее интересными являются читательские циклы: воспринимающее сознание само объединяет произведения в группу и в этом собрании обнаруживает некий генерализирующий смысл, разные оттенки которого присутствуют так или иначе в каждом фрагменте. В то же самое время

нельзя сказать, что подобные объединения создаются помимо воли автора: для этого в текстах существуют объективные предпосылки. На наш взгляд, можно обнаружить и основания для объединения в цикл ряда любовно-философских повестей 1850-х годов, а это дает возможность открыть новую грань в творчестве Тургенева.

Список литературы

1. Беляева И. А. Система жанров в творчестве И. С. Тургенева. — М.: МГПУ, 2005.
2. Бродский Н. Л. «Премухинский роман» в жизни и творчестве Тургенева // Документы по истории литературы и общественности: И. С. Тургенев. — М., Пг.: ГИЗ, 1923. — Вып. 2. — С. 107-21.
3. Дарвин М. Н. Литературное произведение: проблемы теории и анализа. Выпуск первый. — Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997.
4. Дарвин М. Н. Проблема цикла в изучении лирики. — Кемерово: Изд-во Кемер. гос. ун-та, 1983.
5. Журавлева А. И. «Записки охотника» И. С. Тургенева: к проблеме целостности // Русская словесность. — 1997. — № 5. — С. 28-31.
6. Ковалев В. А. «Записки охотника» И. С. Тургенева. Вопросы генезиса. — Л.: Наука, 1980.
7. Курляндская Г. Б. И. С. Тургенев. Мировоззрение, метод, традиции. — Тула: Гриф и К, 2000.
8. Лебедев Ю. В. История русской литературы XIX века (вторая половина) / Н.Н. Скатов, Ю. В. Лебедев, А. И. Журавлева и др. — М.: Просвещение, 1991.
9. Лебедев Ю. В. У истоков красоты, добра и правды в художественном мироощущении И. С. Тургенева // «Записки охотника» И. С. Тургенев. — М.: Синергия, 1996. — С. 5-36.
10. Лебедев Ю. В. У истоков эпоса (очерковые циклы в русской литературе 1840-1860-х годов). — Ярославль: Яросл. гос. пед. ин-т, 1975.
11. Муратов А. Б. Повести и рассказы И.С. Тургенева 1867 -1871 годов. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980.
12. Недзвецкий В. А. И. С. Тургенев: логика творчества и менталитет героя: курс лекций для магистрантов. — М.: Изд-во Московского университета, 2011.
13. Пумпянский Л. В. Группа «таинственных повестей». — [Электронный ресурс]: http://www.ruthenia.ru/horror/poetic/pumpyansky/mys_tales.htm
14. Тургенев и его время / Тургеневская комис. Об-ва любителей рос. словесности; ред. Н. Л. Бродский. — М.; Пг.: Госиздат, 1923. — Сб. 1.
15. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. — М.: Наука, 1978.
16. Шаталов С. Е. Проблемы поэтики И. С. Тургенева. — М.: Просвещение, 1969.
17. Шаталов С. Е. Художественный мир И. С. Тургенева. — М.: Наука, 1979.
18. Ямпольский И. Г. Поэзия И. С. Тургенева // Тургенев И. С. Стихотворения и поэмы. — Л.: Советский писатель, 1970. — С. 19-20.

**В поисках идиллии:
дом Ростовых в романе Л. Толстого «Война и мир»***

Творческий путь Л. Толстого от повести «Детство» к роману «Война и мир» отмечен поисками идиллии, утраченной Николенькой Иртеньевым. Идиллический мир с его родовыми чертами возникает в повести «Семейное счастье», однако идиллия утрачивается ее персонажами. Подлинное обретение идиллии происходит в романе «Война и мир» и связывается с домом Ростовых, художественно родственным дому Иртеньевых. Свойственное А.С. Пушкину сознание утопичности идиллии заменяется у Л. Толстого утверждением ее жизнеспособности.

L. Tolstoy's career from the story «Childhood» to the novel «War and Peace» is noted by searches of the idyll lost by Nikolenka Irtenyev. The idyllic world with its patrimonial features arises in the story «Family Happiness», but idyll is lost by its characters. Original finding of idyll occurs in the novel «War and Peace» and contacts Rostov's house, to artly related Irtenyev's house. The consciousness of utopianism of idyll peculiar to A.S. Pushkin is replaced at L. Tolstoy with the statement of its viability.

Ключевые слова: идиллия, дом, «Семейное счастье», «Война и мир», Л. Н.Толстой, А. С. Пушкин.

Key words: idyll, house, «Family Happiness», «War and Peace», L.N. Tolstoy, A.S. Pushkin.

В трилогии «Детство. Отрочество. Юность» *дом* осмысляется Толстым в «парадигме семейно-родственных отношений» [4, с. 3], при этом взросление персонажа связывается с выходом из «колыбели дома» в большой мир и сожалением о невозполнимой потере – том идиллическом доме, который он утратил. При этом родственное, семейное сопрягается с духовным: в стенах дома ребенок получает первые уроки любви и нравственности, переживает смерть близких людей, учится оценивать себя и других. Однако *дом* получает у Толстого и феноменологическое прочтение, выступая пространством души героя. Его чувства, переживания, невысказанные мысли и затаенные страхи обретают пространственную локализацию, сосредотачиваясь в различных помещениях – гостиной, детской, кабинете, столовой, классах, комнатах слуг и даже чулане и площадке под лестницей. Здесь же определяется и центральная роль женщины в пространстве дома: жилище только тогда становится *домом*, когда его одухотворяет женщина. В том случае, если ни одна из женщин, присутствующих в се-

© Нагина К. А., 2012

* Работа выполнена в рамках проекта 12-04-00041 «Семиотика и типология русских литературных характеров (XVIII – начало XX вв.)», поддержанного грантом РГНФ.

мье, не способна взять на себя роль хозяйки, дом, пусть даже наполненный детскими воспоминаниями и энергией прежней жизни, перестает быть *домом*. Это наглядно демонстрирует последняя часть трилогии, в которой семья Иртеньевых, включающая двух женщин – мачеху и юную сестру Николеньки Любочку – распадается, отчего Николенька утрачивает дом. Социальная и историческая жизнь еще не касается толстовского *дома* – это происходит лишь косвенно, когда ребенок наблюдает хозяйственную деятельность отца, общается со слугами, узнает историю своего учителя или задумывается о разделении людей на богатых и бедных. Скорее, *дом* осмысливается Толстым как феномен психологического порядка. Творческий путь Л. Толстого от «Детства» к «Войне и миру» отмечен поисками идиллии, утраченной Николенькой Иртеньевым. Герой «Утра помещика» живет в «большом с колоннадами и террасами деревенском доме», занимая в нем «одну маленькую комнатку» [7, II, с. 325]. Весь большой дом, со своим «чопорным старинно-барским убранством», кажется нежилым в сравнении с комнатой Нехлюдова, имеющей «бесхарактерный и беспорядочный вид» именно от того, что в ней есть обитатель. Молодой помещик мечтает о будущей хозяйке дома, с которой он будет жить «среди этой спокойной, поэтической деревенской природы» [7, II, с. 366] и которая вдохнет жизнь в этот замерший в ожидании старый дом.

Реализацией этих мечтаний становится маленький роман «Семейное счастье». Уже немолодой помещик Сергей Михайлович приводит в свой дом с патриархальным укладом юную жену Машу. В первые месяцы брака в доме воцаряется искомая идиллия. Маша по молодости лет и легкости нрава не претендует на роль хозяйки дома, с этой ролью великолепно справляется мать Сергея Михайловича Татьяна Семеновна. О том, как важно автору «Семейного счастья» все, что связано со старинным барским домом, свидетельствует его пространное описание, занимающее большую часть VI главы. Как и в повести «Детство», Толстой изображает идиллический мир, указывая на его основные признаки: ограниченность усадебного пространства, цикличность времени, соседство поколений, связь человеческой жизни с жизнью природы [1, с. 235]. «Наш дом был один из старых деревенских домов, в которых, уважая и любя одно другое, прошло несколько родственных поколений, – рассказывает Маша. – Ото всего пахло хорошими, чистыми семейными воспоминаниями, которые вдруг, как только я вошла в этот дом, сделались как будто и моими воспоминаниями» [7, III, с. 112]. «Любовь, рождение, смерть, брак, труд, еда и питье, возрасты» перечислены Толстым как «основные реальности идиллической жизни» [1, с. 235]: «Татьяны Семеновны не слышно было, но все в доме шло как заведенные часы, хотя людей было много лишних <...> все эти люди казались горды своим званьем, трепетали перед старою барыней. На нас с мужем смотрели с покровительственной лаской и, казалось, с особенным удовольствием делали свое дело. Каждую субботу регулярно в доме чис-

тились полы и выбивались ковры. Каждое первое число служились молебны с водосвятием, каждое тезоименнство Татьяны Семеновны, ее сына <...> задавались пиры на весь околоток» [7, II, с. 113]. Особого внимания заслуживает еда: сама церемония «торжественных обеденных заседаний», вечерний чай в гостиной, честь разливать который оказана Маше. Все это, безусловно, отсылает к трилогии, в которой обеденная тема играет немаловажную роль. Несмотря на то, что «большой старый дом» «внушает уважение» героине, она чувствует себя в нем чужой и постепенно начинает тяготиться самой сутью этой идиллии: «Хуже всего для меня было то, что я чувствовала, как с каждым днем привычки жизни заковывали нашу жизнь в одну определенную форму, как чувство наше становилось не свободно, а подчинялось ровному, бесстрастному течению времени» [7, III, с. 117]. Неприятие идиллии приводит к отъезду Маши и Сергея Михайловича из деревни. Пересечение пространственной границы влечет за собой негативные последствия. В рамках традиционного для идиллии противопоставления города и деревни светская жизнь не приносит счастья, а только разрушает былые любовные отношения супругов, лишая их взаимопонимания. С момента переезда в Петербург Толстой больше не описывает дом своих персонажей, хотя их семья увеличивается с появлением детей. Теперь дом замещают *новая квартира, дача, чужое жилье*, которое супруги снимают за границей. Отказ от дома равносителен распаду семьи.

В финале романа герои вновь оказываются в пространстве усадьбы. Возвращение к идиллии сомнительно, хотя ее родовые приметы – единство с природой, любовь, брак, соседство поколений, еды и детей, обращенность к прошлому, покой в душе – указывают на подобную возможность.

Действительное обретение идиллии состоится в «Войне и мире». Мысль о доминантной роли идиллического начала в книге была высказана Г. Лескисом, который отметил идиллический характер «сюжетной схемы, способа развертывания интриги, благополучного финала и других “романных сторон” “Войны и мира”» [2, с. 511]. Идиллический, по сути, дом Ростовых, художественно родственен дому Иртеньевых. Знакомство с домом Ростовых начинается с праздника тезоименнства – в семье две именинницы, Натальи – мать и дочь. Интересы графини, как, впрочем, и графа, сосредоточены в семье. Уже уставшая от череды визитов, Ростова оживляется лишь тогда, когда речь заходит о единственном по-настоящему интересующем ее предмете – детях. Высказывая свои сокровенные мысли, она как будто отвечает «на вопрос, который никто ей не делал, но который постоянно занимал ее: – Сколько страданий, сколько беспокойств перенесено за то, чтобы теперь на них (детей. – *К.Н.*) радоваться!» [7, IV, с. 55]. Темы разговоров графа Ростова с гостями – погода, здоровье и еда. Предметом его беспокойства является стол; он периодически заходит в «большую мраморную залу, где накрывали стол на восемьдесят кувертов» [7, IV,

с. 48], чтобы хозяйским взглядом оценить приготовления. Тема еды в линии Ростовых – одна из определяющих. Распорядок «званого обеда» демонстрирует еще одну родовую черту идиллии: обращенность к прошлому, к патриархальному времени. Субординация мест застолья – его архетипический топос, и, в соответствии с традицией, граф и графиня рассаживаются на разных концах стола, причем самые почетные гости располагаются справа и слева от графини, «гости мужского пола» – от графа. С одной стороны стола сидит «молодежь постарше», с другой – «дети, гувернеры и гувернантки» [7, IV, с. 79]. Самым подробным образом перечисляются блюда и напитки, описываются предметы разговоров.

Связь Ростовых с темой еды поддерживается описанием обеда в Английском клубе, который устраивает старый граф Илья Андреич в честь князя Багратиона: «... редко кто умел так на широкую руку, хлебосольно устроить пир, особенно потому, что редко кто умел или хотел приложить свои деньги, если они понадобятся на устройства пира» [7, V, с. 16]. Этот пир имеет еще больший размах – он готовится на «двести пятьдесят человек членов Английского клуба и пятьдесят человек гостей» [7, V, с. 18]. С тем же интересом к деталям вновь описываются блюда и напитки, подчеркивается иерархия мест застолья: «На первом месте, между двух Александров – Беклешова и Нарышкина, что тоже имело значение по отношению к имени государя, посадили Багратиона: триста человек разместились в столовой по чинам и важности, кто поважнее – поближе к чествуемому гостю: так же естественно, как вода разливается туда глубже, где местность ниже» [7, V, с. 23].

Сращенность Ростовых с темой еды подчеркивается автором при каждом удобном случае. Иногда Толстой ограничивается лишь упоминанием об обеде, как в эпизоде визита князя Андрея в Отрадное, когда дом Ростовых в очередной раз полон гостей по случаю все тех же именин, или при описании жизни Ростовых в Петербурге, когда князь Андрей не может отказаться от настойчивых приглашений к обеду, или в описании зимнего дня в Отрадном, когда все семейство, включая гувернанток и учителей, собирается за чаепитием. Одной из кульминационных обеденных сцен является пир у дядюшки в Михайловке, продолжающий сцену охоты; охотничья тема уже звучит здесь на заднем плане, обрамляя повествование. В «холостую охотницкую» открыта дверь, оттуда слышны звуки балайки, в кабинете пахнет табаком и собаками, на диване лежит пес Ругай, в сенях висят волчьи и лисьи шкуры. Хозяйкой застолья становится «толстая, румяная, красивая женщина лет сорока», дядюшкина экономка Анисья Федоровна: «“Вот она и я! Теперь понимаешь дядюшку?” – сказало Ростову ее появление. Как не понимать: не только Ростов, но и Наташа поняла дядюшку и значение нахмуренных бровей и счастливой улыбки, которая чуть морщила его губы в то время, как входила Анисья Федоровна» [7, V, с. 274]. Точно так же, как и на званых обедах в доме Ростовых, Тол-

стой подробно описывает стол, уставленный закусками и напитками, причем Наташа приходит в такой восторг от еды, что ей кажется, будто ничего подобного «никогда она нигде не видала и не едала» [7, V, с. 274]. Сам дядюшка выступает чуть ли не квинтэссенцией идиллического – идеальной патриархальной жизни русских, причем в тему идиллического он включен очень по-толстовски, самым своеобразным образом, через мотив «чистого», на что обращает внимание Е. Толстая: «...он все время твердит поговорку “чистое дело марш”»; затем говорится о его доме, что челядь не слишком заботилась, чтоб там не было пятен, и появляется его любовница Анисья – то есть устройство жизни его, по-видимому, совершенно не чистое, а безнравственное. И тем не менее, когда он поет, дважды подчеркивается чистота звука, то есть дядюшка при всем сомнительном, что есть в его жизни, чист в высшем смысле, – или, как это определяет Николай, “ладен”. Лад, гармония, музыкальный чистый тон – вот что искупает жизнь дядюшки» [6, с. 118].

Дом Ростовых, разрушенный войной 1812 года, обретает свое продолжение в доме Николая и Марьи в Лысых Горах. Ростов придает дому тот патриархальный, хлебосольный и гостеприимный характер, который единственный знает и любит с детства. В этом доме время также совершает свой годовой круговорот от праздника к празднику, в чередующихся опять же выделяются именины. Знакомство с домом Ростовых Толстой начинается с именин Натальи, а историю этого «обновленного» дома заканчивает именинами Николая. Видимо, как замечает А. Ранчин, «для Толстого существенно то, что вслед за зимним Николиным днем следует Никольщина: в народном быту “это празднество всегда справляют в складчину <...> В отличие от прочих, – это праздник стариковский, большаков семей и представителей деревенских и сельских родов” <...> К зимнему Николину дню собираются вместе все оставшиеся представители родов Ростовых и Болконских и Пьер Безухов – единственный признанный законным сын графа Безухова; вместе оказываются главы, отцы семейств Ростовых – Болконских (Николай) и Безуховых – Ростовых (Пьер). Из старшего поколения – графиня Ростова» [5]. Толстой все так же подробно описывает гостей и домочадцев, сидящих за столом. Все так же хозяева сидят на противоположных его концах, только теперь место графа Ильи Андреича занимает Николай, а место старой графини – Марья. Однако в этой обеденной сцене интерес Толстого сосредоточен на графине Марье, которая страдает от временного разлада с мужем и потому не разделяет общего оживления. В этом доме, приобретшем дух Ростовых, присутствует и иное начало, связанное с графиней Марьей: духовное, преображающее родственное и семейное, приобщающее дом земной к дому небесному.

В изображении дома Ростовых как идиллического пространства Толстой наследует Пушкину. Обращаясь к вопросу влияния Пушкина на автора «Войны и мира», Г. Лесскис цитирует отрывок из «Евгения Онегина», в

котором Пушкин «противопоставил нравоучительному просветительскому роману XVIII века и роману ужасов направления романтического <...> программу своего романа»: «...Тогда роман на старый лад / Займет веселый мой закат. / Не муки тайные злодейства / Я грозно в нем изображу, / Не просто всем перескажу / Преданья русского семейства, / Любви пленительные сны, / Да нравы нашей старины. / Перескажу простые речи / Отца или дяди старика, / Детей условленные встречи / У старых лип, у ручейка; / Несчастной ревности мученья, / Разлуку, слезы примиренья, / Поссорю вновь, и наконец / Я поведу их под венец...» [3, IV, с. 59]. В этом отрывке Г. Лесскис видит «не просто литературную игру», а «подлинную литературную программу, выражающую антиромантический принцип изображения положительно прекрасного идеала, взятого из самой жизни, характерного для искусства высокого Ренессанса, для Гете <...> для Пушкина, для Толстого» [2, с. 512]. Именно эту программу, с точки зрения исследователя, и «осуществил Толстой, «“пересказавший” в “Войне и мире” “преданья” семейства Волконских – Толстых, а отчасти Берсов и некоторых других своих родных, свойственников и знакомых» [2, с. 512].

В творчестве самого Пушкина идиллический мир представлен широко и разнообразно. В «Евгении Онегине» в его парадигму вписано семейство Лариных, черты мира которых – «почти всегда идиллически инварианты» [8, с. 95]. Близость мира Ростовых миру Лариных заключается в описании реалий быта семей, проникнутых идиллическим представлением о времени. Тема еды, связанная с домом Ростовых, является доминантной и для Лариных: «Центр ларинского мира – стол, за которым собирается семья. С ним всегда связаны появления Лариных на страницах романа: 2-я глава – ужин с соседями, перечисление любимых блюд; 3-я – прием Онегина с Ленским <...> второй их визит <...> глава 5-я – у Лариных пир; в 7-й – Ларина с соседом – где ж, как не за столом, Татьяну “ждут давно”. В седьмой же главе в списке скарба, который везут в Москву, больше половины – провизия и посуда; Ларины пытаются увезти с собой свой мирок» [8, с. 62].

Нечто подобное происходит и с Ростовыми. Оставляя Москву, они укладывают в сундуки добро, которого «в доме на сто тысяч» [7, VI, с. 323). Особое внимание в этой сцене уделено коврам, хрусталу и фарфору; упоминаются «киевские тарелки» и «саксонские блюда». Но семейству не суждено забрать «домашний» мир с собой. Пересечение границы идиллического пространства чревато катастрофой, кроме того, свои условия диктует война: Ростовы отдают подводы раненым. Пожар Москвы окончательно разоряет их; имение продается с молотка, а семья поселяется в маленькой квартирке в Сивцевом Вражке.

Смерть в идиллии лишена трагичности; в мире Лариных она «благостна и едва ли не долгожданна», когда речь идет о главе семейства [8, с. 62]. В идиллии Ростовых смерть старого графа является ожидаемым со-

бытием; Илья Андреич предчувствует свою кончину и умирает на руках жены, оплаканный семьей: «С первых дней его болезни, несмотря на утешения докторов, он понял, что ему не вставать. Графиня, не раздеваясь, две недели провела в кресле у его изголовья. Всякий раз, как она давала ему лекарство, он, всхлипывая, молча целовал ее руку <...> Причастившись и особоровавшись, он тихо умер, и на другой день толпа знакомых, приехавших отдать последний долг покойнику, наполняла наемную квартиру Ростовых» [7, VII, с. 259]. Здесь следует заметить, что умирает граф не в собственном доме, а в «наемной квартире»: его смерть совершается уже после разрушения идиллического мира, которое ознаменовано «пожаром Москвы и бегством из нее, смертью князя Андрея и отчаянием Наташи, смертью Пети, горем графини» [7, VII, с. 259].

В идиллическом мире Толстого соседствуют еда и смерть: «В то время как у Ростовых танцевали в зале шестой англес под звуки от усталости фальшививших музыкантов и усталые официанты и повара готовили ужин, с графом Безуховым сделался шестой уже удар. Доктора объявили, что надежды к выздоровлению нет...» [7, IV, с. 89]. Г. Лесскис указывает на сюжетную связь сцен именин и смерти: «Сперва княгиня Анна Михайловна, помогавшая графине Ростовой “в деле принимания и занимания разговором гостей”, едет от Ростовой к умирающему графу в надежде выхлопотать что-нибудь для своего сына, потом Пьер, оставив умирающего отца, отправляется к Ростовой на именинный обед, а затем снова Анна Михайловна с Пьером возвращается к постели умирающего графа» [2, с. 517]. Исследователь справедливо отмечает отсутствие драматизма в темах смерти и смены поколений; главное здесь – «естественность “младой жизни”, играющей у “гробового входа”» [2, с. 518]. Одинаково идиллически и у Пушкина, и у Толстого «заботливая прислуга», в «Евгении Онегине» поющая «по наказу» за сбором ягод, гадающая вместе с барышней на святках, в «Войне и мире» любовно-почтительно относящаяся к своим господам, разделяющая их горести и радости.

Идиллические мотивы, доминантные в линии Ростовых, у Толстого носят программный характер, отвечая представлениям писателя об *идеальном русском доме*. В пушкинском творчестве идиллические мотивы также связаны с идеей *дома*. На наличие у Пушкина особой модели сюжетообразования, близкой к сентиментальному роману, указывает Е. Хаев, обнаруживая ее в «Домике в Коломне», в «Медном всаднике», «Уединенном домике на Васильевском», в «Станционном смотрителе», «Русалке» и «Капитанской дочке». Сюжетная ситуация в этих произведениях связана с домиком на окраине города или села, вокруг которого – «открытое пространство, чуждый и опасный мир, где бушует метель, или наводнение, или пожар <...> Пересечение границы чревато гибельными последствиями» [8, с. 97]. Мотив идиллии труда, мотив поколений, соседствующих в идиллическом мире, цикличность времени, движение времен года, обра-

щенность к прошлому, перфектность циклического времени представлены у Пушкина в каждом случае; смерть же «почти никогда не бывает идиллической <...> а, как правило, связана с катастрофической гибелью всего мира» [8, с. 97]. «Идиллический мир, – заключает Е. Хаев, – как нельзя лучше приспособлен к воплощению идеала <...> Но воплощение идеала – это его анализ, а анализ – это губительная объектность. <...> противоречивости утопического идеала патриархальности соответствует структурный механизм, обеспечивающий нестабильность идиллического мира. Поэтому идиллический мир у Пушкина столь часто предстает в ироническом и пародийном свете, с подчеркиванием его литературности, утопичности и в то же время сильнейшего его обаяния» [8, с. 104].

Отношение Толстого к идиллическому миру предельно серьезно, без намек на иронию и пародийность. Сознание утопичности идиллии, свойственное Пушкину, заменяется у Толстого мыслью о необходимости ее осуществления и художественным утверждением жизнеспособности, поскольку именно идиллия удовлетворяет потребность писателя в устойчивой концепции мира. Иное дело, что, утверждая идиллию, Толстой значительным образом модернизирует ее, осложняя устойчивой связью с идеей «живой жизни», сопряжением двух пространственных парадигм – дома и неба, а также мотивами музыки и волшебной трансформации пространства. Это как раз и придает ей устойчивость, способность «подстраиваться» под меняющийся мир, восстанавливаться после катастрофического вторжения мира чужеродного.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975.
2. Лескис Г. Лев Толстой (1852 – 1869). Вторая книга цикла «пушкинский путь» в русской литературе. – М.: ОГИ, 2000.
3. Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. – М., 1960. – Т. 4. – С. 5–201.
4. Радомская Т. И. Дом и Отечество в русской литературе первой трети XIX в. Опыт духовного, семейного, государственного устройства. – М., 2006.
5. Ранчин А. М. Мир символов в «Войне и мире» Л. Н. Толстого: несколько разъяснений. – [Электронный ресурс]: <http://www.portal-slovo.ru>
6. Толстая Е. Экспериментальные приемы в «Войне и мире» // Лев Толстой и мировая литература: Материалы к Международной научной конференции. – Тула: Ясная Поляна, 2008. – Вып. 5. – С. 109–131.
7. Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. – М., 1978–1985.
8. Хаев Е. Болдинское чтение: статьи, заметки, воспоминания. – Нижний Новгород, 2001.

**Феномен самомифологизации и архаизация массового сознания
в романе Ф. М. Достоевского «Бесы»**

В статье доказывается, что Ф. М. Достоевский в «Бесах» обратил внимание на явление самомифологизации личности под влиянием социально-политических мифологий. Русский человек, зараженный современным мифом, становится человеком «толпы», управляемым и закодированным, живущим в особой мифологизированной реальности.

The author proves that in the “Demons” F.M. Dostoyevsky brought to notice such phenomenon as self-mythologizing of a person under the influence of social and political myths. Any Russian contaminated by contemporary myth becomes a man of the crowd, controllable and programmed, living in a specific mythologized reality.

Ключевые слова: Достоевский, социальный миф, политический миф, архаизация массового сознания.

Key words: Dostoyevsky, social myth, political myth, archaism-izing of mass consciousness.

Психологи, философы, социологи и политологи XX века обратили внимание на феномен современного политического мифотворчества. Периоды общественных кризисов сопровождаются всплеском архаического сознания, активизируются процессы, происходящие в коллективном бессознательном. В такие периоды активным становится влияние на политическую жизнь ряда устойчивых мифов. Политический миф – это архетипическая конструкция, спроецированная в сферу самоорганизации общества и народа [2, с. 75]. Сила мифа в том, что он воздействует на внеличностные структуры сознания. Миф подключает человека к коллективному опыту. Личность исчезает, растворяется в мифе. Ее место занимает «человек толпы». Поступки, образ мыслей, переживания «человека толпы» подчинены коллективному бессознательному. Поэтому он легко управляем и целиком зависит от внешних сил, которые направляют его. «Человек толпы» не несет ответственности за свои поступки, так как решения принимаются за него.

В 70-е годы XIX века Достоевский первым из русских мыслителей обратил внимание на феномен архаизации массового сознания в эпоху общественных кризисов. Время, в которое происходят события, описанные в «Бесах», хроникер определил как «смутное время». Однако сам хроникер не может определить направление «перехода», он только понимает, что находится в эпицентре стихийных событий, вызванных кризисом власти:

«В смутное время колебания и перехода всегда и везде появляются разные людишки... В чем состояло наше смутное время и от чего к чему был у нас переход – я не знаю, да и никто, я думаю, не знает... А между тем дряннейшие людишки получили вдруг перевес, стали громко критиковать все священное [1, X, с. 354]. В «Бесах» Достоевский показал современный исторический процесс как столкновение мифополитических систем: разрушение старого национального мифа о государстве и борьбу конкурирующих либерального мифа и мифа революционной демократии. Русский человек, зараженный современным мифом, хочет он того или нет, помимо своей воли становится человеком «толпы», управляемым и закодированным, живущим в особой мифологизированной реальности. Рассмотрим этот феномен на примере героев романа «Бесы».

Носителем либеральной мифологии в «Бесах» является «либерал-идеалист» 40-х годов Степан Трофимович Верховенский. Образ Степана Трофимовича выводит нас на проблему самомифологизации личности. Здесь не лишним будет обратиться к определению мифа, данному А.Ф. Лосевым в «Диалектике мифа». С его точки зрения, миф – это «в словах данная чудесная личная история» [3, с. 212]. Такую чудесную личную историю сочиняет о себе Степан Трофимович, подпадая под влиянием популярного в это время мифа о «либерале-идеалисте». Можно сказать, что он вживается в эту мифосхему. С первых страниц романа старший Верховенский подается автором как герой, одержимый «дружостью», играющий на публике особую «гражданскую роль». Внешний «классический блеск» гражданской роли «гонимого» и «ссылного» доводит героя до некоторого «высокого и приятного для самолюбия пьедестала» [1, X, с. 7].

А. Ф. Лосев, обосновывая свою гипотезу о мифологичности науки, утверждал, что миф – это та же аксиома, то есть то, что не доказано, недоказуемо и не требует доказательств [3, с. 391]. В миф безоговорочно верят. В него не просто верят, в нем живут. Ф. М. Достоевский показывает, как постепенно человек сам начинает искренне верить в самовыдуманную роль: «Он искренне сам верил всю свою жизнь, что в некоторых сферах его постоянно опасаются, что шаги его беспрерывно известны и сочтены» [1, X, с. 8]. Степан Трофимович живет в мифологизированной реальности. Хроникера поражает, насколько эту виртуальную реальность далека от действительности: «Я только теперь, на днях узнал, к величайшему моему удивлению, но зато уже в совершенной достоверности, что Степан Трофимович проживал между нами, в нашей губернии, не только не в ссылке, как принято было у нас думать, но даже и под присмотром никогда не находился» [1, X, с. 9].

Особенностью поведения героев, живущих в мифе, является подражательность, схематизм, несвобода поступков, навязанных позой. Оказалось возможным «простоять всю свою жизнь, более двадцати лет, так сказать, «воплощенной укоризной» перед отчизной, по выражению поэта:

«Воплощенной укоризной <...> // Ты стоял перед отчизной, // *Либерал-идеалист*» [1, X, с. 11]. В данном случае «либерал-идеалист» – это образ для подражания, своего рода героический архетип. Как показывает Достоевский, имена активно действовавших когда-то Героев являются почти сакральными для подражающих им либералов 40-х годов. Эти имена произносятся шепотом, их окружает тайна, на них наложено «табу». А сами герои (в романе перечислены Герцен, Чаадаев, Белинский, Грановский) становятся своего рода мифологическими образцами для подражания. Степан Трофимович, рассуждая о Белинском с братией, восклицает: «Вот были люди! Сумели же они любить свой народ, сумели же и пострадать за него, сумели же пожертвовать для него всем и сумели в то же время не сходить с ним, когда надо, не потворствовать ему в известных понятиях. Не мог же в самом деле Белинский искать спасения в постном масле или в редьке с горохом!...» [1, X, с. 33]. Здесь Белинский выступает в роли мифического героя, первочеловека (были люди – сакральное прошлое), приносящего себя в жертву народу-племени, народу-идолу. Жизнь и смерть Белинского выглядят как жертвоприношение. Великий критик приходит в мир, чтобы принести в него новость, которая позднее становится нормой (функция мифологического героя). Прогрессивная молодежь из «наших» так поняла эту новую норму: «О заповеди: ”чти отца твоего и мать твою“, которую вы не умели прочесть, и что она безнравственна, – уже с Белинского всем в России известно» [1, X, с. 308]. Герой нового времени призван «открыть народу глаза», показать другую, новую дорогу к спасению.

Жизнеописание героев нового времени становится руководством к действию, образцом поведения и для «либерала-идеалиста» Степана Трофимовича, и для «наших». Их имена освящают высшим светом «тернистый путь» и простой быт героепоклонников. Хромой учитель оправдывает «наших»: «...разговоры и суждения о будущем социальном устройстве – почти настоящая необходимость всех мыслящих современных людей. Герцен всю жизнь только о том и заботился. Белинский, как мне достоверно известно, проводил целые вечера со своими друзьями, дебатировав и предвещая заранее даже самые мелкие, так сказать, кухонные, подробности в будущем социальном устройстве» [1, X, с. 313]. И даже своевольный и свободный Николай Ставрогин не избежал подражательного «как». В своем прощальном письме Даше он пишет: «Прошлого года я, как Герцен, записался в граждане кантона Ури, и этого никто не знает» [1, X, с. 513].

Кумиры поколения 40-х странным образом напоминают мифических героев: только они когда-то активно действовали, совершали поступки, творили новую норму. Их же последователи «вынуждены» прозябать в бездействии, отказываясь от риска совершать поступки из страха быть наказанными, сосланными, арестованными. В них чувствуется некая зачарованность свободными и спонтанными действиями «первых» героев. Жить

для Степана Трофимовича значит подражать мифологической, установленной «героями» схеме. Значит, написать вольнодумное произведение (им по модному канону написана поэма: «но тогда ... в этом роде часто пописывали» [1, X, с. 8]), в котором бы проводилась какая-нибудь «высшая мысль»; быть изгнанным (изгнан с кафедры); иметь врагов (в данном случае ими становятся славянофилы: «Диссертация эта ловко и больно уколола тогдашних славянофилов и разом доставила ему между ними многочисленных и разъяренных врагов» [1, X, с. 8]); быть сосланным (Скворешники как ссылка для Степана Трофимовича); жить под угрозой наказания (страх перед арестом).

Особенностью героепоклонства современных мифотворцев, как показал Ф. М. Достоевский, является самозванство маски. В этом случае свое имя вписывается в ряд сакральных: «...его имя многими тогдашними торопившимися людьми произносилось чуть не наряду с именами Чаадаева, Грановского, Белинского и только что начинавшего тогда за границей Герцена» [1, X, с. 8]. В начале 60-х годов о Степане Трофимовиче вдруг вспомнили: «Наконец и о нем вспомняли, сначала в заграничных изданиях, как о ссыльном страдальце, и потом тотчас же в Петербурге, как о бывшей звезде в известном созвездии; даже сравнили его почему-то с Радищевым» [1, X, с. 20]. Еще одно магическое для передовой русской мысли имя. Здесь необходимо заметить, что, согласно А.Ф. Лосеву, миф есть развернутое магическое имя [3, с. 390]. Все это мелькание имен известных в России общественных деятелей только подчеркивает, насколько важно было для Степана Трофимовича вписаться, встроиться в этот ряд. Вспомним замечательную в своем роде мечту Степана Трофимовича «примкнуть к движению и показать свои силы» [1, X, с. 20]. «Примкнуть» – то же, что прижиться. «Примкнув», человек отказывается от своей личной активности, становится частью толпы.

В главе «Степана Трофимовича описали» происходит перелом в мироощущении героя: разрушается миф о себе, что приводит к прорыву спонтанной активности, совершенно несвойственным герою действиям, прозрению религиозному и нравственному. После того как полиция описала его личные бумаги и книги, герой впадает в отчаяние, им овладевает страх. Но хроникер проницательно замечает, что это страх не перед арестом и Сибирью. Степан Трофимович предчувствует разрушение мифа о себе, собственную демифологизацию: « - Я погиб..<...> cher, я не Сибири боюсь <...>, я другого боюсь.<...> Я позора боюсь, – прошептал он таинственно» [1, X, с. 332]. Страх Степана Трофимовича – это страх самозванно воцарившегося карнавального шута перед падением. Карнавальное наказание за воцарение – публичная порка. И паника Степана Трофимовича, его бредовая идея о физическом наказании («высекут») является приговором самому себе, своему шутовскому воцарению, своему «ничегонеделанию», возведенному в чин «гражданской скорби».

Ф. М. Достоевский показывает, что политический миф стремится стать реальностью. В него не просто верят, в нем живут. Когда хроникер спрашивает у своего друга, принадлежит ли он к какому-нибудь тайному обществу, тот, к его удивлению, и тут не был уверен: «Ведь как это считать, *voyez-vous...* Когда принадлежишь всем сердцем прогрессу и... кто может заручиться: думаешь, что не принадлежишь, ан, смотришь, что к чему-нибудь и принадлежишь» [1, X, с. 330]. Действительность теряет четкие очертания, становится зыбкой, превращается в мифологизированную виртуальную реальность, и человек уже перестает понимать, где явь, а где сон. «В «кибитку» он, очевидно, верил, как в то, что я сидел подле него, и ждал ее именно в это утро, сейчас, сию минуту, и все это за сочинения Герцена да за какую-то свою поэму! Такое полнейшее, совершенное незнание обыденной действительности было умилительно и как-то противно», – отмечает хроникер [1, X, с. 331]. Степан Трофимович благополучно изживает миф о собственной «гражданской постановке», о «влиянии на умы» и приходит к осознанию долженствующей единственности собственной личности, ответственности за поступки. Лжемиф проявляется, обнаруживается, дешифруется и разоблачается. И, в конце концов, он единственный герой в «Бесах», который удостоился чести высказать сокровенные мысли автора о бессмертии и вере. Но Степан Трофимович – не единственный пример личности, живущей мифом о себе. Для всех ролевых, позирующих героев «Бесов» характерно мифотворчество. Проблема самомифологизации личности в «Бесах» связана и с «Лембками», и с «нашими», и с образом Петруши Верховенского.

Юлия Михайловна Лембке представляет собой женский вариант «дряхлеющего» мифа старой власти. Это женский режим, который приводит к архаизации общества и беснованию. В этом женском мифе она, мифическая Героиня, – «мать родная» всем: и консерваторам, и либералам, и социалистам. Она их покровительница и владычица. «Они», ее фавориты, «фанатически преданы» ей [1, X, с. 247], «они» – только непослушные расшалившиеся дети, которых она «сгруппирует около себя», «отвлечет от гибели, указав новую дорогу их честолюбия» [1, X, с. 248]. Она «спасет их всех; она их рассортирует; она так о них доложит; она поступит в видах высшей справедливости, и даже, может быть, история и весь русский либерализм благословят ее имя» [1, X, с. 268]. В политической мечте этой восторженной администраторши соединяется несоединимое. Она пытается вписаться в архетип Великой Матери, подключается и образ Богородицы, архетип Спасения – Спасительницы, и в то же время Юлия Михайловна мечтает раскрыть заговор, «спасти» и «доложить». Героиня пытается скрестить конкурирующие мифы: «Ей нравились и крупное землевладение, и аристократический элемент, и усиление губернаторской власти, и демократический элемент, и новые учреждения, и порядок, и вольнодумство, и социальные идейки, и строгий тон аристократического салона, и развяз-

ность чуть не трактирная окружавшей ее молодежи. Она мечтала дать счастье и примирить непримиримое, вернее же соединить всех и все в обожании собственной особы» [1, X, с. 268]. Миф Юлии Михайловны об обожании ее владетельной особы выдает самозваную сущность вроде бы легитимной власти. Самозванец – это тот, кто противостоит избраннику Божьему, призванному «глаголом жечь сердца людей». Хроникер замечает в Юлии Михайловне эту самозваную активность и иронизирует: «...она вдруг, с переменой судьбы, почувствовала себя как-то уж слишком особенно призванною, чуть ли не помазанною, «над коей особенно вспыхнул язык», а в языке-то этом и заключалась беда; все-таки ведь он не шиньон, который может накрыть каждую женскую голову» [1, X, с. 268]. Древний христианский архетип Богородицы, Матери Болезной не стыкуется с соблазненным Юлию Михайловну мифом секуляризованной культуры об Императрице и ее фаворитах. Юлии Михайловне не удалось переключить, перекодировать мифы. Заявив претензию на приручение и управление, она незаметно для себя сама становится управляемой: «Бедняжка разом очутилась игрищем самых различных влияний, в то же время вполне воображая себя оригинальною» [1, X, с. 268]. Такие люди – находка для манипуляторов и политтехнологов, каким и является Петруша Верховенский.

Как утверждают исследователи, публичная политика представляет собой некое мифологическое пространство. «Не случайно выражение «политический Олимп», уподобляющее политиков мифическим богам. <...> Монотеистические религии рисуют другую картину мира. Однако появление массового общества сделало возможным возврат к прежнему мифологическому восприятию политических лидеров и политики вообще», – пишет А. Цуладзе [4, с. 155-156]. На этот феномен обратил внимание Ф.М. Достоевский в «Бесах». Хроникер рассказывает о поездке Степана Трофимовича и Варвары Петровны в Петербург в начале 60-х годов: «Степан Трофимович проник даже в самый высший их круг, туда, откуда управляли движением. До управляющих было до невероятности высоко, но его они встретили радушно <...>. Он до того маневрировал около них, что зазвал раза два в салон Варвары Петровны, несмотря на все их олимпийство. Эти были очень серьезны и очень вежливы; держали себя хорошо; остальные видимо их боялись» [1, X, с. 21]. То чувство ужаса и восторга, благоговения и страха, которое испытывает толпа перед «олимпийцами», близко к нуменозному переживанию, переживанию человека, стоящего перед лицом Бога, одновременно великим и ужасным. В поклонении молодого поколения демократов своим лидерам есть что-то от идолопоклонства. Современные политики воспринимаются обывателями как античные боги, которые повелевают природой и людьми.

Ф. М. Достоевский предчувствовал наступление эры «нового племенного человека» и уже в «Бесах» изобразил «наших» как племя. Отсюда «мы» и «нас» («мы знаем», «слишком известно», «все уже знают» и т.д.).

Племя «наших», разрушая «старую» национальную мифологию («предрас-судки хотя, конечно, старая вещь и надо истреблять, но насчет именин все уже знают, что глупости и очень старо...» [1, X, с. 305]), свято верует в мифы нового времени. Город в «Бесах», как показал его Достоевский, тотально заражен лжемифом. Под лжемифом мы, вслед за А. Кольевым, будем понимать миф, не соответствующий древнему архетипу, противостоящий опыту предков, культурной парадигме, существующей в общественном сознании помимо его воли [2, с. 109]. И здесь Достоевский подметил еще одну закономерность: воздействию лжемифа подвергается, прежде всего, интеллигенция, сознание простого народа гораздо дольше сопротивляется «перекодировке», так как больше связано с национальной мифологией и христианством. Это особенно отчетливо звучит в споре Федьки Каторжного с Петрушей Верховенским, когда Федька заявляет: «И знаешь ли ты, чего стал достоин уже тем одним пунктом, что в самого Бога, Творца истинного, перестал по разврату своему веровать? Все одно что идолопоклонник... Но ты, как бестолковый идол... как тот злодей-соблазнитель, называемый атеист» [1, X, с. 428]. Федькины выводы позволяют Липутину засомневаться: «Я думаю... я думаю, что от «Смоленска до Ташкента вовсе уж не с таким нетерпением ждут студента» [1, X, с. 428]. В этих словах Липутина – надежда Ф.М. Достоевского на то, что все-таки народ устоит перед мощным воздействием контрмифа, и предупреждение учащейся молодежи, «студентам» не впадать в соблазн самомифологизации, не пытаться сделать из своей единственной и неповторимой, данной от Бога, жизни всего лишь мифополитическую схему под кодовым названием «Жизнеописание "Светлой личности"». Автор «Бесов» убедительно показал, что архаические формы сознания не только не отступают, а актуализируются в эпоху, когда «Бог умер».

Список литературы

1. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 т. – Л.: Наука, 1972-1990.
2. Кольев А. Политическая мифология: реализация социального опыта. – М.: Логос, 2003.
3. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. – М.: Правда, 2001.
4. Цуладзе А. Политическая мифология. – М.: Алгоритм, 2003.

Образ З. Н. Гиппиус на страницах дневника С. П. Каблукова

В статье анализируется дневник секретаря Петербургского Религиозно-философского общества С. П. Каблукова, в котором он оставил свои впечатления от общения с З. Н. Гиппиус. Документальные свидетельства автора дневника добавляют новые штрихи к сложившемуся в литературном мире образу «первой русской декадентки», а также позволяют составить представление о специфике религиозно-философских взглядов приверженцев «нового религиозного сознания».

The article analyses Petersburg Religious-philosophical society secretary, S.P. Kablukov's diary in which he had his impressions of his speaking to Z.N. Gippius. Documentary evidence of the author's diary adds new touches to her image of «the first Russian decadent» established in the literary world and also allows to make an idea of specifics of religious and philosophical views of supporters of «new religious consciousness».

Ключевые слова: дневник, религиозно-философское общество, документальные свидетельства, «первая русская декадентка», литературный образ, «новое религиозное сознание».

Key words: diary, religious-philosophical society, documentary evidence, «the first Russian decadent», literary image, «new religious consciousness».

Дневник С. П. Каблукова, секретаря петербургского Религиозно-философского общества, математика по образованию, преподавателя реальных училищ и гимназий Петербурга, к настоящему времени широко известен в исследовательской среде. Причин тому несколько. Во-первых, дневник содержит обширный фактографический материал, касающийся религиозных исканий русской интеллигенции начала XX века. Именно поэтому к дневнику Каблукова еще в 1987 году в процессе работы над монографией, посвященной «богоискательству» в России начала XX века, обратился историк С. Н. Савельев [4]. Спустя два десятилетия, исследуя историю Религиозно-философского общества в Санкт-Петербурге, тот же источник использовал А. А. Ермичёв, для которого дневник Каблукова стал «исключительным по значению документом жизни петербургского интеллигента начала XX века» [2].

Другая причина связана с ближайшим окружением Каблукова, поскольку ему довелось поддерживать дружеские отношения со многими виднейшими представителями литературно-художественной элиты начала века. В круг его знакомых входили В. В. Розанов, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, Вяч. Иванов, О. Э. Мандельштам, И. Е. Репин, А. В. Карташёв. На сегодняшний день без свидетельств С. П. Каблукова трудно соста-

вить адекватное представление о психологическом облике упомянутых деятелей эпохи, прояснить роль каждого из них в историко-культурном и религиозно-философском движении начала века. Так, например, документальные свидетельства Каблукова о его дружбе с В. В. Розановым послужили ценным источником для книги В. А. Фатеева «С русской бездной в душе. Жизнеописание Василия Розанова» [5].

Многие страницы дневника Каблукова посвящены Зинаиде Николаевне Гиппиус. Отношение к ней автора заслуживает особого разговора. Начиная с 1909 года, когда он становится секретарем Религиозно-философского общества, имя Гиппиус упоминается в его дневнике регулярно. В этой связи следует заметить, что позиция Каблуков в отношении роли женщины в общественно-культурном процессе соответствовала сложившимся стереотипам, выразителем которых являлся австрийский философ О. Вейнингер. В 1902 году он представил свои взгляды на «мужское» и «женское» начала в философском трактате «Пол и характер. Принципиальное исследование». Популярность этой книги, вышедшей в первом полном русском переводе в 1908, была так высока, что появился термин «вейнингеризм», введенный Бердяевым в его рецензии на это издание. «В России осмысление идей «Пола и характера» явилось кульминацией философского обсуждения вопроса пола – магистрального, в частности, для русских символистов» [1, с. 212]. Каблуков вполне разделял убеждения О. Вейнингера в том, что предназначение женщины полностью определяется ее биологическими функциями, заложенными в самой женской природе, что женщина лишена «личности», духа творчества, что для нее закрыты все интеллектуальные сферы, что «в онтологическом смысле женщина представляет собой Ничто» [1, с. 211]. Такое, несколько презрительное отношение к женщинам отражено и в дневнике Каблукова. Но о Зинаиде Гиппиус можно сказать, что она единственная из женщин, которая разрушает сложившиеся у Каблукова представления об отношениях между полами. С самого начала знакомства он попадает под сильное влияние Гиппиус, разделяя и поддерживая взгляды сторонников «нового религиозного сознания». Каблуков высоко ценил как личностные качества поэтессы, так и ее литературный талант. Гиппиус вызывает у него искреннее уважение, граничащее с восхищением, ему явно льстит, что такая известная личность, знаковая фигура эпохи, «декадентская мадонна», проявляет к нему неподдельный интерес: «До и после заседания я много говорил с Зинаидой Николаевной Гиппиус... <...> Говорили и о ее стихах, о стихотворении “Петербургу”, которое должно бы появиться в “Речи” сегодня, и о “несчастном случае в цирке Чинизелли”, который по нашему мнению имеет провиденциально-символическое значение» [6, л. 181]. Не без участия Зинаиды Николаевны Каблуков становится секретарем Религиозно-философского общества: «Во время перерыва З. Н. Гиппиус сказала мне, что Совет общества жаждет предложить мне звание Секретаря

об<щества>ва с сохранением за мной должности Секретаря Христ<ианской> секции. Для этого нам необходимо было сговориться, и она предложила мне вечер 23-го апреля в 9 ч., как время для делового свидания у нее на квартире. Я согласился» [7, л. 29].

Очевидным «пиететом» исполнены строки, в которых упоминается ее имя: «Сегодня в “Речи” напечатана прекрасная ст. З. Н. Гиппиус “Христианство и казнь”, излагающая взгляды В. А. Жуковского на казнь...» (запись от 23 февраля) [6, л. 30]. А когда редакция журнала «Огонек» «обратилась к выдающимся людям России» с вопросом «Какие благопожелания шлете вы России на наступающий 1910 год?» и напечатала в 1 номере 163 ответа, то Каблуков прокомментировал: «Умнейший – принадлежит Зин. Н. Гиппиус» [11, л. 15].

Широко известна и запись из дневника Каблукова, передающая его разговор с Вяч. Ивановым о З. Гиппиус, где Вячеслав Иванович высказывает мнение, что Зинаида Николаевна «гораздо талантливее Мережковского как поэтесса и автор художественной прозы» и «многие идеи, характерные для Мережковского, зародились в уме З. Ник., Д. С. принадлежит только их развитие и разъяснение», «мистического опыта в ней также несравненно более, чем у ее мужа» [7, л. 162-163].

Не остался Каблуков безучастен и к широко распространенному мифу об «андрогинности» Гиппиус, ее «гермафродитизме», поэтому очень подробно описал ту часть беседы с Вяч. Ивановым, где речь идет именно об этом: «Зин. Николаевна очень тяготится тем, что она женщина, поэтому она подписывается часто мужскими псевдонимами – напр., “Антон Крайний”, “Лев Пущин” и в стихах и рассказах от своего лица говорит всегда в мужском роде. Я спросил Иванова, не имеет ли себе возмещение в лесбоских склонностях это отвращение Зин. Ник. к мужским ласкам. Он ответил незнанием, хотя признался, что также думает и сам. Но прибавил, что теперь к этим аномалиям она относится с отвращением, весьма ригористично» [7, л. 162-163]. В неведении остается и автор дневника, впрочем, не проявляя особого интереса к этой теме. Любопытно, что сама Гиппиус со свойственной ей провокационностью попыталась проверить реакцию Каблукова, показывая ему «компрометирующие» ее материалы: анонимное письмо Мережковскому по поводу «жены-гермофродита» или свои «французские» рассказы на тему «нетрадиционной» любви. Но все же Каблуков воспринимает Зинаиду Николаевну именно как женщину, способную нравиться мужчинам. Не случайно он приводит в дневнике посвящение П.И. Вейнберга, написанное в альбоме, подаренном им Зинаиде Николаевне: «Три года прошло, – леденеет уж кровь, / Но к вам точно так же пылает любовь» [10, л. 60].

В этой связи интересно и письмо Розанова, в котором он упрекает Каблукова в излишнем внимании к Гиппиус, из-за чего остановилось дело по изданию его книги «Когда начальство ушло»: «Сердит как ваш матема-

тик на стене. Или как 2 Везувия рядом. Это черт знает что!! 1½ недели киснем на желтой обложке. <...> Вы были летом орел, а теперь – мокрая курица. Даже без хвоста. Или воробей по осени!! Вы совсем втюрились в вашу Зиночку (“рыбак рыбака видит издалека”) и забыли Богданова, меня, Митюрникова, все забыли!!» [3, с. 219-220].

«Протокольные записи» в дневнике, касающиеся Зинаиды Николаевны, – а таковых большинство – ничего не добавляют к облику Гиппиус, кроме известных ее качеств: деловитости, искусства общения с теми, в ком она заинтересована, живейшего интереса ко всем проблемам русского общества. Это происходит оттого, что Каблуков просто не допускает «бытописания» в отношении Гиппиус. Единственное, о чем он регулярно упоминает, – это о «процессе в легких» и частых болезнях Гиппиус, но и здесь чувствуется его восхищение силой характера этой женщины, способностью оставаться ироничной и хладнокровной по отношению к себе даже в состоянии вынужденной слабости.

О своем личном общении с Гиппиус Каблуков в дневнике не пишет: возможно, здесь играет роль внутренняя установка автора на «летописность», допускающая возможность того, что дневник будет прочитан. Но, с другой стороны, это могут быть и причины психологического характера, по которым автор не в состоянии быть вполне откровенным перед самим собой. И все же Каблуков находит способ рассказать читателю о своем личном общении с Гиппиус. Своеобразным «замещением» дневниковых откровений служат письма Гиппиус к Каблукову и его ответы. Но и здесь приходится констатировать жанровую оригинальность, поскольку отсутствует первоисточник – сами письма. Из дневника Каблукова известно о наличии у него «собрания писем» Гиппиус (сами письма З.Н. Гиппиус к С.П. Каблукову в дневниках отсутствуют и их местонахождение неизвестно). Об этом свидетельствует запись от 6 апреля 1910 года: «Вчера получил письмо от З. Н. Гиппиус из Канн от 30-го марта. Этого числа они уехали в Канны, во Францию. Письмо, очень интересное, находится у меня в собрании писем. Ответ отправлен сегодня» [12, л. 90]. Но все же он считает должным переписывать некоторые ее письма в дневник, так же, как и свои ответы ей. Именно в письмах он делится с Гиппиус своими сокровенными мыслями и позволяет себе выражать чувства и эмоции, которых в целом лишен дневник. Стиль его писем разительно отличается от протокольно-сухих дневниковых записей. Например: «Я люблю православное богослужение и не могу жить без него. Я живу от праздника до праздника, сменой их, сменой различных богослужебных периодов...» [7, л. 173] Тематика переписки разнообразна. Прежде всего, это темы, интересующие Каблукова, и вопросы, его волнующие. Он высказывает мнение о монашеском съезде, о своем отношении к епископу Антонию (Храповицкому), рассказывает о проблемах, связанных с работой в Реальном училище, делится новостями в области литературы, сетует на то, что «этот год «Весы»

стали хромать» и его «особенно огорчает» отсутствие статей и стихов Зинаиды Николаевны. Из ответного письма Гиппиус можно узнать, что с ней он делится своим горем – утратой близкого друга Степана Васильевича Смоленского, неожиданная смерть которого потрясла Каблукова. Содержание письма Гиппиус свидетельствует о том, что он находит вполне искреннее сочувствие Зинаиды Николаевны: «Вполне понимаю вашу печаль. Все в жизни переносимо и победимо, вот только смерть одна... Только она» [9, л. 48]. Совсем неожиданно звучат строки из письма Гиппиус, где она спрашивает Каблукова: «Скажите вот еще что: (меня это очень удивило!) отчего вам кажется, что вы скоро умрете? Отчего?» [9, л. 81-82]. Между тем дневниковые записи не дают ни малейшего повода говорить о том, что автор озабочен подобной проблемой. Состояние собственной души, ее рефлексии не являются для Каблукова предметом, достойным описания.

Поддерживая Сергея Платоновича, Гиппиус делится с ним своими творческими планами относительного нового романа, ее письма ласковы, заботливы, ободряющи. Например: «Не забывайте меня. Я с удовольствием думаю о вас и о том, что, м<ожет> б<ыть>, эту зиму мы с вами чаще будем видеться. Привет от всех» (от 7 августа 1909 г.); «Впрочем, если даже вы и верите, нужно желать жить как можно дольше. Как, веря, не верить, что мы здесь должны заслужить себе тамошнюю лучшую обитель. О нашем О<бщест>ве будем с вами, по приезду, много и долго беседовать и совещаться. Именно с вами. А пока – черкните ещё строчку. И будьте здоровы. И желайте жить – это важно. Ваша Зин. Гиппиус» (от 1 сентября 1909 г.) [9, л. 49, 138].

Единичны записи, где Каблуков «сниходит» до «лирики» в своем отношении к Гиппиус, например, в такой, как эта: «Сегодня разговаривал по телефону с Зин. Н. Гиппиус. Она сказала, в ночь на сегодня видела меня во сне, будто написал я стихи и очень хорошие, ей понравившиеся, и она советовала мне не показывать их Вяч. Иванову, ибо он будет бранить их. <...> А кругом цветы, прекрасные... и музыка. И здесь З. проснулась. Сон этот считает хорошим. Я сказал, что скучаю, не видя ее...» [11, л. 190].

Отношение Каблукова к браку и семье, свойственные русской интеллигенции начала XX века, также проясняется в переписке. Приведем выдержку из его письма к Гиппиус: «Хотел было я ехать в Кашин, на торжества, связанные с именем св<ятой> благов<ерной> Анной Кашинской, а очутился в Териоках, куда уезжаю 6-го июня, а жить там буду у одной разведенной жены, что вполне безопасно для меня, ибо безбрачное состояние предпочитаю всякому брачному, как легальному, так даже и такому, которое ни к чему не обязывает. В этом Бог мой да будет мне помощником!» [7, л. 173–174]. Вполне разделяющая его взгляды на «безбрачное состояние» Гиппиус предостерегает Каблукова от коварства женщин: «Относительно “жены”, взыскующей, очевидно, нового мужа (с'est la vic!) – смотрите не полагайтесь так беспечно на твердыню вашей

добродетели! Ведь вот что-то уже привело вас к ней на дачу! А если она вам там цветные триоди запоет, ручаетесь ли за себя?» [7, л. 184].

Еще одна особенность дневника Каблукова – это стихотворения Гиппиус, переписанные им в дневник. Самому Сергею Платоновичу посвящено не одно стихотворение Гиппиус. Предыстории некоторых «посвящений» отражены в дневнике. К примеру, запись от 21 декабря 1909 года: «Сегодня Зин. Ник. Гиппиус сказала мне, что намерена написать стихотворение, посвященное мне, где сильно осуждается мое “увлечение” эстетизмом. Если я соглашусь – оно будет напечатано» [10, л. 237]. Свое намерение Гиппиус осуществила и посвятила Каблукову стихотворение «Довольно», вошедшее в «Собрание стихов. Книга вторая. 1903–1909 (М., изд-во «Мусагет»)). 27 февраля 1910 года Каблуков делает запись: «Вчера вечером был у З. Н. Мережковской. Застал ее за пересмотром стихов, которые она отдает в печать. Из этих стихотворений – одно, а именно “Довольно” она посвящает мне. Другое – предложила выбрать мне самому. Я избрал “Петербург” (см. “Весы”, 1909 г., №№ 9-11). Это стихотворение будет первым в книге и будет посвящено мне же. Сборник выйдет в Москве и издательстве “Мусагет” во второй половине апреля» [11, л. 213]. Свою книгу «Собрание стихов», вышедшую в апреле 1910 года, Гиппиус подарила Каблукову со следующей надписью: «Сергею Платоновичу Каблукову, с верою в его понимание, дружбу и сочувствие, любящий автор. 1 октября Х. СПб. З. Гиппиус» [13, л. 107].

В отличие от Мережковских, Каблуков был человеком православным, глубоко верующим и без веры себя не мыслящим. Тем не менее, в его дневнике нашло отражение то кризисное состояние русской церкви, в котором она пребывала в начале XX века. Захваченный атмосферой времени, вполне воцерковлённый человек С. Каблуков попадает под обаяние сторонников «нового религиозного сознания» и вместе с ними принимает участие в попытках реформировать не только историческую церковь, но и общественно-политический строй русского общества. Он так же, как и его новые друзья, негативно относится к существующей официальной церкви, поддерживает «церковников-обновленцев», а понятия «религия» и «революция» становятся для него чуть ли не тождественными. И все же на страницах его дневника разворачивается настоящая полемика с З.Н. Гиппиус по поводу «религиозных вопросов». Заметим, что Каблуков не описывает свои чувства и впечатления, вызванные позицией Гиппиус в отношении «обрядности» официальной церкви, не выражает прямо своего мнения – все это он заменяет выдержками из ее писем (иногда и письмами), «касающимися вопроса о значении обряда», и своими ответами ей. Очень часто записи в дневнике обретают форму пересказа содержания письма, как, например, 10 июля 1909 года, где речь идет об ответном послании Каблукова Зинаиде Николаевне. «В нём я говорю, – записывает автор, – что для меня совершенно ясно, что в моём сознании религия занимает первенст-

вующее место, а обряд – второе, подчинённое. В противном случае я был бы в общении не с нею, а с Син<одальной> Ц<ерковью> и писал бы статьи в “Колоколе”, а не это письмо. Но я не могу забыть, что обряды суть символы откровений, раскрытых и имеющих быть раскрытыми. Те обряды, которые символизируют ложный, но чуть ли не единственный догмат синодального православия – самодержавие, я отвергаю, как “злые” в религиозном смысле. Но истинные догматы, напр<имер>, о божестве Христа, воскресении мертвых и много других я утверждаю...» [8, л. 74–75]. Такое разделение догматов на «злые» и «истинные» позволяет говорить о том, что религиозные взгляды Каблукова были скорректированы временем еще до знакомства с Мережковскими и дальнейшее их формирование шло в унисон со взглядами сторонников «нового революционного сознания». Особенно ярко это проявлялось в тех случаях, когда речь заходила о существующем политическом строе.

В этом отношении интересно письмо Каблукова к Гиппиус от 10 июня 1909 года, где он пишет о своей поездке в Кашин. Примечательным здесь видится следующее обстоятельство: Каблуков считает необходимым объяснить Гиппиус свое «православное рвение», идущее вразрез с религиозными взглядами новых друзей, и в этом объяснении чувствуется скрытое противостояние. «Может быть, Вам покажется странным, – пишет он, – что я думал вступить в молитвенное общение с Синодальной с позволения сказать Церковью? В объяснении этого благословите сказать несколько слов. В Кашин меня влечет то же чувство, которое заставляет неуклонно выстаивать долгие Лаврские службы, которое было одним из стимулов моего выбора для себя именно учебно-ученой деятельности, оставляющей свободными все вечера накануне праздников. <...> Каждый праздник я чувствую по-разному и переживаю события, им вспоминаемые, как бы присутствуя на них. <...> Обычное, светское “интеллигентское” отношение к храму, богослужению и праздникам, проистекающее в 99 из 100 случаев из невежества, незнания славянского языка и отсутствия эстетического восприятия, которому недоступно все, лежащее вне области “Афродиты вульгарной”, мне глубоко противно. <...> “Стихиры Пасхи”, так любимые нашим деревенщиной-простолюдином и по содержанию, и по музыке (напеву) суть совершенные творения искусства. Это чувствуешь, слушая их, и в этом убеждаешься, делая их певческо-ритмический анализ» [7, л. 173–176]. Отстаивая «мистическое» и «эстетическое» достоинства православного богослужения, Каблуков в своем письме одновременно резко критикует рассказы Гиппиус «Месса» (находя, что мысли, выраженные главной героиней, а значит и самой писательницей, «ужасны»), и «Подслушанные слова»: «Наше богослужение <...> оно небесно, оно низводит небо на землю. Я не знаю, как относитесь Вы к тем формам, в какие облечено сейчас наше богослужение, но Ваш рассказ “Подслушанные слова” является для меня плохим предзнаменованием. Впрочем, в рас-

сказе “Не то” (“Весы”. 1906. 6) звучат и другие мотивы, мне очень близкие» [7, л. 177].

Примечательно, что в своем ответном письме (оно приведено в дневнике ниже – запись от 13 июня) Гиппиус как будто бы не замечает всех «крайностей» Каблукова: чрезмерно резкого тона, чрезмерного напора в отстаивании позиции, где-то даже не совсем корректного сравнения «невежественной» «интеллигенции» с «деревенщиной-простолюдином». Она даже соглашается с тем, что ее рассказ “Месса” ужасен: «Пожалуйста, не напоминайте мне о “Мессе”. Это была скверная шутка». Тон ее письма доброжелательный и даже ласковый: «Дорогой С<ергей> П<латонович>. Спасибо за письмо, которому я вполне сочувствую... многому, многому в нем, по крайней мере» [7, л. 183]. Позицию же Каблукова по отношению к православному богослужению Гиппиус пытается «оборотить» в свою пользу, истолковывая написанное им в том ключе, какой ее устраивает: «Что касается до вашей влюбленности в православный культ, то, пожалуй, тут столько чистой эстетики у вас, – самой чистой, – что ничему это повредить не может; нужно только в сознании своем отделять эстетику от религии и давать первой место подчиненное. Карташев тоже полон православной эстетикой; это в нем ценно, как и в вас... Лишь бы она только глаза не туманила, когда нужна бывает особенная их ясность» [7, л. 183 – 184].

Гиппиус сознательно «подменяет» религиозное чувство Каблукова с его любовью к православному богослужению чувством эстетическим, так как для сторонников «нового религиозного сознания» православный культ представлял собой нечто такое, что способно «затуманить» глаза и что надлежало «отделять» от религии. Пока Каблуков находится под их непосредственным влиянием, считает Гиппиус, впрочем, так же, как и Карташев, его любовь к православному богослужению «ничему» «повредить не может». Этим обстоятельством можно объяснить «терпимость» писательницы (которая вовсе не была терпимым человеком!) по отношению к Каблукову, и ласково-наставительный тон ее письма.

Не менее интересно и письмо Гиппиус, в котором она рассуждает о проблеме бессмертия души. Предыдущее письмо Каблукова в дневнике не представлено, но, реконструируя его содержание, можно предположить, что вопрос жизни и смерти, поднятый автором дневника, вызван внезапной кончиной его друга С.В. Смоленского. Отвечая Каблукову, Гиппиус пишет: «Милый Сергей Платонович. Спасибо Вам за скорый и обстоятельный ответ. Ваши ощущения вполне близки мне и понятны. Я завидую вашей крепкой вере. Если бы я, как вы, всегда могла быть уверена, что не исчезну со смертью в небытие, то смерть, моя, не пугала бы меня. Никакие вечные муки (тем более, что они не вяжутся с понятием Бога-Любви) не страшны так, как небытие. Между тем, мысль: “а вдруг за гранью агонии –

ничего?” не может порою не приходиться к человеку, не обладающему совершенством веры [9, л. 137–138].

Несмотря на то, что Каблуков принадлежал к явным сторонникам Мережковских и всячески поддерживал их позицию, его «крен» в сторону православия все же давал о себе знать, хотя бы в его «молитвенном общении с синодальной Церковью», о котором он писал Гиппиус. Поэтому в дневнике отражена и «борьба» за самого Каблукова. Показательна запись от 13 января 1910 года, в которой проявляется несовпадение позиций автора дневника с представителями «нового религиозного сознания»: «Во время разговора З. Н. Г. сделала против меня вполне неожиданный выпад, сказав, что мое отвержение “абсолютного деспотизма” есть только бутада, бунт, и что я, умирая, призову к себе правосл<авного> священника и приму православие через причастие. Мой ответ, что, я думаю, что она, умирая, примет католичество, а что я буду умирать, как Петроний в “Quo vadis”. Резкая отповедь ей была сделана Д. С. <Мережковским> и Д. В. Философовым. Первый назвал ее слова кощунственными и легкомысленными, второй – грубыми беспричинно. Расстались, однако, мирно вполне» [11, л. 44].

Постепенно «крен» Каблукова в сторону православия отдалил его от Мережковских, и в 1915 году он снимает с себя обязанности секретаря Религиозно-философского общества, считая, что работа общества не отвечает поставленным перед ним задачам. В 1917 году он окончательно признает «правоту православной Церкви и ошибочную позицию приверженцев «нового религиозного сознания», приведших страну к революции. В дневнике 1917 года он признает и свою вину: «Не поздно ли однако вопить и каяться? Не пожинаем ли то, что посеяли сами? <...> все, все готовили это, звали к этому, жаждали, вождели этого. И получили. <...> Россия, распинаемая на подлой дыбе революции...» [14, л. 275]. 31 декабря Каблуков, подводя итоги 1917 года и делая «сводку событий», запишет: «Прежде всего я осознал правоту православия и свою органическую связь с ним. Это изменило мои отношения к Мережковским. <...> Затем переменилось и мое политическое мирозерцание. Из радикал-демократа я стал приверженцем самодержавия царского. 10 месяцев русской революции, уничтожившей Россию как государство, опозорившие ее, внесшие чудовищную разруху в хозяйственную, промышленную и бытовую жизнь страны <...>, не могли сделать из меня ничего иного. На горьком опыте понял я, что такое «политические свободы», революция и социализм. С меня их довольно» [15, л. 126–127].

Примирение с Мережковскими наступит в 1919 году. Каблукова, к тому времени уже тяжело болевшего, будет навещать З. Н. Гиппиус и рассказывать ему последние новости из жизни «большевистской» России. 23 апреля Сергей Платонович подробно описывает посещение З. Н. Гиппиус, которая рассказала о новостях петербургской жизни при большевиках, о

смерти В. В. Розанова, о последней встрече с А. А. Блоком в вагоне трамвая. Регулярными станут и телефонные звонки. «Сегодня около 6 ч. дня звонил телеф<он> от Мережковских – у аппарата говорила З. Н. Гиппиус, – запишет Каблуков 9 апреля 1919 года. – Это ответ на мое пасх<альное> приветствие, отосланное в Вел<икую> Субб<оту>. Мы не виделись и не беседовали с января 1917 г., т.е. всю революцию. Расспрашивала меня о моем здоровье подробно. Пообещала прислать свои “Последние стихи” с рукописными добавлениями стихов “Петербурга III”, “Декабристы III” и “Свеча Ненависти”. От имени Д.С. обещала экземпляр “14 декабря”. Рассказала, что всю зиму трижды обострялся у нее туберкулез. “Зашьется и опять разошьется”... Поэтому в конце апреля они уезжают в Гельсингфорс, т. к. получили разрешение и от фин. Сената и от зд<ешней> власти. Сговорились, что я буду звонить к ней» [16, л. 135]. Этот разговор оказался последним в их общении: 24 декабря 1919 года навсегда покинут Россию Мережковские, 25 декабря в возрасте 38 лет уйдет из жизни С. П. Каблуков.

Документальные свидетельства, содержащиеся в дневниках С.П. Каблукова, добавляют новые штрихи к сложившемуся в литературном мире образу «первой русской декадентки», а также позволяют составить представление о специфике религиозно-философских взглядов приверженцев «нового революционного сознания», более полно представить процесс религиозно-философских исканий русской интеллигенции начала XX века.

Список литературы

1. Берштейн Е. Трагедия пола: две заметки о русском вейнингеризме // НЛЮ. – № 65. – 2004. – № 1. – С. 208–228.
2. Ермичёв А. А. Религиозно-философское общество в Петербурге (1907 – 1917): Хроника заседаний. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007.
3. Каблуков С. П. О В. В. Розанове // В. В. Розанов: pro et contra. В 2 кн. / сост., вст. ст. и прим. В. А. Фатеева. – СПб.: РХГИ, 1995. – Кн. I. – С. 20–221.
4. Савельев С. Н. Идеологическое банкротство богоискательства в России в начале XX века. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987.
5. Фатеев В. А. С русской бездной в душе: Жизнеописание Василия Розанова. – СПб. - Кострома, 2002.
6. ОР РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 3.
7. ОР РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 4.
8. ОР РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 5.
9. ОР РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 6.
10. ОР РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 7.
11. ОР РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 8.
12. ОР РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 9.
13. ОР РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 11.
14. ОР РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 48.
15. ОР РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 50.
16. ОР РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 63.

**«Итальянские» новеллы символистского журнала «Весы»:
проблематика и поэтика**

В статье исследуются проблематика и некоторые аспекты поэтики символистских новелл, опубликованных в журнале «Весы» и ориентированных на итальянскую новеллу эпохи Возрождения. Используя потенциал итальянской культуры, русские символисты создают образцы новой прозы. С одной стороны, авторы с помощью интуитивного познания пытаются решить проблему постижения иного Бытия, с другой – преодолевают позицию индивидуализма через обращение к общественной проблематике.

The problematics and some aspects of the poetics of symbolist novellas, published in miscellany “The Balance” and based upon Italian novellas of Renaissance, are studied in the article. Russian symbolists create the new prose using the potential of Italian culture. On the one hand, the authors tend to resolve the problem of understanding the outer reality through intuitive cognition. On the other hand, they overcome the position of ‘individualism’ through appealing to public issues.

Ключевые слова: Возрождение, интуитивное познание, культ красоты, новелла, проза символистов, стилизация, тема Италии.

Key words: Renaissance, intuitive cognition, cult of Beauty, novella, prose of symbolists, stylization, theme of Italy.

Символисты стремились создать новую прозу, не похожую на реалистическую и натуралистическую прозу конца XIX века. Осмысление этого процесса важно для понимания литературной ситуации в России начала XX столетия. Главная задача символистов состояла, по мнению современных отечественных исследователей, «в описании творческой личности художника, в проникновении в его душу и идеи, рассматриваемые не с точки зрения исторического социального детерминизма, а в философской или религиозной перспективе» [9, с. 252]. Главной чертой авторов-декадентов было стремление к чистой эстетике, их творчество стало психологической и эстетической реакцией на позитивистское миропонимание и эстетику, реализм и натурализм. Этим обусловлено стремление художников-символистов отдалиться от современности, посмотреть на неё иначе. Не случайно поэтому в своих художественных новеллах авторы журнала «Весы» нередко прибегали к событиям и стилям отдаленных исторических эпох. Как справедливо заметила исследовательница Е. Дмитриева, «в обращении к культурам прошлого виделся прежде всего залог обновления современного искусства» [8, с. 8]. Аппелляция к стилям прошлых эпох была

связана у символистов с освоением художественного наследия Запада, так как журнал «Весы» во многом имел прозападную ориентацию. Как заметил М. Кузмин, «Весы» «старались осветить более разносторонне явления русской и западной литературы» [10, с. 36]. «Пытаясь видеть мир чужими глазами, он (автор. – О. Т.) старался войти и в чужое мирозерцание, перенять чужие убеждения и чужой язык» [7, с. 9].

Однако обращение к отдаленным историческим событиям не было для писателей «Весов» полным уходом от современной действительности. Специфика новой прозы, отражающей принципиальные идейные установки журнала «Весы» (1904 — 1909), заключалась в том, что, с одной стороны, она воссоздавала мир прошлого, мир экзотический, демонстративно отсекая его от текущей современности, а с другой, – новым образным строем познавала не только Бытие в целом, но и современную жизнь как его часть. В. Брюсов, «стремясь живую современность постигнуть обобщенно исторически, угадывал в социально-политических метаморфозах прошлого некие универсальные модели развития общества» [7, с. 14]. Другими словами символисты стремились создать образ иного мира во имя глубинного прозрения мира как вневременного, так и современного.

Новая проза, в частности, создаётся на основе уже известного искусства – с ориентацией на жанровую традицию итальянской новеллы Возрождения, её образность и тематику. Вместе с тем авторы обращались к далекому прошлому через легко улавливаемую современным читателем стилизацию, которая была необходима им для того, чтобы выявить скрытые аналогии между историческим прошлым и современностью. В то же время проявление остросовременного в их новеллах вписывалось в контекст непреходящего и вечного.

Тема Италии объединяет не только новеллы журнала «Весы», опубликованные в разные годы: «В подземной тюрьме» В. Брюсова (1906, № 5), «Прекрасный Марк» (1907, № 3) и «Корабельщики, или Трогательная Повесть о Феличе и Анжелике» (1907, № 11) С. Ауслендера, «Радости земной любви» (1908, № 4) Н. Гумилёва, – но и очерки по истории современной итальянской литературы. История современной итальянской литературы прослеживается в заметках журнала «Весы», помещённых в разделе «Письма из Италии» (1904, № 6; 1904, № 11; 1905, № 12; 1908, № 9). Автор большинства этих заметок — иностранный корреспондент журнала, известный итальянский прозаик и публицист Джованни Папини. Он замечает: «совершенно очевидно, что разумное существо даже и тогда, когда творит вечные произведения, живет в определённом месте и в известный момент времени и его деятельность заключена в этот неустойчивый, но всё-таки существующий мир, в котором она возникает и развивается.

Нельзя понять Данте без Фаринаты¹ и Кардуччи² без Гарибальди» [12, с. 56]. Художественная проза об Италии и эти заметки были связаны для читателя «Весов», в результате чего итальянские рассказы прочитывались им в широком историко-культурном контексте.

Сами авторы «Весов» характеризуют свою прозу как «новеллы» в послесловиях к заглавиям произведений. Почему характерен интерес «декадентов» именно к новелле? Во-первых, журнал «Весы» строго определял формат публикуемых произведений. Важным критерием была краткость содержания и новизна формы [1, с. 292-293]. Этим требованиям вполне отвечал жанр новеллы. Современный исследователь И. П. Смирнов выделил принцип редукционизма как жанрообразующий фактор новеллы [13, 5], именно для этого жанра характерна «скупость деталей, экономичность слога и элегантность выражения» [13, с. 146]. Во-вторых, по мнению Е. Е. Дмитриевой, «новелла, в которой, уже согласно законам жанра, все внимание автора должно быть устремлено на исключительность события, будь то мистического, психологического или событийного плана, отвечала определенным настроениям эпохи» [8, с. 7]. В-третьих, крайне важным моментом было использование символического потенциала новеллы, который появился у неё и вследствие обращения авторов к событиям других эпох и культур и в результате отсылки к мифологии.

Упоминая о характере формирования современной итальянской прозы, Дж. Папини сообщает, что развитие жанра романа пока не имеет успеха, но «есть намёки на возрождение <...> новеллы» [11, с. 24]. При этом, замечает он, современные итальянские новеллисты в первую очередь опираются на образцы французской новеллы конца XIX и начала XX века, а только потом — на исходные: «через Мопассана и Анатоля Франса они возвращаются к Боккаччо и Саккети» [11, с. 25-26]; то есть авторы неизменно возвращаются к истокам жанра. Дж. Папини также отметил, что современные итальянские прозаики «живут миром античным или иностранным и не наши ещё оригинального выражения нашей современной жизни» [11, с. 26]. Сложившаяся литературная ситуация в Италии была аналогична литературной ситуации в России, в частности, в журнале «Весы» писатели искали новые формы выражения для реализации своих творческих замыслов, используя возможности жанра новеллы.

Почему русские авторы обратились преимущественно к Италии эпохи Возрождения? Представляется, что ответ на этот вопрос надо связать с тем, что именно с этого времени искусство начинает осознаваться как относительно автономная и самоценная область человеческого творчества,

¹ Фарината дельи Уберти – глава флорентийских гибеллинов, то есть сторонников империи.

² Кардуччи Джозуэ (1835-1907) – итальянский поэт, писатель, член Сената (1890), лауреат Нобелевской премии по литературе (1906).

оно перестаёт восприниматься через призму науки, религии и философии. Индивидуальная деятельность мастера-художника выдвигается на первый план [15, I, с. 10-12]. Для символистов, отстаивавших независимость искусства от идеологии, религии и науки, эти принципы культуры Ренессанса имели важнейшее значение.

Как мы уже отмечали, ссылаясь на мнение Е. Е. Дмитриевой, жанр новеллы тяготел к изображению исключительного события. Таковы в рассматриваемых новеллах журнала «Весы» события гибели Анжелики и Коррадо («Корабельщики, или Трогательная повесть о Феличе и Анжелике»), заключение Джулии Ларго в тюрьму («В подземной тюрьме»), любви и смерти Гвидо Кавальканти («Радости земной любви»). Названные новеллы символистов характеризуются утончённым стилем письма. Эстетической доминантой в них является ориентация на традицию написания итальянских новелл Возрождения (Боккаччо и Саккети), но с учётом достижений новой французской и американской новеллистики (А. Франс, Э. По) и переосмысления традиций отечественной литературы в современной символистской литературе (от Пушкина через Тютчева и Фета к Достоевскому и Гоголю, через них – к Чехову). Например, как справедливо отметили исследователи А. Лавров и С. Гречишкин, новелла «В подземной тюрьме» ориентирована не только на итальянскую новеллу Возрождения, но и новеллы французской литературы XIX-XX века – на «Итальянские хроники» Стендаля, представлявшие собой обработку подлинных старинных итальянских документальных источников, и на новеллы А. Франса. «Подобно Стендалю, Брюсов в своей “итальянской хронике” воздерживается от прямого авторского “комментария” к повествованию, ограничиваясь раскрытием личности через поступки; как и Стендаль, заботится о сжатости и даже сухости стиля, избегая “романических” эффектов, в изложении сюжета. Близки Брюсову и скептическое, релятивистское мировоззрение Франса, определенная ироническая инстанция по отношению к изображаемому» [7, с. 9-10]. Учитывая опыт предшественников, Брюсов создаёт свой стиль письма, ощутимо передавая характер соотнесенности временного с незыблемым, вечным через иронию, как у А. Франса.

Итальянский культурный текст вводится разными способами: названиями городов, историческими фактами, образами, мотивами. Действие рассказов происходит в разных городах Италии: Пизе, Отранто, Флоренции, Венеции. Образ Италии – страны, разорённой турками или изнурённой междоусобными войнами гвельфов и гибеллинов, – трагедийный, с его помощью автор актуализирует для читателя революционные события России начала XX века, стирая грани между прошлым и настоящим. В новелле «В подземной тюрьме» историческая картина города Отранто наполнена ужасающими подробностями: «Победители не знали удержу своим неистовствам: пилой перепилили начальника войск, мессера Фран-

ческо Ларго, множество жителей из числа способных носить оружие перебили, архиепископа, священников и монахов подвергали всяческим унижениям в храмах, а благородных дам и девушек лишали насильем чести» [4, с. 17-18]. Подобные события происходят и в другом итальянском городе – Пизе: «...заговор, о котором давно ходили слухи, открыт; что у собора у собора городская стража не выдержала натиска мятежников; что подеста пронесли в закрытых носилках, по слухам, едва живого от глубокой раны под сердце; что весь город объят возмущением и чернь уже начала грабить палаццо гвельфов...» [2, с. 21]. Италия эпохи войн и жестоких событий предстаёт не только как символ уходящей, безвозвратно гибнущей эпохи, но и гибнущего Бытия в целом.

Эсхатологические настроения, царившие в кругу русской интеллигенции на рубеже XIX - XX веков, отзываются в словах одного из узников подземелья: «А пророк Филиппе, беглый монах, сидевший в тюрьме более двадцати лет и весь обросший волосами, угрожал страшным голосом:

- Приблизилось, приблизилось время! Се предан мир неверным, да попрут веселившихся и гордых, чтобы после возвеселились малые и убогие! Радуйтесь!» [4, с. 18-19]. В этом фрагменте явна отсылка читателя к библейским текстам (из Евангелия от Марка: «исполнилось время и приблизилось Царствие Божие» (Мк. 1, 15); из Нагорной проповеди: «Возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь» (Лк. 6, 23); из Псалтыри: «Веселитесь о Господе и радуйтесь, праведные; торжествуйте, все правые сердцем» (Пс. 31, 11) и т. д.). Вместе с тем сакральный текст не процитирован дословно, не на нём акцентировано внимание читателя, задача автора в первую очередь заключается в стилизации текста для воссоздания общего колорита эпохи.

Отталкивание символистов от современной им исторической действительности в то же время становится притяжением к ней: высказывание человека из народа – это общее возмущение бедных жителей роскошью богатых и несправедливостью существующего сословного строя, безусловно напоминающее о положении в России начала XX века: «Голову бы я ей размозжил, будь поближе, – сказал Козимо из своего темного угла – она из тех, кто одевается в шелк, когда мы голодаем!» [4, с. 18-19]

Картинам роскошной жизни аристократии противопоставлены картины страшной нищеты, богатство неразрывно связано с пороком и сладострастием: «с пуховых подушек да на голую землю, от княжеских яств да на хлеб, на воду!» [4, с. 19]. Главная героиня рассказа «Прекрасный Марк», отправляясь на поиски очередного любовника, сладко молится при виде процессии с хоругвями.

Писатель-интеллигент с вниманием относится к простому человеку из толпы. Например, в новелле В. Брюсова «В подземной тюрьме» Джулия Ларго беседует с рыбаком Марко о поэзии и современном искусстве Ита-

лии, примечая его на улице после освобождения, призывает к себе, не смотря на разницу в их социальном статусе. Предлагая нивелировать социальные различия, русские «декаденты» начинают уходить с позиций индивидуализма и «поворачиваются» к миру сущему, к историко-культурной реальности начала XX века, обращаются к темам народа и общественной проблематике, обусловленной первыми революционными событиями.

С одной стороны, у символистов было движение к социальным проблемам земного мира, а с другой – порывы в мир иной. Для русских символистов, вспоминая иные эпохи и пространства культуры, проблема отнюдь не сводилась к поиску новых форм, но заключалась и в обнаружении связи между локальным, временным – и вечным, вневременным, и в заострении внимания на непреходящих ценностях. Авторы русских символистских новелл, используя художественный потенциал итальянской культуры, обратились к культу Красоты, возвеличили культ тела и страсти. По справедливому замечанию В. Брюсова, «существенная черта нового миропонимания, роднящая его, – хотя лишь одной стороной, – с миропониманием эллинов и эпохи Возрождения, – признание равноправности тела, телесного начала. <...>. Наше время, напротив, научилось чтить телесное, прозрев в нем те же глубины, как в духовном» [6, с. 21-22]. Герои символистских новелл прекрасны, их внешность и детали гардероба утонченны и изысканны, образы пластичны и очень чувственны: «Куафер устроил мне легкую прическу, держащуюся всего одной золоченой гребенкой и производившую впечатление небрежности и нестарания, хотя на нее потребовалось около часа работы искусных и быстрых рук; на бледном лице я подкрасила слегка только кончики ушей и губы; несколькими точками у глаз я придала им томности...» [3, с. 25]; «красота Джулии расцвела с такой пышностью, как никогда прежде», «на Джулии было шитое золотом бархатное платье с прорезными рукавами, на шее жемчужное ожерелье и на лбу алмазная фероньерка» [4, с. 21].

Путь к разрешению проблемы вечного-временного виделся символистам прежде всего в интуитивном познании Бытия, которое происходило через любовь страсть, смерть и т. п. По замечанию Брюсова, страсть есть «в самой своей сущности загадка; корни ее за миром людей, вне земного, нашего», это «та точка, где земной мир прикасается к иным бытиям, всегда закрытая, но дверь в них» [6, с. 25]. Любовь и смерть – центральные темы «итальянских» новелл. Важен уход героев от рационального в сферу порывов духа, их иррациональные и сиюминутные чувства и бессознательные переживания. «Выразить свои переживания, которые и суть единственная реальность, доступная нашему сознанию, – вот что стало задачей художника», – писал Брюсов в статье «Священная жертва» [5, с. 27].

В русских символистских новеллах об Италии исторические события отходят на второй план, на первый же план выдвигается личностное начало в жизни героев. Именно в тюрьме, среди ужасающего зловония, грязи и отчаяния, возникает сильное светлое чувство между бедным рыбаком Марко и богатой женщиной из знатного рода Джулией. Оба становятся душевно и физически близки в силу исторических обстоятельств. Их судьба неразрывно связана с исторической судьбой их страны. В момент страсти души героев прозревают – и уже неважно, что они в тюрьме: их жизнь преобразуется, в беседах об искусстве, в воображаемых празднествах, дивных картинах и путешествиях они постигают иную реальность. Именно переживание страсти позволяет героям уйти от «реального» мира к «реальнейшему», то есть к идеальному миру вечных ценностей.

Трагизм любви прослеживается и в любовном треугольнике Анжелика — Феличе — Коррадо в новелле «Корабельщики». В момент страсти Анжелика бросается в морскую пучину за возлюбленным, а вслед за ней отправляется Коррадо, тоже ослеплённый страстью. Здесь важна полная отдача себя стихии, погружение в неё целиком. Самоценным является именно порыв, критерием ценности переживаний героев является степень их яркости, разнообразия и динамики.

В новелле Н. Гумилева «Радости земной любви» тема любви переведена в метафизический план. Однако любовь земная превалирует над любовью небесной (земное чувство Гвидо к Примавере сильнее райского блаженства). В этой новелле (на его сюжетном уровне) отразилась полемика Гумилева с символистами, в частности с Блоком и с его культом Прекрасной Дамы. Мысли о земной любви не покидают Гвидо даже в раю, и он просит Бога вернуть его назад, к «прекрасной Примавере».

Через интуитивное познание вневременных и вечных ценностей русские авторы-символисты «итальянских» новелл воссоздают образы иного мира, при этом современная социальная жизнь является его неотъемлемой составляющей. Важно отметить, что сами авторы преодолевают позицию «индивидуализма», обращаясь к общественной проблематике и насущным проблемам современности. Самобытность «итальянских» новелл связана с темами любви и страсти, испытывая которые герои постигают и себя и мир инобытия.

Список литературы

1. Азадовский К. М., Максимов Д. Е. Брюсов и «Весы» (К истории издания) // Литературное наследство. – М.: Наука, 1976. – Т. 85. – С. 257-324.
2. Ауслендер С. Корабельщики, или Трогательная Повесть о Феличе и Анжелике // Весы. – 1907. – № 11. – С. 21-32.
3. Ауслендер С. Прекрасный Марк // Весы. – 1907. – № 3. – С. 22-30.
4. Брюсов В. В подземной тюрьме // Весы. – 1906. – № 5. – С. 17-29.
5. Брюсов В. Священная жертва // Весы. – 1905. – № 1. – С. 21-30.
6. Брюсов В. Страсть // Весы. – 1904. – № 8. – С. 21-28.

7. Гречишкин С., Лавров А. Брюсов-новеллист // Брюсов В. Я. Повести и рассказы. – М.: Сов. Россия, 1983. – С. 3-18.
8. Дмитриева Е. Е. Русская новелла начала XX в. // Русская новелла начала XX в. – М.: Советская Россия, 1990. – С. 5-14.
9. История русской литературы: XX век: Серебряный век. – М.: Прогресс - Литера, 1994.
10. Кузмин М. Художественная проза «Весов» // Аполлон. – 1910. – № 9. – С. 36-38.
11. Rarini G. Письмо из Италии // Весы. – 1904. – № 11. – С. 19-28.
12. Rarini G. Письмо из Италии // Весы. – 1905. – № 12. – С. 55-61.
13. Полубояринова Л. Н. Новелла // Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий / под ред. Н. Д. Тмарченко. – М.: Intrada, 2008. – С. 146.
14. Смирнов И. П. О смысле краткости // Русская новелла. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. – С. 5-13.
15. Шайтанов И. О. История зарубежной литературы: Эпоха Возрождения. – М.: ВЛАДОС, 2001.

Жанр былички в прозе Л. Ф. Зурова

В статье рассматривается рассказ Л. Ф. Зурова «Клад», выявляются мотивы русской народной сказочной прозы, обосновывается, что данное произведение является записью фольклорного текста былички.

The article deals with the story "Treasure" by L.F. Zurov, motives of Russian national not fantastic prose are revealed, the thought locates that this work is a record of the folklore text "bylichka" (mythological story).

Ключевые слова: Л. Ф. Зуров, малая проза, быличка, суеверный рассказ, фольклоризм литературы.

Key words: L. F. Zurov, small prose, bylichka, mythological story, literature folklorizm.

Леонид Федорович Зуров – представитель молодого поколения первой волны русской эмиграции. Произведения этого писателя лишь недавно стали переиздаваться [9; 12], а научное изучение его наследия находится на начальном этапе. Хотя уже создан ряд глубоких работ, посвященных творческому пути писателя и поэтике его художественной прозы [2; 5; 20], но внимание ученых сосредоточено преимущественно на крупных жанрах – повестях, романах. Заслуживают внимания и произведения малой прозы, в частности, их жанровая поэтика. В наследии Зурова встречаются тексты, которые не похожи на традиционные рассказы и при внимательном рассмотрении оказываются обработками фольклорных произведений. Таков, например, рассказ «Клад», опубликованный в рижском периодическом издании «Наша газета» в 1932 году вместе с рассказом «Три горшка» под общим заглавием «Псковщина» [10] и представляющий собой вариант произведения народной сказочной прозы – былички.

Судьба Зурова сложилась так, что, будучи уроженцем Псковской земли (он родился в 1902 году в г. Остров), после участия в белом движении он оказался в эмиграции в Прибалтике – сначала в Эстонии, а затем в Риге, где прожил до 1929 года (впоследствии писатель переехал во Францию). В 1919 году отдельные уезды бывшей Псковской губернии отошли к Латвии, а в 1920 году по Юрьевскому мирному договору в состав Эстонии вошел бывший Печорский уезд вместе с Псково-Печерским монастырем. Таким образом, часть родного писателю Псковского края вместе с его русским населением оказалась за пределами России. Благодаря этому факту политический эмигрант Зуров получил возможность посещать псковские земли и общаться с русскими крестьянами. Другим важным фактором было то,

что Зуров с юных лет проявлял интерес к русской древности. Любовь к отечественной истории, этнографии и фольклору поддерживалась постоянным самообразованием. Так, обучаясь с 1922 по 1924 год в Высшей технической школе в Праге, Зуров одновременно слушал лекции на факультете археологии Карлова университета и посещал археологический семинар академика Н. П. Кондакова. И хотя будущий писатель не получил систематического исторического образования, он постоянно пополнял свои знания, читая все доступные научные источники по интересующим его вопросам. Впоследствии в 1930-е годы Зуров производил на Псковщине археологическую и этнографическую разведку для Парижского музея Человека.

В рижский период Зуров нередко гостил у своего друга, писателя и художника Л. Н. Нольде, в Латгалии, самостоятельно обследовал окрестные деревни, общался с крестьянами, делал фотографии, фольклорные и этнографические записи. В 1928 году Зуров принял участие в организованной Рижским университетом командировке в Псково-Печерский монастырь, где производил регистрацию древностей библиотеки и ризницы (составленная им опись была опубликована в книге, подготовленной проф. В. И. Синайским) [19, с. 57]. По итогам своих поездок в русские районы Прибалтики Зуров опубликовал в периодике ряд очерков, отразивших его дорожные впечатления. Среди этих публикаций оказались и записанные исследователем фольклорные тексты, в том числе «Клад». Этот текст начинается как документальный очерк, фиксирующий личные впечатления автора от общения с русским крестьянином: «На озере я всегда брал лодку Алексея, бородатого, веселого рыбака. У него были сильные руки, круглые плечи и широкая от гребли грудь. И от его загорелого лица, и от его избы шла та крепкая сила, за которую я его любил. По вечерам он мне рассказывал о рыбной ловле, кладах и курганах» [10]. После краткой экспозиции идет небольшой диалог автора и героя: «- Ты, говорят, Алексей, клады знаешь, - однажды спросил я его.

- Какие там клады, - засмеялся он в ответ, махнув рукой, - это старухи говорят: “где упадешь на левую руку, там и копай”».

Далее вводится повествовательный фрагмент, переданный от лица Алексея и содержащий историю поиска им клада. Сначала клад был увиден Алексеем во сне в виде котла «в крутом берегу под обрывом, около самой воды, под черемшиной». Мать учит его, как добыть этот клад. Она советует найти спутника, «простого, бесхитростного» человека, которым становится «побратим» Алексея (пск. – друг, товарищ, приятель [6, III, стб. 348]) Ванька. Выбор спутника обусловлен тем, что у него водятся пчелы и можно взять «чистого воску», необходимого для поиска клада. «Вынула мать из ларя белую салфеточку, чайную чашку, и сделала из чистого воска свечу: “Вот вам, сынки, по плетеному шерстяному пояску. Как дойдете до места, вы эти пояса оберните около правой руки, круг кисти”. Дала

мать нож, которым свиней колют, и сказала: «Ножом обведите четырехугольную черту круг черемшины и на каждом углу скажите “Аминь”. Расстелите, сынки, посередке салфеточку, в чашку возьмите самой чистой, с ключа, водицы, поставьте ее посреде, а в водицу – зажженную свечу. И не разговаривайте, а оба гладите на этот огонек. Кормильцы, смотрите, вам будет страшно. Это придет клад. Он придет смертью или войско какое, или гады поползут к вам или разбойники замахиваться станут. Вы этого, сынки, не бойтесь. Как страхи подойдут, так на испашку махните поясами через черту – клад и рассыпется. А придет он до петуха».

Поход за кладом приурочен к Иванову дню. Прделав необходимые приготовления, парни отправились к реке и стали «ждать клад». Вот как об этом рассказывает Алексей: «Сперва на деревне ребята пели, потом ночь подошла, тихо стало. Свеча в чашке горит. Сидим час, другой. И показалось мне, что вода в ручье не идет, совсем стала вода! – *А, Боже мой,* – сказал Алексей, и махнул рукой. – Слава Богу, Ванька, – шепнул он: “А что, Леш, не покурить ли?” Посидел и снова: “Давай, браток, покурим: Ты гляди, а я покуру”. А тут и петухи запели и опять вода тронулась». Ожидание сменяется кульминационным моментом «чуда» (когда наступает полная тишина и недвижимость, как будто останавливается время) и последовавшего нарушения запрета, разбивающего атмосферу чудесного и возвращающего рассказчика и слушателя к обыденной реальности.

В рассказ героя вклинивается ремарка автора, относящаяся к самому процессу рассказывания («– *А, Боже мой,* – сказал Алексей, и махнул рукой») и напоминающая читателю, что это не сказка, а очерк, передающий впечатления фольклориста-собираателя.

Свое возвращение домой Алексей описывает с иронией: «Пошли мы к деревне, смеемся. Я в звено постучал: “Мамаша, отопри. Вишь, тяжело, клад не снести”. Вышла она: “Так вы, небось, говорили?” “Да мы, мам, не в гул, а в шорох”. “Кормильцы, да зачем же вы говорили?” “А что тебе, Леш, виделось?” “А в глазах, мам, все мерещилось”. “Ах, мои дурачки, дурачки!” – говорит мамаша – такое дело прозевали! Валите-ка, дурачки, спать».

Фрагмент, составляющий основную часть публикации, по сюжету и характерным деталям представляет собой фольклорный текст, который можно квалифицировать как быличку. «Былички – устные народные рассказы о встречах человека с всевозможными сверхъестественными существами, главным образом, из пантеона славянской мифологии (домовой, банник, кикимора, леший, водяной, русалка и др.), или с людьми, обладающими сверхъестественной, чудесной силой (ведьма, колдун), о встающих из гробов мертвецах, о невероятных встречах с кладами, которые являются человеку в виде животных или предметов, и т.п.» [7, с. 381].

Былички относятся к рассказам-меморатам, которые основаны на собственных воспоминаниях исполнителя, при этом в них «часто сообщаются факты, которых не могло быть в действительности, хотя рассказчик верит, что сообщаемое случилось с ним самим (встреча с лешим, русалкой и т.п.)» [4, с. 138]. До начала XX века этот жанр фольклора практически не изучался, поскольку образованные люди не видели художественной значимости быличек. Хотя своеобразный мир народных представлений привлекал внимание писателей (повести Н. В. Гоголя «Майская ночь», «Вий», рассказ И. С. Тургенева «Бежин луг»), почти во всех этнографических работах былички рассматривались как пережиток прошлого и свидетельство народных суеверий. Такая «просветительская» интерпретация произведений устного народного творчества реализована и в масштабном труде С. В. Максимова «Нечистая, неведомая и крестная сила» [17]. Первые известные полноценные записи восточнославянских быличек датируются серединой XIX века [4, с. 26]. В начале XX века было записано большое количество быличек, но они включались в сборники сказок. Работа по собиранию произведений фольклора широко развернулась и приняла системный характер после революции 1917 года. Однако специальные исследования жанров несказочной прозы не проводились, и былички продолжали публиковаться в сборниках сказок не только в 1930-е [14], но и 1970-е годы [1].

Обозначение «быличка» применительно к мифологическим рассказам было введено в фольклористику братьями Б. М. и Ю. М. Соколовыми в книге «Сказки и песни Белозерского края» [21], а закрепление термина произошло в фольклористике в 1960-е годы благодаря работам Э. В. Померанцевой, посвятившей основательное исследование этому жанру русской народной несказочной прозы [18]. Изучение народного пантеона мифологических персонажей было продолжено Л. Н. Виноградовой [3]. Популярность быличек и других суеверных рассказов в народной среде не угасает, они бытуют и записываются фольклористами по сей день.

Истоки былички восходят к мифологическим представлениям древности. «Весь смысл исполнения былички основан на “факте” встречи человека с фантастическим существом или с проявлением его действий. Каждое такое существо наделено характерными функциями и способностями» [7, с. 387]. В 1970-е годы были предприняты продуктивные попытки по созданию указателей сюжетов (мотивов) несказочной прозы. В отечественной и зарубежной научной литературе утвердился принцип деления суеверных рассказов на три основных тематических типа: 1) о духах природы; 2) о домашних духах; 3) о черте, змее, проклятых. Такая структура была принята в «Указателе сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах» (составленном С. Айвазян при участии О. Якимовой и приведенном в приложении к книге Э. В. Померанцевой «Мифологические пер-

сонажи в русском фольклоре») [18, с. 162–182]. В данном указателе раздел о кладах отсутствует. В. П. Зиновьев, составивший региональный указатель мифологических рассказов Восточной Сибири, дополнительно ввел отделы о колдунах, ведьмах и олицетворенных болезнях. В его указателе присутствует раздел «Д» «Клад», куда входят сюжеты о том, как клад обнаруживает себя (показывается в чьем-либо образе, выдает себя звуками или общается с ребенком) [7]. Н. А. Криничная в «Указателе типов, мотивов и элементов преданий» взяла за опорную единицу мотив и выделила 21 тип мотивов, в числе которых фигурирует «захоронение клада («зачарованного», реального)», а также варианты этого мотива, в том числе успешное или безуспешное кладоискание («Мотив Х-7. Кладоискание») [16].

Тема кладов была популярна в фольклоре Псковского края, богатого древними боевыми погребениями. Во время своей поездки в Печоры в 1928 году Зуров заметил, что в этих местах крестьяне часто выпаживали из земли старинные монеты и оружие, там процветало кладоискательство [11, л. 4]. Позже (в 1937 году) в Печорском уезде он записал предание о камне-следовике (с отметиной на поверхности), под которым, по преданию, был зарыт клад. Как сообщил один из информантов: «В деревне Летний Борок находился камень с отпечатком гусиной лапы <...> Сказывали, что клад есть поблизости. В Иванов день сторожили – не будет ли огня. Огонь на кладу Бог дает на деньги» [8, л. 14].

В фольклоре известны поверья о том, что закопанные клады способны открываться: «местонахождение клада можно определить по некоторым признакам: когда сокровища поднимаются на поверхность земли, на этом месте виден огонь, отблески света или бледные огоньки, по ночам горит свечка» [22, II, с. 501]. Клад может показаться в антропоморфном или зооморфном облике, а также в виде предмета: так, Алексею клад снится в виде котла.

Согласно народным представлениям, клады находятся в определенных местах: под деревом, под камнем, в горе, в земле, в воде (близ воды), под железом (медью), при объекте культового назначения. Клад может быть сокрыт также во дворе или в доме [22, II, с. 501]. В варианте Зурова присутствует сразу несколько типичных мотивов местонахождения клада: у реки, в земле под высоким берегом, под деревом (черемшиной).

Существуют различные поверья о временной приуроченности поиска кладов, при этом общим для восточных славян является представление о том, что добыть клад можно один раз в году – в ночь накануне Ивана Купала [22, II, с. 501]. Поиск клада представляется опасным делом и сопряжен с риском для здоровья или жизни, поскольку кладоискатель вступает в контакт с потусторонними силами. «Согласно поверьям, клады охраняют особые демоны», которые «пугают, отгоняют и убивают неосведомленного человека» [22, II, с. 501]. В качестве оберега используются молитва, «за-

аминивание», очерчивание огнем: «Прежде, чем раскапывать клад, это место нужно зааминить (рус.), обвести зажженной лучиной или восковой свечей (рус.) <...>, а во время добывания клада нужно сохранять молчание, что бы ни грезилося (рус., чеш.)» [22, II, с. 502]. Как в любых ситуациях контакта с нечистой силой, человек может защитить себя при помощи какого-либо предмета, обладающего функциями оберега, например, пояса. Так, если клад показывается в виде животного, птицы или предмета, нужно ударить по нему наотмашь и сказать: «Аминь, аминь, рассыпья!» (рус.) <...> или бросить на него что-либо из одежды – шапку, пояс или сапог» [22, II, с. 501–502].

В тексте Зурова отразилось подавляющее большинство народных мифологических представлений, связанных с кладами. В этом контексте удивительным кажется только один момент: отсутствие образа цветущего папоротника, притом, что весь антураж приведенного Зуровым сюжета характерен именно для быличек о добывании его волшебного цветка, который считался универсальным средством для поиска и овладения кладом.

Ключевым является время действия – ночь накануне Ивана Купала (24 июня / 7 июля), кульминационная точка годового цикла, совпадающая с церковным праздником Рождества Иоанна Крестителя и почитаемая как день летнего солнцеворота, с которой связано множество древнейших мифологических представлений и поверий. «Иван Купала считается временем откровения тайн природы, когда растворяются небеса и земля, “играет” или останавливается солнце, говорят растения и животные, вода превращается в вино, обнажаются клады и т.п.» [22, II, с. 363].

На большей территории расселения русских многие элементы купальской обрядности были частично утрачены либо перенесены на троико-семицкий период, но именно на Псковщине этот праздник сохранил свое первоначальное значение. Для псковских крестьян Иванов день являлся кульминационным моментом в цикле весенне-летних праздников [13, с. 230]. Позже, в 1937 и 1938 годах, находясь в этнографических экспедициях в Печорском уезде, Зуров лично наблюдал архаичные формы купальской обрядности во время празднования Иванова дня. В комплекс ритуалов, приуроченных к дню Ивана Купалы, входят обряды с зеленью (сбор трав и цветов, украшение зеленью домов и хозяйственных построек, людей, скота), обряды, связанные с водой (хождение к воде, купание, обливание водой, пускание по воде венков и трав), с огнем (разжигание костров, танцы и песни возле них, перепрыгивание через огонь, символическое уничтожение нечистой силы и т.д.), а также отпугивание ведьм, ночные бесчинства, поверья об «игре» солнца и других чудесах природы. Одним из самых устойчивых общеславянских элементов купальского комплекса является сбор растений накануне или в день Ивана Купала, а некоторые поверья отмечают связь «ивановских» трав с мифическими существами и

нечистой силой. Так, у всех славян известны поверья о колдовских свойствах расцветающего цветка папоротника [22, II, с. 363–365].

Этот образ мифологизирован, поскольку папоротник размножается спорами и никогда не цветет. Он считается надежным средством для поиска кладов, а добывание чудесного цветка предваряется особыми обрядами и заговорами, к которым относятся очерчивание магического круга (обычно с помощью какого-либо сакрального предмета: обгорелой лучины, рябиновой палки, восковой свечи или железного орудия: ножа, топора), расстиланье полотна в очерченном кругу, зажигание свечи и чтение молитвы. В это время охраняющая чудесный цветок нечистая сила может наводить на человека непробудный сон или устрашать его. «Так, в одном из старинных рукописных “травников” о добывании цветка папоротника говорится: “Бывают тогда великие страхи, что уму человеческому непостижимо; в то время приходят множество демонов и великие страхи творят”» [15, с. 254–255]. «Едва смельчак в ночь накануне Ивана Купалы вступит в лес, как черти начнут ставить ему “тычки всё, подножки”. Под его ногами закричат кошки: их вроде бы и нет, а крики слышатся. Раздастся шум, свист, гам, хохот. И невдалеке подчас показывается черт, едущий верхом “на индейском петухе”» [15, с. 256].

В варианте, записанном Зуровым, кульминационным моментом становится не устрашение, а мотив созерцания природных чудес, что также характерно для фольклорных представлений о купальской ночи: «Ночью накануне И. К., по народным представлениям, можно было наблюдать разные чудеса природы: точно в полночь “раскрываются” небеса и звезды начинают сиять, как свечи; в этот момент все растения склоняются к земле и лишь одна самая целебная травка стоит прямо <...> море перестает волноваться и замирает; <...> подземные клады начинают светиться или выходят на поверхность; зацветают чудесные растения и т.п.» [22, II, с. 368]. Как видим, в форме «дорожного очерка», рассказывающего о встрече путешественника с местным крестьянином, Зуров представил запись фольклорного текста, сконцентрировавшего мотивы, характерные для народной несказочной прозы.

Рассматривая вопрос о взаимодействии фольклорных и литературных жанров, А. Л. Топорков заметил: «Сам процесс записи фольклора может быть осмыслен как перевод текста с языка устной культуры на язык письменной культуры. При таком переводе происходит не только письменная фиксация устной речи, но и многое другое, что не входило в замысел фольклориста, осуществляющего запись: текст отрывается и от исполнителя, и от ситуации исполнения, он лишен возможности развиваться и варьироваться и т.д. Принципиальная непереводаемость (или во всяком случае “не до конца переводаемость”) – источник особой творческой энергии зафиксированных фольклорных текстов, их смысловой валентности, откры-

тости для различных интерпретаций в рамках «высокой» книжной культуры» [23, с. 156–157]. В данном конкретном случае мы имеем дело с устным текстом, записанным и впоследствии литературно обработанным. При этом писатель выступает и в качестве собирателя-фольклориста, и в качестве «литературного редактора», вносящего необходимую правку. Близость опубликованного произведения Зурова к традиционному фольклору, наличие в тексте широко распространенных и зафиксированных собирателями фольклорных образов и мотивов позволяет предположить, что данный текст является достаточно точным воспроизведением устного рассказа, записанного Зуровым. Контекст творчества писателя, уже доказанная исследователями склонность писателя к документальности в творчестве, опоре на реальный факт косвенно подтверждают это предположение.

Список литературы

1. Балашов Д. М. Сказки Терского берега Белого моря. – Л., 1970.
2. Белобровцева И. З. Л. Зуров и Эстония // Русские в Прибалтике. – М.: Флинта; Наука, 2010. – С. 289–307.
3. Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. – М.: Индрик, 2000.
4. Восточнославянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии / редкол.: К. П. Кабашников (отв. ред.) и др. – Минск: Наука і тэхніка, 1993.
5. Громова А. В., Захарова В. Т. Жизнь и творчество Л. Ф. Зурова. Монография. – М.: МГПУ, 2012.
6. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Прогресс, Универс, 1994.
7. Зиновьев В. П. Быличка как жанр фольклора и ее современные судьбы // Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 381–400.
8. Зуров Л. Археологическая разведка 1937 г. // Архив Дома Русского Зарубежья им. А. Солженицына. – Ф. 3 (Л. Ф. Зуров). – Оп. 1. – К. 1. – Ед. хр. 2.
9. Зуров Л. Записка о произведенном обследовании древностей Печорского и Изборского края, о реставрации звонницы церкви Николая Ратного в Псково-Печерском монастыре и о результатах археологической и этнографической разведки в 1935, 1937 и 1938 гг. (1946) // Архив Дома Русского Зарубежья им. А. Солженицына. – Ф. 3 (Л. Ф. Зуров). – Оп. 1. – К. 1. – Ед. хр. 9. – Л. 4.
10. Зуров Л. Иван-да-Марья. Роман / подгот. текста И. Белобровцевой // Знамя. – 2005. – №№ 8–9.
11. Зуров Л. Обитель. Повести, рассказы, очерки, воспоминания / сост. А. Н. Стрижев. – М.: Паломникъ, 1999.
12. Зуров Л. Псковщина (Клад; Три горшка) // Наша газета. – Рига, 1932. – № 10 (20 марта).
13. Историко-этнографические очерки Псковского края / под ред. А. В. Гадло. – Псков: ПОИПКРО, 1999.
14. Карнаухова И. В. Сказки и предания Северного края. – М.; Л., 1934.
15. Криничная Н. А. Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2000. – Т. 2. Бы-

лички, бывальщины, легенды, поверья о людях, обладающих магическими способностями.

16. Криничная Н. А. Указатель типов, мотивов и элементов преданий. – Петрозаводск: АН СССР, КНЦ, ИЯЛИ, 1990.

17. Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. – СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1903.

18. Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. – М.: Наука, 1975.

19. Псково-Печерский монастырь. Общий культурно-исторический очерк / сост. В. Синайский. – Рига: Рити, 1929.

20. Разумовская А. Г. «И кровь мою воспитывала наша земля...». Город, дом, сад в повести Л. Зурова «Иван-да-Марья» // Север. – 2007. – № 7-8. – С. 232-239.

21. Сказки и песни Белозерского края. Сб. Б. и Ю. Соколовых. – М., 1915.

22. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общей ред. Н.И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1999 (Институт славяноведения РАН).

23. Топорков А. Л. Фольклорные формы словесности // Теория литературы. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – Т. 3. Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении). – С. 133–157.

Экфрасис в эссе В. А. Каверина «Малиновый звон»

В статье анализируется экфрасис в эссе В. А. Каверина «Малиновый звон». Отмечается, что экфрасис, являясь своеобразным проводником в мир культуры, связывает данное произведение с широким историко-культурным контекстом. Подчеркивается, что экфрасис, актуализируя проблему отношений искусства к действительности, играет в исследуемом эссе роль метаописания.

The article is devoted to research of ekphrasis in Kaverin's essay "Mellow Chime". It is marked, that ekphrasis, being a special link towards the world of culture, connects the essay with a wide historical-cultural context. It is underlined, that ekphrasis making the problem of art and reality connection, plays the role of metadescription in the essay.

Ключевые слова: В. А. Каверин, «Малиновый звон», эссе, экфрасис, эстетическая проблематика, композиция, историко-культурный контекст, метаописание.

Key words: V. A. Kaverin, "Mellow Chime", essay, ekphrasis, aesthetical problematics, composition, historical-cultural context, metadescription.

«Малиновый звон» (1965) – путевые заметки. Данное эссе представляет собой «отчет» Каверина о путешествии по Бельгии в составе туристической группы. Автор проявляет живой интерес к своим спутникам, среди которых оказалось немало замечательных людей, делится своими впечатлениями об увиденном. Помимо разного рода официальных мероприятий, предусмотренных протоколом, туристическая программа включала и осмотр культурных достопримечательностей. В одних случаях дело ограничивается лишь констатацией того, что именно попало в поле зрения туристов (ср., к примеру: «Мы были в музеях Брюсселя и Антверпена, видели в Генте знаменитый алтарь Ван-Эйка. В Брюгге мы долго осматривали раку святой Урсулы, работы Иоганна Мемлинга, а в Гарлеме кинулись к Франсу Гальсу. Мы были на выставке современной скульптуры в Мидельгейме (Антверпен), где работы Родена, Цадкина, Гаркалло и многих других искусно вмонтированы в зеленое пространство парка. Словом, мы видели десятки скульптур и полотен <...>» [4, с. 182]); в других дается подробное описание увиденных ими произведений искусства.

Цель настоящей статьи – выяснить роль данных описаний в художественной структуре «Малинового звона».

В исследуемом эссе помимо внешнего сюжета, который образует путешествие, имеется внутренний сюжет: его формируют авторские рассуждения о природе художественного творчества. Каверин начинает и заканчивает произведение раздумьями по поводу «вторжения» жизни в ли-

тературу и обратного явления, «когда литература не только вторгается в жизнь, но фактически меняет ее» [4, с. 140]. «Вмешательство жизни в литературу начинается в ту минуту, когда писатель берет в руки перо. Обратное – вмешательство литературы в жизнь – происходит, когда за непреложностью искусства вдруг начинает сквозить информация, занимающая все бóльшее место в сознании современного человека» [4, с. 150], – замечает автор и приводит многочисленные случаи подмены жизни литературой. В частности, он рассказывает о том, как ему предложили выступить по радио от лица своего героя, и он не смог убедить редактора в том, что персонаж, даже если у него имеется прототип, – это художественный образ, а не живой человек. В финале очерка автор признается в том, что ему становится весело, когда он встречается «с чудом обратного превращения искусства в действительность», когда «в Вероне вам показывают дом Джульетты, а на острове Ив – камеру, в которой граф Монте-Кристо встретился с аббатом Фариа» [4, с. 190–191]. Представления об искусстве как о копии действительности выражают широко распространенное непонимание специфики художественного творчества. Размышления автора, образующие внутренний сюжет рассматриваемого очерка, направлены на то, чтобы развеять подобного рода заблуждения. Важнейшим компонентом этих размышлений являются многочисленные экфрасисы. Вслед за большинством ученых под экфрасисом мы понимаем не только описание картины, но и ее интерпретацию, не «пересказ» визуального образа, а его восприятие и толкование [1, с. 10].

Все имеющиеся в «Малиновом звоне» экфрасисы так или иначе связаны с проблемой эстетических отношений искусства к действительности. Данная проблематика кульминирует в двух из них – в экфрасисах картины Рембрандта «Ночной дозор» (1642, Амстердам, Рейксмузеум) и памятника Ш. де Костеру, находящегося неподалеку от его могилы. Рассмотрим их более детально.

Экфрасис «Ночного дозора» значителен по объему. Собственно описание вытесняется интерпретацией. Указывается на несоответствие названия и изображения (картина «вовсе не называлась "Ночным дозором", потому что изображенная на ней сцена происходит днем, и солнце участвует в ней могущественно и мягко», «никакой это не дозор, а групповой портрет офицеров военной корпорации Амстердама»). Обращается внимание на отличия «группового портрета», написанного Рембрандтом, от портрета «дорембрандтовского» типа (отказ от неподвижности натуры: «неподвижность, при которой каждой натуре уделяется равное внимание, нарушена, сброшена со счетов», «в этот групповой портрет внесена внезапность, настигнутость – то, что вторгается в жизнь и изменяет ее внезапно и бесповоротно»). Подчеркивается, что из фигур, изображенных на полотне, складывается собирательный образ народа, страны («Падающий слева, ослепительный свет врывается не в темноту подворья, из которого

выходят стрелки, а в Голландию XVII века с ее терпением, неукротимостью, жестокостью, с ее победой в испанской войне, с ее нищетой и богатством»). Сообщаются подробности творческой истории описываемого полотна («В течение долгого времени картина была покрыта слоем копоти и расчищена лишь недавно. Быть может, поэтому она так поразительно не похожа на свои репродукции». «Мы видим не все полотно. По старинной плохой копии, выставленной у входа, легко заметить, что часть картины – и немалая – отрезана, потому что картина не входила в раму») [4, с. 145–146].

Согласно Каверину, творческая история «Ночного дозора» весьма поучительна: непонимание природы художественного творчества привело к тому, что «одно из самых поразительных явлений человеческого гения было признано неудачей, потому что стрелки, находившиеся в тени, обиделись на Рембрандта, не изобразившего их на первом плане». Судьба данной картины заставляет автора очерка вспомнить и другие аналогичные примеры, когда «о живописи судят с поразительной категоричностью, недопустимой даже в своем профессиональном деле, которым занимаешься всю жизнь», и прийти к неутешительному выводу: «Стрелки, обиженные тем, что они оказались в тени, по-прежнему судят об искусстве. Судят и выносят очень строгие приговоры» [4, с. 145–146].

Меняются времена, но неизменным остается невежество при решении краеугольного в эстетике вопроса об отношении искусства к действительности. Истоки отмеченной «безапелляционности» автор видит в нежелании считаться с тем, что у искусства свои законы, не зависящие от амбиций заказчиков. Искусство, если оно настоящее, не копия действительности («Невозможно представить себе, что Рембрандт написал капитана такого-то в белом костюме, а лейтенанта такого-то в черном, чтобы ими любовались, чтобы их узнавали» [4, с. 145]) – таков смысл и пафос каверинского экфрасиса картины Рембрандта.

«Ночному дозору» противостоит скульптурная группа, посвященная автору «Легенды об Уленшпигеле»: «Тиль, скуластый, вихрастый, чуть улыбающийся, сидит рядом с Неле, заботливо обнимающей его за плечи. Над ними в глубине – медальонный портрет де Костера. Нельзя назвать памятник шедевром. Лавровый венок вокруг профиля де Костера безвкусен; ладанка, висящая на груди Уленшпигеля ("Пепел Клааса стучит в мое сердце"), грубо иллюстративна. И все же скульптура производит трогательное впечатление. Герои Ш. де Костера изображены как реально существовавшие люди. На пьедестале они сидят, как на заборе, со всей непосредственностью молодого свиданья, и этому не мешает рельефное изображение старого Ламе, которое (не без труда) можно разглядеть между их свисающими ногами» [4, с. 190–191]. Памятник производит «трогательное впечатление» – но не более того, шедевром ему не позволяет стать

«иллюстративность». «Слепок» с действительности не искусство – такова логика рассматриваемого экфрасиса.

Описание «Ночного дозора» дается в начале очерка, описание памятника Ш. де Костеру завершает его. Указанные экфрасисы располагаются в абсолютно сильных позициях текста, являясь двумя его смысловыми центрами, в поле притяжения которых попадают все другие экфрастические описания, имеющиеся в «Малиновом звоне». Рассмотрим их.

«...утро мы провели в Доме-музее Константина Менье, художника и скульптора, *поражающего (и даже немного раздражающего) своей определенностью*» [здесь и далее в цитатах курсив наш. – Т. Ф., Е. П.] [4, с. 157]. Хозяин замка Бель-Эй под Брюсселем показал сады: «... и что это были за прелестные тенистые, отраженные в прудах и заливах сады! Недалоком Бель-Эй значит "Живописное" или "Радующее глаз". <...> Это светлые, высокие, прямоугольные стены аллей, поля роз, лебеди в прудах, отражающих лес и небо. За каждым поворотом – *пейзажи, похожие на старинные цветные гравюры*, возникающие как бы случайно, а на самом деле – обдуманно до мельчайших деталей» [4, с. 165]. Внимание автора привлек один из звонарей Малинской консерватории, а «через два дня, в Брюгге, глядя на работы Иоганна Мемлинга <он> вспомнил лицо этого юноши и поразился тому, как мало изменился исконный фламандский тип с XV века. *Юноша из Малинской консерватории был написан фламандскими мастерами тысячи раз. Та же округлость черт, голубизна глаз, нежность, на дне которой таится решительность и даже жестокость*» [4, с. 172]. «Мне случалось бывать на рыбных базарах. В Копенгагене, недалеко от музея Торвальдсена, над рыбными рядами стоит выразительная статуя торговли с рыбой, и, *переводя взгляд с оригинала на произведение искусства, поражаешься не сходству, а тайне естественности, свойственной лишь подлинному таланту*» [4, с. 196].

На первый взгляд, кажется, что приведенные описания случайны и необязательны. Однако это не так. Каждое из них варьирует тему отношений искусства к действительности, кульминирующую в экфрасисах «Ночного дозора» и памятника Ш. де Костеру. В фокусе каждого из приведенных описаний оказываются авторские рассуждения о специфике художественного творчества. «Определенность» живописи Константина Менье тождественна иллюстративности; она и поражает, и раздражает. «Выразительная статуя торговли с рыбой» тоже поражает, но никакого раздражения не вызывает: сравнение данной скульптуры с многочисленными ее «прообразами», торгующими на рыбном рынке в Копенгагене, удивляет не тождеством «искусства» и «действительности», а «тайной естественности», с какой действительность претворяется в искусство. Сады замка Бель-Эй напоминают старинные цветные гравюры, а не наоборот: не искусство (если оно подлинное) идет вслед за действительностью, а сама действительность стремится «подражать» ему. Подлинное искусство не

копирует действительность, а объясняет ее: только благодаря многочисленным работам фламандских мастеров XV века в современном юноше из Малинской консерватории можно узнать «фламандца из фламандцев» – в его лице заметить характерные приметы фламандского национального типа, остающиеся неизменными на протяжении последних пяти столетий.

Как видно, автор исследуемого очерка обращается к экфрасисам с целью аргументировать мысль о самоценности искусства, об уникальности истинного таланта. В основе приведенных экфрастических описаний лежит антитеза подлинное искусство / так называемая «копия» действительности. Согласно авторской логике, сады замка Бель-Эй, статуя торговли с рыбой, как и «Ночной дозор» Рембрандта, – это подлинное искусство, работы Константина Менье, как и памятник Ш. де Костеру, – только «копии», раздражающие или умиляющие, но к подлинному искусству имеющие весьма косвенное отношение.

Рассуждая о взаимодействии искусства и действительности, не принимая искусство, «иллюстрирующее» действительность, Каверин обращает внимание и на другую крайность – на «отлучение» искусства от действительности, примером которого служит абстрактная живопись. Важно подчеркнуть, что автор не отвергает абстрактное искусство как таковое, а лишь указывает на то, что ему самому оно чуждо. Он признается: «Нужно ли в полной мере отказаться от себя, от своего опыта, который неизбежно корреспондирует "знакомое" с "незнакомым", чтобы понять и оценить это направление? Это было трудно для меня <...>» [4, с. 193–194]. Говоря со своей спутницей-искусствоведом об увиденных на брюссельской выставке «движущихся картинах с медными овальными листиками, которые медленно переставляются на пепельном фоне, о картинах из наклонных гвоздей», Каверин замечает, что в них «было что-то одновременно и вызывающее и печальное» <...>» [4, с. 193].

Взаимодействие искусства и жизни актуализирует такую категорию, как художественный метод. Примечательно, что свою приверженность к реализму автор демонстрирует, указывая на неприятие натурализма, с одной стороны, и абстракционизма – с другой, обращаясь к примерам, взятым не из литературы, а из живописи. Экфрасис служит ему основным приемом, делает его мысль «наглядной», «зримой», в конечном счете – более аргументированной, убедительной.

Экфрасис обнажает важные для понимания произведения аллюзии. Рассмотрим две из них: одна связывает «Малиновый звон» с «Обрами Италии» (1911, 1912, 1924) Павла Павловича Муратова, другая – с книгой Владимира Васильевича Вейдле о Рембрандте.

Руководствуясь известным правилом: «чужое» помогает понять «родное», заново открыть для себя «свое», автор очерка, рассуждая о поразительном сходстве между далеким Люксембургом и родным Псковом, сравнивая впервые увиденный им Брюгге с Венецией и Ленинградом, на-

ходит опору в муратовской книге: «"Северной Венецией" называют и Ленинград, который еще меньше похож на Венецию, чем Брюгге. В Венеции чувствуется распахнутость, открытость – может быть, потому, что когда-то она была городом морских разбойников, набегов, грабежей, городом, в котором каждая десятая женщина в начале XVI века была куртизанкой, а в XVIII веке карнавалы продолжались по полгода. "И пока он длится, все ходят в масках, начиная с дожа, и кончая последней служанкой. В маске исполняют свои дела, защищают процессы, покупают рыбу, едят, делают визиты. В маске можно все сказать и на все осмелиться... Никаких преград, никаких званий. Нет больше ни патриция в длинной мантии, ни носильщика, который целует ее край, ни шпиона, ни монахини, ни сбира, ни благородной дамы, ни инквизитора, ни фигляра, ни бедняка, ни иностранца"» (П. Муратов, "Образы Италии")» [4, с. 178].

Следует обратить внимание на то, что Каверин, давая непосредственную ссылку на муратовскую книгу (очерк «Век маски») [5, с. 62], приводил слова и Муратова, и цитируемого им Ф. Монье, автора исследования «Венеция в XVIII веке» (Monnier Ph. Venise au XVIII-e siecle. Paris, 1914) [2, с. 276]. Цитируя Ф. Монье в переводе Муратова, Каверин, как кажется, использовал возможность лишней раз вспомнить «Образы Италии», явившиеся «кульминацией» в русско-итальянском диалоге XX века. Упомянув Муратова и его главную книгу, Каверин восстанавливал историческую справедливость, «реанимировал» в общественном сознании имя писателя, неоправданно вычеркнутого из отечественной культуры. Заметим, что «оглядка» на муратовскую книгу отличала не только «Малиновый звон», но и повесть «Косой дождь», написанную в то же время, что и рассматриваемое произведение [7, с. 169–174].

Отсылка к «Образам Италии» в путевом очерке представляет интерес и как стремление его автора подключиться к связанной с книгой Муратова литературной традиции. Известно, что «Образы Италии» оказались весьма заразительным примером для «подражания». На наш взгляд, в «Малиновом звоне» Каверин предпринял попытку облечь свои дорожные впечатления в форму, если не аналогичную, то весьма близкую той, образцы которой демонстрировали муратовские очерки. Вслед за Муратовым Каверин пытался, например, соединить глубоко личные впечатления с «искусствоведческими» описаниями. Как Муратов, отступал от «обязательного» туристического маршрута и описывал то, что было важно, прежде всего, ему самому. У Каверина, как и у его предшественника, аналитические рассуждения (с привлечением «литературных и исторических текстов, взятых из чужих книг» [4, с. 312]) соседствуют с, казалось бы, случайными и глубоко личными наблюдениями. Все это служит свидетельством авторской ориентации на известный художественный прецедент.

Вернемся к ключевому в «Малиновом звоне» описанию рембрандтовского «Ночного дозора». Каверин замечает, что при виде данного полотна

все «онемели». Иван Афанасьевич, фронтовик, участник Лимбургских боёв, организатор бельгийского сопротивления, которому не понравились ни Босх, ни Кандинский, «не мог оторваться от "Ночного дозора"» [4, с. 146]. На первый взгляд, в таком восприятии картины Рембрандта нет ничего особенного: «Ночной дозор» – признанный шедевр, и реакция зрителей в очередной раз подтверждает его исключительность. Однако настойчивость, с которой автор подчеркивает, что полотно произвело сильное впечатление на него, на его спутников, на «негородского» человека Ивана Афанасьевича («с негородским кирпично-румяным лицом»), не может не обратить на себя внимание.

По нашему мнению, описание отклика, который нашел Рембрандт в душах русских туристов, дает основание предположить, что Каверин был знаком с научной литературой и эссеистикой об искусстве великого голландского художника, в том числе и с концепцией его творчества, принадлежащей Вейдле. Каверин был моложе Вейдле на семь лет. Они могли встретиться в Петрограде в начале 1920-х годов, Каверин мог слышать имя Вейдле как автора рецензии на статью Ю. Тынянова «Блок» (1921). Напомним, что данная статья являлась откликом на смерть А. Блока, в этой работе Ю. Тынянов вводил «новое и имеющее большую теоретическую ценность понятие "лирического героя"» [6, с. 439]. Вейдле по поводу данной статьи писал: «Нигде не выражено так ярко самодовольство теоретического человека, которому все безразлично, кроме слов и схем и придуманной им "точки зрения"» [6, с. 438].

Интерес Вейдле к Рембрандту возник еще в Петрограде в начале 1920-х годов. На рубеже 1960–1970-х годов он задумал о Рембрандте книгу, разделы которой «писались как тексты передач радио "Свобода", а затем редактировались автором по записи (скрипту) трансляции» [3, с. 75]. Замысел книги не был осуществлен. В одной из радиопередач автор излагал свое понимание Рембрандта: «Есть – всегда я это чувствовал – в самом искусстве Рембрандта что-то родственное России, русскому чувству жизни, русскому пониманию искусства (не русской живописи – этого я утверждать не решусь). <...> близок он чему-то, что мы встречаем у величайших наших писателей, и не просто встречаем, а чем они живы, в чем как раз и коренится само их величие. <...> Особое чувство правды, особое недоверие ко всему, что может обернуться фарисейством, ко всякой вылощенности, красоты...» [3, с. 74]. На наш взгляд, подчеркивая «родственность» Рембрандта путешественникам из России, отмечая особое отношение к нему вологодского крестьянина Ивана Афанасьевича, Каверин «совпадал» с Вейдле, настаивавшим на «своеобразном созвучии голландского живописца русской культуре» [3, с. 74].

Стремление Вейдле оформить многолетние размышления о Рембрандте именно на рубеже 1960–1970-х годов было обусловлено как внешними обстоятельствами (масштабная переатрибуция рембрандтовского

наследия, пришедшаяся на это время, широко отмечавшаяся трехсотлетняя годовщина смерти мастера), так и причинами иного порядка. И. Доронченков видит их в полемике Вейдле с филологическим структурализмом. Заметив, что в 1920-е годы Вейдле спорил с формалистами (Ю. Тыняновым, В. Шкловским, Б. Эйхенбаумом), в 1960-е годы полемизировал с их наследниками – структуралистами, исследователь пишет: «И в контексте дискуссий конца 1960-х гг., относящихся как к пониманию природы художественного творчества, так и способов и смысла его анализа, исследование Рембрандта должно представить своего рода "позитивный" пример решения художником проблемы изображения и выражения, соотношения содержания и формы в искусстве, и, в конечном счете, "человеческого" смысла искусства в целом» [3, с. 76].

Примечательно, что обращение Каверина к Рембрандту в «Малиновом звоне» тоже имеет филологическую подоплеку: автор вводит в очерк описание «Ночного дозора», чтобы высказать свои взгляды на природу художественного творчества, рассматривает картину голландского живописца как образец подлинного искусства, находящего отклик в душах очень разных людей. Как и для Вейдле, Рембрандт для Каверина являл пример воплощения «человеческого» смысла в искусстве.

Наше предположение о том, что автор «Малинового звона» был знаком с идеями Вейдле (и в чем экфрасис «Ночного дозора», как кажется, убеждает), важно для изучения интертекстуального поля не только отдельно взятого очерка, но и каверинской эссеистики в целом. В 1960–1970-е годы Каверин неоднократно бывал в Европе, и трудно представить себе, чтобы он не проявлял интерес к русской зарубежной литературе, особенно к творчеству тех, с кем судьба свела его еще в юности.

Вряд ли случайно то, что и у Каверина, и у Вейдле имелся свой «Вечерний день»: у того и другого так озаглавлены книги очерков и заметок, объединенные темой искусства и культуры: Вейдле В. В. Вечерний день. Отклики и очерки на западные темы (Нью-Йорк, 1952); Каверин В. А. Вечерний день: Письма, встречи, портреты (М., 1982). То обстоятельство, что оба эссеиста, выбирая заголовок для своей итоговой книги, остановились на названии «Вечерний день», весьма симптоматично. Разумеется, тот и другой имели в виду стихотворение Ф. И. Тютчева «Последняя любовь» («Помедли, помедли, вечерний день /Продлись, продлись, очарованье»), а Каверин, возможно, еще и книгу Вейдле. Оба, взяв в качестве названия образ из стихотворения, являющегося вершиной денисьевского цикла поэта, переосмыслили его. Героем очерков Каверина и Вейдле являлась не любовь, а искусство, над которым не властно время. Благодаря Ф. И. Тютчеву связь каверинской эссеистики с эссеистикой Вейдле приобретает новые, дополнительные смыслы.

Предпринятый анализ свидетельствует, что присущие эссе переходы от образа к понятию и от понятия к образу, «свободная смена познаватель-

ных установок» [8, с. 380] создают «естественную среду» для экфрасиса, соединяющего описание образного строя того или иного артефакта и его толкование. Являясь своеобразным «окном» в культуру, экфрасис связывает отдельно взятое произведение с широким историко-культурным контекстом. Оказываясь «проводником» не только в мир культуры, но и представлений о ней, актуализируя эстетическую проблематику, он «обнажает» свою метаописательную природу.

Список литературы

1. Геллер Л. Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе // Экфрасис в русской литературе: труды Лозаннского симпозиума / под ред. Л. Геллера. – М.: МИК, 2002. – С. 5–23.
2. Гращенков В. Н. П. П. Муратов и его «Образы Италии». Послесловие // Муратов П. П. Образы Италии. – М.: Галарт, 2005. – Т. 1. – С. 290–318.
1. Доронченков И. А. Владимир Вейдле. Книга о Рембрандте. К истории неосуществленного замысла // К исследованию зарубежного искусства. Новые материалы: сб. научн. ст. – СПб., 2000. – С. 73–81.
2. Каверин В. А. Малиновый звон. Очерк // Каверин В. А. Собрание сочинений: в 8 т. – М.: Худож. лит., 1983. – Т. 8. – С. 139–199.
3. Муратов П. П. Образы Италии / редакция, коммент. и послесл. В. Н. Гращенкова. – М.: Галарт, 2005. – Т. 1.
4. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977.
5. Фоминых Т. Н., Постнова Е. А. Образ Италии в повести В. А. Каверина «Косой дождь» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Научный журнал. – Пермь. – 2011. – № 4 (16). – С. 165–174.
6. Эпштейн М. Н. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX–XX веков. – М.: Сов. писатель, 1988.

**Роман Д. Рубиной «Белая голубка Кордовы»:
художественное новаторство и традиции**

В статье анализируется второй роман из трилогии Д. Рубиной «Люди воздуха» в контексте мировой литературы и с учетом современной культурной парадигмы, обусловленной визуальным поворотом в гуманитарном знании. Доказывается, что данный роман, синтезирующий наследие разных эпох, легко вписывается в современную культурную ситуацию, открытую для диалога. Характерные для романа о художнике лейтмотивы творения и оживления трансформируются за счет доминирования мифа о Мидасе и близнецного мифа.

The article considers the second novel from the trilogy “People of Air” in the context of both world literature and contemporary cultural paradigm, the latter being determined by a visual turn in Humanities. “The White Dove of Cordoba”, synthesizing the heritage of different epochs, appears to belong to this open for dialogue cultural situation. The leitmotifs of creation and revitalization typical of the novel about the artist are transformed due to the dominance of the Midas myth and the twins myth.

Ключевые слова: русская литература, роман о художнике, литературный герой, поэтика, диалог, Д. Рубина.

Key words: Russian Literature, novel about artist, literary character, poetics, dialogue, D. Rubina.

Дина Ильинична Рубина как писатель представляет собой одну из ярких фигур в современной литературе. Однако ее творчество редко относят к какому-либо течению, направлению. Лишь роман «Вот идет Мессия!», насколько нам известно, был причислен Н. Л. Лейдерманом к произведениям, «близким традиции классического реализма» [4, с. 26]. В основном исследователи акцентируют внимание на отдельных аспектах изучения многогранного творчества писательницы. Образ дома и фольклорно-мифологические мотивы прозы Д. Рубиной стали предметом специального анализа в работе Э. Ф. Шафранской [14]. Констатацией наличия «динамично развивающегося сюжета» и «системы ярких образов» в произведениях Д. Рубиной начинает статью Т. М. Колядич, особо подчеркивая «диалог культур» как «осознанную авторскую установку» [3, с. 144]. Время от времени появляются публикации, посвященные литературному феномену писательницы, образам Венеции, воды в ее творчестве [1; 7; 13], которые симптоматично вписываются в современную культурную парадигму, обусловленную визуальным (иконическим) поворотом в гуманитарном знании.

Влияние изобразительного искусства играет ведущую роль в творчестве Д. Рубиной, что в первую очередь обусловлено фактами ее биографии: «Я – дочь художника, жена художника» [10]. Соавторство с мужем проявляется в оформлении книг писательницы, в заголовочном комплексе («Посвящается Боре»), в упоминании о том, что муж – первый читатель ее произведений. Ярким примером творческого диалога между писателем и художником могут считаться как ранние, так и более поздние книги Д. Рубиной с иллюстрациями Б. Карафелова, в особенности недавно вышедшие «Окна» [11]. Поэтому изучать творчество Д. Рубиной без опоры на комплекс междисциплинарных исследований, связанных с такими понятиями, как интермедальность, визуальность, видение, экфрасис, пластическая реминисценция и другие не представляется возможным.

«Белая голубка Кордовы» (2008–2009), второй роман трилогии Д. Рубиной «Люди воздуха», пополняет мировую копилку романов о художнике («Странствия Франца Штернбальда» Л. Тика, «Родерик Хадсон» Г. Джеймса, «Творчество» Э. Золя, «Свет погас» Р. Киплинга и др.). «Итожащей», «осуществляющей переоценку ценностей», «раскрепощающей», «предупреждающей» называет И. С. Скоропанова русскую литературу конца XX – начала XXI веков и «уникальность современной ситуации» видит в «параллельном развитии сразу нескольких традиций, ни одна из которых не предполагает сменить другие». В качестве «контуров эстетической парадигмы» современной литературы исследовательница выделяет «реализм, модернизм, постреализм, постмодернизм, пост-постреализм, постпостмодернизм, постконцептуализм, романтизм – в разнообразии их течений, модификаций, смешанных форм» [12, с. 29]. Н. Л. Лейдерман отмечает «открытый диалог реализма с модернизмом и постмодернизмом» [4, с. 30]. В романе «Белая голубка Кордовы» сложность реалистического в целом метода Д. Рубиной объясняется влиянием натурализма, романтизма, символизма, импрессионизма, модернизма и постмодернизма.

Синтетическая фигура Захара Кордовина, сочетающего в себе эксперта, ученого, преподавателя, гениального художника и фальсификатора, дополняет коллекцию образов трикстеров наряду с бароном Мюнхаузенем, Остапом Бендером, Коровьевым, Бегемотом и др. Несмотря на родственную близость к плуту, трикстер «все-таки не плут»: даже если у трикстера и есть «меркантильный интерес, то он явно меркнет перед артистизмом и театральностью выходок героя» [6, с. 224]. С другой стороны, главный герой ведет свою родословную от кровавого злодея, пирата, и глубинные истоки его трагедии заключены в больших дарованиях, нарциссизме и подсознательной тяге к преступлениям, за которыми стоит смерть матери и гибель друга.

Проходящий через весь роман мотив дурной крови, физиологического вырождения, генетически заданного, фатального, характерный для творчества писателей-натуралистов, переплетается с романтическим мотивом

происхождения героя от злодея (дьявола?) и находит наиболее яркое отражение в словах дяди Семы: «Это такая ужасная порча в крови, порча, Зюня, ты мне поверь... Дед Рува помнил этого их темного “Испанца”, говорит, был страшный человек, то уезжал черт-те куда, и пропадал месяцами, то приезжал опять... Будто его гнала по свету какая-то нечистая сила. Ходили даже слухи, что он кого-то порешил и потому всю жизнь бегал. То он был Кордовер, то Кордовин, то еще черт знает кто... и уж при нем всегда какое-то оружие. И врал все время, все он врал <...> я хочу, чтобы ты подальше бежал от этой чумы в твоей крови <...> его предки были, не смейся: пираты» [9, с. 345]. Наиболее приближенные к Захару персонажи тоже называют его «пиратом», правда, Аркадий Викторович – с удовольствием, а Жука – с недоумением: «Босота расхохотался и воскликнул: – Да вы – пират, Захар! <...> И все покачивал головой, с удовольствием повторяя: – Пират! Настоящий пират! <...> Бесполезно спрашивать, все наврет, – пробормотала Жука и головой покачала: – Вот уж, точно: пират!». Сам Захар приходит в восторг от своего «неумемного пиратского воображения» [9, с. 333, 391, 248]. Как писатель-реалист Д. Рубина прослеживает становление художественного таланта Захара, следуя принципам исторического и социального детерминизма в изображении событий и судеб, в частности, в описании Винницы и ее жителей.

Конфликт романтизма и реализма в эпоху постмодерна (постпостмодерна?) с его культом телесности становится не только предметом исследования в романе, но и трансформируется в популярный в эпоху модерна миф о Дон Жуане и близнечный миф. Д. Рубина анализирует богему как романтическое явление с элементами эротических вкраплений и *сопровождением* музыки: «По поводу наездниц: оба в то время словно с цепи сорвались. Табличкой “занято” служила пластинка Дюка Элингтона. Если она висела на двери той стороной, где записан легендарный “Караван”, значит, путь в мастерскую закрыт; значит, сейчас там, на волнах барханов, мерно плывет саксофонная одурь любви, и третьего лишнего просят временно отвалить» [9, с. 313]. Идеи иронического переосмысления романтического братства художников, разделяющих один диван и одну возлюбленную, возникают в связи со стремлением Захара и Андрюши насладиться жизнью и воплотить мечты юности о прекрасной незнакомке. Однако презрение романтиков к деньгам сменяется их притягательной силой. Неслучайно после удачной подделки и продажи портрета «Наполеон в своем кабинете» французского художника-классициста Ж.-Л. Давида друзья «прибарахлились, щеголяли в джинсах и кожаных куртках из комиссии, съездили в Коктебель, где ухаживали за одной и той же официанткой Оксаной» [9, с. 371]. Мотив шальных денег и покладистых девиц приземляет образы Захара и Андрюши, однако портрет Наполеона, который «грохнулся с мольберта об угол стола» и состарился, как бы подыгрывает им, возвышает друзей над прозаической действительностью и переклика-

ется с цитатой из книги «Душа Наполеона» французского писателя-мистика Леона Блуа, служащей эпиграфом ко всему роману. Явное превосходство Захара над другом подчеркивается не только его крепким здоровьем и популярностью среди женщин, но и его гениальностью.

В начале XX века «сквозь восприятие пушкинского Моцарта» «переживался» «образ Дон Жуана» [8, с. 8]. Колдовское, демоническое, захватническое начало просвечивает через «мертворожденные» (поддельные) и «настоящие» (свои) полотна Захара. Вторгаясь в картины других художников, покушаясь на их самость, Захар выступает одновременно и как создатель, и как разрушитель, ему, как трикстеру, присуще «сочетание священного и похабного» [5, с. 134]. Врожденное созидательное начало и постоянное желание «что-то там “починять”», идущее от Бабани, свойственно Андрюше и дополняется сравнением его возвышенного облика с фигурой на картине М. Нестерова «Видение отроку Варфоломею»: «Андрюша – нестеровский синеглазый отрок, с выгоревшими на солнце белыми легкими патлами, которые он прихватывал красной бабаниной козынькой» [9, с. 270]. Сказочное пространство их дома, созданное писательницей с помощью пластических реминисценций из народного лубка и ярких иллюстраций И.Я. Бибелина, тоже увлекающегося лубком, к сказкам писателей, служит лечебницей для Захара-подростка. Прозорливость Бабани относительно амбициозности Захара выражена в словах: «Ха-арош парень, но много чё ишшет!» [9, с. 267]. Одновременно ведьма и реставратор, Баба Яга, баба Бабариха и певец Баян, Бабаня обладает даром видения и созидания, вкупе с хитростью и острословием.

Ассоциации с архетипами небесного и земного, солнечного Аполлона и стихийного Диониса способствуют более глубокой интерпретации образов Андрюши и Захара. Близнечный миф, составляющий «основу концепции творчества» и повествующий о «трагедии дружбы», о соперничестве и «братоубийстве» [8, с. 10], в романе закручен вокруг картины Рубенса «Спящая Венера», которая явилась косвенной виновницей убийства Андрюши. Примечательно, что Захар, как и Босота, не видел в Андрюше равного, а только – помощника, что подтверждается письмом Микеланджело к Вазари о смерти верного слуги Урбино. Поставив себя на место титана Возрождения, Захар проникается фразой относительно ухода Урбино: «Он исчез и покинул меня одного».

Романтической концепции творческого созерцания и внутреннего становления Д. Рубина противопоставляет понимание творчества как работы, тяжелого труда (физического и душевного), требующего огромного напряжения сил: «Через две недели две “Венеры”, два абсолютных близнеца дышали парным теплом обнаженного тела в кабинете Босоты. Осунившийся Захар с воспаленными глазами и подрагивающими от напряжения руками, молча выслушал восторги коллекционера, машинально принял и положил в задний карман джинсов внушительную пачку <...>

и едва попрощавшись, вышел» [9, с. 390–391]. Подробное описание мастерской художника и перечисление рам, холстов и красок, из которых складывается картина, снижают образ самого искусства: «Тут штабелями стояли старые рамы, подрамники, планшеты и деревянные планки, рулоны холстов и бумаги, коробки без этикеток, картонки разных размеров и форм, ящики со всеми видами гвоздей» [9, с. 47]. Однако возвышают творческую индивидуальность самого художника, способного создать произведение искусства, вступить в диалог с великими о великих. Утопическая мысль героя о том, что можно «воссоздать» все «пропавшие шедевры», «тщательно изучив технологию, по которой работал Мастер», сближает Захара с романтиками–мечтателями [9, с. 320].

Идеальную личность, учителя и воспитателя главного героя в романтическом романе сменяет в романе Д. Рубиной делец Босота, впоследствии обманувший и предавший Захара. Лейтмотив раздвоенного копыта–подбородка Босоты и стремление постоянно носить бороду, с одной стороны, подчеркивает силу и мощь Аркадия Викторовича (ср. у Пушкина: «Сей благодатной бородой / Недаром Черномор украшен <...> В его чудесной бороде / Таится сила роковая»), с другой – символически заостряет конфликт между творческим всесилием и половой импотенцией. По меткому замечанию художника Менчина, сексопатолог Босота, живущий с сестрой, не лечит, а напротив, заражает людей: «– Ну вы и громила, извините, Аркадий Викторович... Как это вас пациенты не боятся? На вас глянешь, вмиг импотентом станешь» [9, с. 308]. По контрасту с карлой Черномором Босота имеет рост около двух метров. Сравнение Босоты с дьяволом, присутствующее в романе, хотелось бы дополнить ссылкой на его бесовство (Бос / Бес). Разрушительная природа одержимости Босоты, выворачивание идей изнутри и непривлекательная смерть – это уже иерархически другое, чем дьявол. В данном случае речь идет о перетекании одной формы в другую (беса в дьявола, и наоборот), и в этом сходство Босоты с Захаром, трикстером, пиратом и тоже дьяволом. «Демонизм искусства утрачивает силы с инобытием. Художник оказывается безнадежно затерявшимся, позабытым на земле бесом» [2, с. 74].

Символично зеркальное противопоставление двух картин Захара: «Святого Бенедикта» и «Спящей Венеры». Художник предает «Святого Бенедикта», отправляя его на вечное заточение в застенки Ватикана, мрачный образ которого напоминает образ замка в готическом романе. «Спящая Венера», отсылающая читателя к образу роковой женщины-соблазнительницы, столь любимому символистами, приводит к расправе над Босотой и Захаром. В романе нет написанного художником автопортрета, однако эти две картины, сотворенные, оживленные Захаром и преданные им же, являются, по сути, автопортретом. Лицо «святого пирата», сменившего кортик на жезл, похоже на лицо Захара, что подтверждается словами его друга Илана: «– Кстати... – заметил Илан, переводя взгляд с

портрета на лицо приятеля. – Кстати, как раз на тебя он и похож» [9, с. 357]. Спящая Венера символизирует не только полусонную Ирину, но и многочисленных женщин (Маринка, Марго, Пилар и др.), с которыми героиней вступал в близкие отношения и приносил в жертву живописи. Миф о Мидасе, пожелавшем, чтобы все, к чему он прикоснется, превращалось в золото, и в золото стала превращаться пицца, переосмысливается в контексте творчества Захара и соседствует с понятием ущербности, калечности как разрушительной страсти к искусству.

Аккумулируя классическое наследие прошлого, вступая в диалог с писателями-современниками, Д. Рубина продолжает пребывать в Большом времени. Создавая сложный, противоречивый образ главного героя, она, вместе с тем, помещает его среди трикстеров и пиратов. Элементы детективного жанра (криминал, отмщение, погони, слежки) восходят до уровня философских обобщений («А я задолжал совсем другому кредитору. И по другой ведомости...») и придают динамичный, интригующий характер всему повествованию. Странствия героя–романтика и бегство от суровой действительности в мир фантазии и грез уступают место в романе Д. Рубиной мучительным снам, бегству от пуль, а упоминания о голосе Пантохи, «обожженной жизнью женщины», и корриде символизируют душевные переживания героя и борьбу с сильным противником. Мистическая связь художника с картиной, характерная для романтиков и символистов, снижается за счет расчленения картины (рамы, холсты, краски) и тяжелого труда художника, имплицитно сравнимого с муками роженицы («Вы... вы – живородящий, понимаете?»). Образы-символы невинности (белая голубка) и зла (кубок, обвитый змеей) трансформируются в романе в антиномии «святой пират», «кортик-жезл», «пустые картины», «мятая жестянка», «персиковые занавески», предполагая неоднозначный подход к осмыслению жизни в формате Большого времени.

Список литературы

1. Вишенкова А. А. «Город, отмеченный водой» (образ воды в венецианских произведениях Иосифа Бродского и Дины Рубиной) // Иосиф Бродский в XXI веке: материалы междунар. научно-исследовательской конф.; филол. ф-т СПбГУ. – СПб., 2010. – С. 59–62.
2. Дарк О. Художник и его натурщицы // Литературное обозрение. – 1992. – № 7/8. – С. 70–74.
3. Колядич Т. М. Диалог культур в прозе Д. Рубиной // Синтез в русской и мировой художественной культуре: материалы IV научно-практич. конф.; МПГУ. – М., 2004. – С. 144–147.
4. Лейдерман Н. Л. Русский реализм на исходе XX века // Современная русская литература: проблемы изучения и преподавания: материалы Всерос. научно-практич. конф.; ПГПУ. – Пермь, 2003. – Ч. I. – С. 24–33.
5. Липовецкий М. Акунин и другие злодеи // Современная русская литература: проблемы изучения и преподавания: материалы междунар. научно-практич. конф.; ПГПУ. – Пермь, 2007. – Ч. I. – С. 125–151.

6. Липовецкий М. Трикстер и «закрытое» общество // Новое литературное обозрение. – 2009. – № 100. – С. 224–245.
7. Луценко Е. Лопнувший формат // Вопросы литературы. – 2009. – Ноябрь–Декабрь. – С. 100–112.
8. Осипова Н. О. «Моцартианский миф» в русском поэтическом сознании первой трети XX века (к художественной рецепции «Маленьких трагедий» А.С. Пушкина) // Русская художественная культура первой трети XX века: грани синтеза: материалы межвуз. научно-теорет. семинара; ВГПУ. – Киров, 2001. – С. 4–13.
9. Рубина Д. Белая голубка Кордовы. – М.: Эксмо, 2012.
10. Рубина Д. «Меня трясет, когда я слышу что-то о “женской литературе”»: интервью С. Альпериной с Д. Рубиной // Российская газета, 2010. – [Электронный ресурс]: <http://dinarubina.com/interview/rg2010.html>.
11. Рубина Д. Окна / худож. Б. Карафелов. – М.: Эксмо, 2012.
12. Скоропанова И. С. Эстетическая парадигма современной русской литературы // Современная русская литература: проблемы изучения и преподавания: материалы междунар. научно-практич. конф.; ПГПУ. – Пермь, 2005. – Ч. I. – С. 29–40.
13. Соболева О. В. Венецианский текст в современной русской литературе: продолжение и преодоление традиции // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2010. – Вып. 5 (11). – С. 184–188.
14. Шафранская Э. Ф. Мифопоэтика иноэтнокультурного текста в русской прозе XX–XXI вв.: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2008.

Жанровые формы вставных рассказов в «Альгамбре» В. Ирвинга

В статье рассматриваются основные формы вставных рассказов в книге «Альгамбра» Ирвинга: история, анекдот, легенда. История является жанром с наименее четкими формальными признаками. Анекдот представляет собой поучительный случай с участием исторических лиц и точной локально-временной отнесенностью. Легенда строится по законам волшебной сказки и становится главной формой романтического повествования.

The article describes the main genre forms of “story within story” in “The Alhambra” by W. Irving: history, anecdote, legend. Tradition is the least rigid of the genres. Anecdote is an instructive story involving historic personages. Legend shares the form of the fairy tale and becomes the major genre of romanticism narrative.

Ключевые слова: жанр, рассказ в рассказе, история, анекдот, легенда.

Key words: genre, story within story, tradition, history, anecdote, legend.

Вставные тексты («рассказы в рассказе») в путевых заметках занимают особое, зачастую ключевое место, организуя иногда всю ткань повествования. Исследователи отмечают, что при всем разнообразии путевых заметок, которые могут тяготеть к художественной литературе или к публицистике, быть оформлены как очерковая или как эпистолярная проза, объединяющей их чертой является способность синтезировать самые разные жанровые образования [5, с. 280-281].

В настоящей статье исследуются различные жанровые формы вставного повествования в книге Вашингтона Ирвинга «Альгамбра» (*The Alhambra*, 1832). Хотя в ней не изображено традиционное путешествие по местности, «Альгамбра» вписывается в рамки жанра книги очерков: автор передвигается по Альгамбре, старинному дворцу мавританских королей, изучая его дворики, залы, балконы, башни. В ставшем каноническим вторым прижизненным издании (1851) Ирвинг, описавший свое действительное пребывание в Испании, снимает фигуру повествователя Джеффри Крейона [1, с. 113] и пишет книгу от собственного лица, поэтому мы для удобства будем использовать термин «автор» вместо термина «повествователь», признавая, что они, конечно, не идентичны. В «Предисловии к пересмотренному изданию» Ирвинг называет «Альгамбру» «рассказами и очерками» (*tales and essays*) и признается, что основой для нее послужили заметки и наброски, написанные им во время путешествия по Испании.

Вводные рассказы, прежде всего легенды, играют настолько важную роль в книге, что для издателей часто затмевают собой остальную часть повествования, в связи с чем существует множество издательских версий (как в оригинальных, так и в переводных), включающих только легенды. В то же время другие жанровые вкрапления остаются мало замеченными исследователями, тем более что в переводах особенности жанровых наименований часто не передаются.

«Альгамбра» изобилует метаповествовательными элементами и является в большой степени метатекстом. Автор осмысляет бытование различных литературных жанров, посвящая некоторым отдельные главы; анализирует свое отношение к ним; комментирует собственный стиль. В книге, помимо автора, много рассказчиков: искусство слова, как фольклорное, так и литературное, остро ощущается автором как одна из главных составляющих культуры Испании. Один из основных персонажей книги, Матео Хименес, выполняет важную и неоднозначную функцию: прежде всего, он гид автора по Гранаде и Альгамбре; далее, он становится его проводником в мир культуры и в мир сказки.

Рассказы Матео и других персонажей, плод фантазии чужого народа, служат автору своего рода материалом для дальнейшей работы, и он волен придать ему ту жанровую форму, которая наиболее отвечает его целям. Выбор жанра говорит об авторском понимании литературного процесса не меньше, чем прямые декларации. Признаваясь в том, что он пытается сохранить колорит повествования, автор, тем не менее, является инстанцией, оформляющей текст в соответствии с законами того или иного жанра. Жанровая атрибуция вставных рассказов принадлежит самому автору; их можно разделить на три большие группы – анекдоты, истории и легенды. Несмотря на то, что автор не дает им непосредственного определения, он достаточно щепетилен и строго разграничивает эти понятия. Так, он не употребляет жанровые наименования применительно к одним и тем же историям, то есть как синонимы, за единственным исключением, когда автор называет «Легенду о розе Альгамбры» «историей» (*story*).

Проанализируем особенности этих жанров в «Альгамбре». Для обозначения жанра истории Ирвинг использует несколько терминов, употребляя их синонимически, по отношению к одним и тем же текстам – *story*, *history*, *tradition*, *lore*, *tale*. Необходимо заметить, что история имеет гораздо более размытые черты, чем анекдот и легенда, ее границы достаточно широки. Многие истории занимают всего несколько строк и принадлежат одновременно автору и одному из рассказчиков (например, история о Бычьем фонтане в Севилье). Истории передаются автором достаточно кратко, когда чувствуется их типизированный характер. Так, это относится к рассказам о закопанных маврами сокровищах: “There is no theme, however, more prevalent and popular than that of treasures buried by the Moors; it pervades the whole country” [6, с. 162] («Самые частые и самые излюблен-

ные [истории] – легенды о мавританских кладах; их рассказывают повсеместно» [2, с. 118]). Сюжет о кладах в «Альгамбре» становится основой легенды, но как история не рассказывается.

В связи с этими особенностями выделение всех повествовательных фрагментов, принадлежащих к жанру истории, представляется невозможным, и мы анализируем лишь те из них, которые оформлены как достаточно большие цельные рассказы. История Долорес и голубя, рассказанная в главе «Беглец» (*The Truant*), посвящена современным обитателям Альгамбры и имеет аллегорическое значение. Интрига в классическом понимании практически отсутствует: ручной голубь, отпущенный Долорес полетать, не стремится вернуться; когда его находят, девушка прощает его, но для верности подрезает крылья: “More than one valuable moral might be drawn from the story of Dolores and her pigeon” [6, с. 116] («Вообще история Долорес и ее голубка весьма и весьма поучительна» [2, с. 85]). Автор проводит параллель между голубем и мужчинами («Я заметил, однако ж, что на будущее она позаботилась подрезать ему крылья; эту предосторожность я упоминаю к сведению всех тех, у кого беспокойные любовники или гулящие мужья») и считает историю поучительной – она иллюстрирует типичные поступки и типичные реакции. В связи с этим время не так важно, как в анекдотах, а место играет меньшую роль, чем в легендах.

Еще две истории, оформленные как отдельные главы, «Комендант и нотариус» (*The Governor and the Notary*) и «Комендант Манко и солдат» (*Governor Manco and the Soldier*), рассказывают о забавных случаях. Первая повествует об инциденте между враждующими друг с другом комендантом Альгамбры и капитаном-генералом Гранады. Нотариус последнего советует арестовать одного из капралов коменданта, который, чтобы спасти приговоренного к казни капрала, похищает нотариуса и обменивает его жизнь на жизнь капрала. Во второй истории, следующей непосредственно за первой, одним из главных героев также является комендант, но в данном случае он оказывается одураченным. Выставленная им стража арестовывает некоего подозрительного человека, который рассказывает фантастическую историю о том, как его перенес из отдаленного места волшебный арабский скакун. Солдат якобы стал свидетелем происходящего раз в год, в канун святого Иоанна, чуда: оживают все заколдованные соратники Бобдила, последнего мавританского правителя Альгамбры, и однажды им действительно удастся отвоевать Испанию. Комендант не верит этому рассказу и помещает солдата за решетку, откуда тот сбегает при помощи горничной коменданта. Как и в предыдущем случае, история не имеет ярко выраженной интриги; историческое время не имеет особого значения. Истории представляют собой эпизоды, произошедшие с реальными жителями Альгамбры; правдоподобие их никак не комментируется, поскольку чудесное в них замещено мелодраматическим.

Прямое противопоставление истории и анекдота можно найти в главе «Балкон» (*Balcony*). В то время как Матео, которого автор сравнивает с Асмодеем из «Хромого беса» Луиса де Гевары, рассказывает о жителях Альгамбры «анекдоты», автор стремится облечь реальность в сказочные одежды согласно романтическим канонам, которые он хорошо усвоил за время пребывания в Альгамбре. Любую сцену он воспринимает как эпизод из сказки, проявляя при этом большую долю самоиронии; Матео же развенчивает романтические иллюзии своего господина. В данном случае слово *anecdote* применяется к бытовым сюжетам, в то время как *history* мыслится как плод фантазии автора.

Истории в «Альгамбре» действительно имеют романтическую окраску. В тексте книги слова, которые обозначают данные отрывки (*story, tradition*, и т.д.), чаще всего получают определение *marvelous* (чудесная). Среди других определений – *fabulous* (удивительная), *hobgoblin* (пугающая), *dismal* (зловещая), *dramatic* (драматичная). О распространенности и устном характере историй говорят эпитеты *popular, traditionary* (традиционный), а о смешанном авторском отношении – *true* (правдивый) и *apocryphal* (сомнительный). Несмотря на весь интерес к историям, автор в целом определяет рассказы Матео как «сомнительную историю места» (*apocryphal history of the place*). Характерно в этом определении слово «апокрифический» – неписанный, но претендующий на истину. В культурной традиции апокрифы нередко более ценны, чем официальная версия событий [3, с. 45]. Эти истории передаются из уст в уста поколениями, и в книгах их найти невозможно, в связи с чем автор не проверяет в хрониках факты, о которых рассказывается в историях.

Таким образом, истории, несмотря на подвижность жанровых границ, объединяют несколько моментов: это рассказы, не имеющие жесткой пространственно-временной привязанности, посвященные достаточно обыкновенному событию, которое при желании может быть трактовано с романтической точки зрения. Интрига в них выражена не четко, однако присутствуют действие, диалоги, описания; большое внимание уделяется созданию образов персонажей. Авторское отношение к историям двойственно и чаще всего прямо не высказывается.

Рассмотрим далее анекдоты (*anecdotes*). Анекдот в книге Ирвинга не соответствует современному значению слова в русском языке: это не юмористическая, а скорее назидательная, поучительная история, которая рассказывается по случаю, поэтому отдельные главы анекдотам не посвящаются (кроме «Случая с каменщиком» (*The Adventure of the Mason*)). Анекдот обыкновенно вовлекает некоторых исторических персонажей, в связи с которыми и упоминается анекдот, как иллюстрация того или иного качества исторической личности: “One anecdote will be sufficient to show the magnanimity of this generous prince” [6, с. 92] («Есть один рассказ о великодушии этого государя» [2, с. 69]). Так, в главе «Юсуф Абуль

Хаджи, завершитель Альгамбры» (*Yusef Abul Hagig. The Finisher of the Alhambra*) анекдотом называется эпизод, в котором Юсуф при известии о смерти его врага Алонсо XI Кастильского от чумы вместо радости горевал. По тому же принципу построен следующий анекдот, приведенный в главе «Вид с башни Комарес» (*Panorama from the Tower of Comares*). Он демонстрирует благородство и великодушие Исмаила Бен Феррага, который отдал труп врага его сыну со всеми почестями. Глава «Львиный дворик» (*The Court of Lions*) содержит анекдот об отношении мавров к Испании, которую они до сих пор считают своей землей; в поражении же арабов они винят Боабдила. Глава «Памятники царствования Боабдила» (*Mementos of Boabdil*) приводит анекдотический упрек матери Боабдила, адресованный сыну: *You do well, to weep as a woman over what you could not defend as a man* [6, с. 168] («Стыдись, ты плачешь, как женщина, над тем, что не сумел защитить, как мужчина» [2, с. 110]).

Хотя в анекдоте не происходит ничего такого, что не могло бы произойти на самом деле, он повествует о каком-то выходящем за рамки повседневности событии – необычном благородстве, проявленном людьми, или сопутствующей им удаче. Для анекдота характерна точность при указании года, места действия, имен участников событий. Тем не менее роль хронотопа не слишком велика, поскольку место действия служит своего рода орнаментом, деталью: *“Five hundred years have elapsed since Ismael ben Ferrag, a Moorish king of Granada, beheld from this very tower an invasion of the kind”* [6, с. 110] («Пятьсот лет минуло с тех пор, как Исмаил Бен Ферраг, мавританский властитель Гранады, с этой самой башни глядел на подобное вторжение...» [2, с. 81]). Точность акцентируется тем, что автор считает необходимым подтвердить описываемые события историческими свидетельствами: *“The Spanish chroniclers themselves bear witness to this magnanimity. According to their accounts, the Moorish cavaliers partook of the sentiment of their king, and put on mourning for the death of Alfonso”* [6, с. 92-93] («О том же великодушии свидетельствуют и испанские летописцы. Согласно их хроникам, мавританские витязи, подобно своему государю, приняли траур по поводу смерти Алонсо» [2, с. 69]).

В анекдоте сильно выражен нравоучительный элемент. В главе «Балкон» Матео рассказывает анекдот, которому в данном случае отводится целая глава, – «Случай с каменщиком». Построенный в большей мере по законам истории, этот анекдот не имеет четкой временной привязанности и посвящен не историческому лицу, а обыкновенному жителю Гранады. С другой стороны, в отличие от легенды, он не повествует ни о каком чуде, а просто о необычном событии. Это поучительная история о благочестивом, но бедном каменщике, который за плату помог одному священнику спрятать деньги, а по его смерти сумел получить его богатство. Суггестия, типичная для легенды, снимается здесь при помощи шутки – священник просит каменщика занести в склеп тела, подразумевая кувшины с деньгами.

Таким образом, анекдот характеризуется краткостью, вовлечением в повествование исторических персонажей, четкой локально-временной определенностью. Описываемые в нем события вероятны, но необычны. Хотя анекдот передается из уст в уста и достаточно распространен, он не вызывает безоговорочного доверия автора, который стремится найти свидетельства, подтверждающие подлинность описанных в нем событий. Одна из главных черт анекдота – назидательность, поучительность, моральный урок, который должен извлечь из него читатель (слушатель).

Легенды, которые занимают значительную часть книги, в основном передаются самим автором и черпаются им из устных и письменных источников. Они, очевидно, претерпевают наибольшую жанровую обработку и предстают как полностью законченные фрагменты. В середине книги автор сам обозначает некую демаркационную линию: “Having, I trust, in the preceding papers made the reader in some degree familiar with the localities of the Alhambra, I shall now launch out more largely into the wonderful legends connected with it, and which I have diligently wrought into shape and form...” [6, с. 165] («Я полагаю, что мой читатель как-то уже освоился в Альгамбре, и теперь спокойно пушусь в пересказ удивительных преданий, связанных с этим местом, которые я прилежно скроил...») [2, с. 119].

Включенные в книгу «Альгамбра» легенды, оформленные как отдельные главы, достаточно хорошо известны и часто издавались отдельно: «Легенда об арабском звездочете» (*Legend of the Arabian Astrologer*), «Легенда о царевиче Ахмеде аль Камеле, или Влюбленный скиталец» (*Legend of Prince Ahmed Al Kamel; or, the Pilgrim of Love*), «Легенда о наследстве мавра» (*Legend of the Moor's Legacy*), «Легенда о трех прекрасных царевнах» (*Legend of the Three Beautiful Princesses*), «Легенда о розе Альгамбры» (*Legend of the Rose of the Alhambra*), «Легенда о двух скрытных статуях» (*Legend of the Two Discreet Statues*), «Легенда о доне Муньо Санчо де Инохоса» (*Legend of Don Munio Sancho de Hinojosa*), «Легенда о зачарованном страже» (*The Legend of the Enchanted Soldier*).

Художественная обработанность легенд выражается прежде всего в их устойчивой композиции: в качестве фабульной основы выступает схема волшебной сказки. Легенде предпосылается введение, в котором автор рассказывает, где и когда услышал легенду. Завязка чаще всего представляет собой какое-либо пророчество, предсказание, прорицание («Легенда об арабском звездочете», «Легенда о царевиче Ахмеде», «Легенда о трех прекрасных царевнах») или запрет («Легенда о розе Альгамбры», «Легенда о двух скрытных статуях»). В большинстве случаев пророчество, которое обычно не сбывается, но служит поводом для лишения героя (героини) свободы, упоминает беду, грозящую герою от любви. В других случаях герой, как это часто бывает в сказке, подвергается моральному испытанию (Перехин встречает умирающего мавра, дон Муньо просит о снисхождении враг). Кульминацией становится решающий поступок героя (в первом случае – неповиновение пророчеству, то есть судьбе, во втором – доказа-

тельство моральной силы, доброты и т.д.), а развязкой – обретение им богатства, свободы или любви (иногда всего вместе). Почти всегда присутствует «послесловие» автора, которое вместе с предисловием образует раму легенды и придает ей еще большую завершенность.

В легенде почти обязательно присутствует элемент чудесного, наиболее частые формы которого – волшебные предметы (ковер-самолет, волшебная палочка, волшебное кольцо Давида); заколдованные люди; роковая случайность (Дон Санчо убит в бою именно тем юношей, к которому проявил необыкновенное великодушие); посмертное чудо (явление Дона Муньо и семидесяти рыцарей в Иерусалиме).

Легенды в «Альгамбре» всегда имеют локальную привязанность, которая определяется не только хронотопом отдельных легенд, но и хронотопом книги в целом. Пространство легенды концентрирует в себе разные временные пласты, и стоит автору увидеть фонтан или башню, как оживают когда-то обитавшие здесь герои. Многие уголки Альгамбры окружены слухами, говорящими, что в них до сих пор заточены некоторые из героев легенд (алькальд, альгвасил и цирюльник из «Легенды о наследстве мавра»). Что касается времени действия, то оно не играет ключевой роли. Более значимым является время суточное (многие важные события происходят ночью) или циклическое, повторяющееся – ночь летнего солнцестояния, например.

Легенды, на первый взгляд не связанные между собой, оказываются частью одного и того же рассказа, когда в них начинают появляться уже знакомые имена или когда легенда неожиданно становится продолжением другой легенды. Так, Санчика из «Легенды о двух скрытных статуях», прикоснувшись к волшебному амулету, встречается с готской царевной из «Легенды об арабском звездочете». Поскольку вторая часть книги состоит из легенд по преимуществу, для самого автора грань между действительностью и легендой постепенно размывается, и жизнь начинает приобретать сказочные черты. Тем не менее это отношение не возводится в абсолют, что подчеркивается комическим звучанием последней легенды, «Легенды о зачарованном страже».

Авторское отношение к легенде постоянно балансирует на грани иронии и самоиронии, когда автор доводит до полного абсурда свое внимание к правдоподобию текста: “If any one should doubt of the miraculous apparition of these phantom knights, let him consult the History of the Kings of Castile and Leon, by the learned and pious Fray Prudencio de Sandoval, bishop of Pamplona, where he will find it recorded in the History of King Don Alonzo VI, on the hundred and second page. It is too precious a legend, to be lightly abandoned to the doubter” [6, с. 393] («Если кто-либо усомнится в чудесном явлении призрачных рыцарей, пусть заглянет в “Историю королей Кастилии и Леона”, сочиненную ученым и благочестивым братом Пруденсио де Сандовалем, епископом памплонским; он найдет рассказ об этом в “Истории короля Дона Алонсо

VI», на сто второй странице. Легенда эта слишком драгоценна, чтобы приносить ее в жертву недоверию» [2, с. 276-277].

В «Легенде о розе Альгамбры» самоирония проявляется в выборе свидетельства правдивости легенды – автор утверждает, что лютия готской царевны – переделанная скрипка Паганини, что, по его мнению, является гарантом подлинности описанных событий: “Oh, that is the most curious matter of all, and plainly proves the truth of the whole story. <...> A word in the reader’s ear, but let it go no further – that fiddle is now bewitching the whole world – it is the fiddle of Paganini!” [6, с. 316] («...Тут-то яснее ясного подлинность всей истории. <...> Словечко на ухо читателю, только, чур, молчок: скрипка эта нынче завораживает весь мир – это скрипка Паганини!» 2, с. 225]).

Ирония в начале книги, объясняемая американской традицией в целом [4, с. 80], сменяется пониманием законов жанра легенды как законов реальной жизни. Так, поначалу для автора характерно скептическое отношение к рассказам Матео, он отправляется для проверки фактов в библиотеку, более доверяя письменному свидетельству историка, чем устному слову современника. Далее автор оказывается втянутым в сюжет легенд благодаря месту, в котором он находится, и срабатывает эффект «волшебной комнаты», одного из распространенных в легендах и сказках сюжета. Герой остается ночевать в заколдованной комнате; соприкосновение с неведомыми силами вовлекает его в жизнь по законам волшебства. Пространство замка для автора превращается в пространство сказки.

Итак, легенда является самым законченным в жанровом отношении «рассказом в рассказе», которому автор отдает явное предпочтение. Большую роль в легенде играют интрига и фабула, текст имеет стройную композицию, задействуется набор повторяющихся мотивов и образов. Важное место принадлежит авторским комментариям, выдвигающим легенду в фокус авторского осмысления. Вторая часть книги почти полностью состоит из легенд, от которых автор отвлекается лишь ненадолго; легенда становится тем жанром, который для американского путешественника воплощает романтическое и сказочное начало.

Список литературы

1. Барабанова Ю. М. Образ автора в «Альгамбре» Вашингтона Ирвинга // Автор. Герой. Рассказчик: Межвуз. сб. / под ред. И. П. Куприяновой. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. – С. 112-120.

2. Ирвинг В. Альгамбра. Новеллы / пер. В. С. Муравьева. – М.: Художественная литература, 1989.

3. Левинтон Г. А. Легенды и мифы // Мифы народов мира. – М.: Российская энциклопедия, 1997. – Т. 2. – С. 45-47.

4. Тулякова Н. А. Жанр легенды в литературе США XIX века: особенности развития // Известия российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2010. – № 134. – С. 79-87.

5. Шачкова В. А. «Путешествие» как жанр художественной литературы: вопросы теории // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Филология. Искусствоведение. – 2008. – № 3. – С. 277-281.

6. Irving W. The Alhambra. Author’s Revised Edition. – NY: George Putnam, 1851.

Проблема артистизма бытия в романах Уильяма Бойда

Проблема артистизма бытия является традиционной для английской литературы XX века, в конце которого понимание ее меняется. Представление об артистичности как расширении возможностей личности, обретении «подлинного себя» дополняется идеей о необходимости создания личного социального пространства и обретения в нем своей роли. В таком виде названная проблема становится центральной в романах У. Бойда.

The problem of artistism of life is traditional for the English literature of the XX-th century in which end its understanding varies. Representation artistry as expansions of possibilities of the person, finding «original itself» is supplemented with idea about necessity of creation of personal social space and finding for it the role. In such kind the named problem becomes the central in W. Boyd`s novels.

Ключевые слова: артистизм, британский роман, Уильям Бойд, театральное пространство.

Key words: artistism, the British novel, William Boyd, theatrical space.

Тема артистизма личности появляется в английской литературе на рубеже XIX-XX веков, в эпоху эстетического движения, когда было очевидно стремление к тому, чтобы искусство пронизывало все стороны существования человека, в том числе и обыденные, повседневные. Лозунг «сделать жизнь произведением искусства» явился одной из граней понимания артистизма бытия, противопоставленного тривиальному буржуазному существованию. С этого времени названная тема остается в английском романе. Наиболее яркими примерами становятся произведения И. Во «Возвращение в Брайдсхед» и Д. Фаулза «Коллекционер», «Башня из черного дерева». Их объединяет представление о подлинной артистичности как ощущении праздничности, «полетности» самого процесса жизни. В широком смысле слова к середине века артистизм становится средством противостояния нестабильности социального мира. В последнее время подвижность социальной реальности осознается уже не только в том смысле, что она не является сколько-нибудь устойчивой константой в пределах одной человеческой жизни или хотя бы в период юношеского становления личности в силу постоянной возможности радикальных изменений (войны, революции), но и в другом: многообразии сфер одновременно существующих реальностей.

Следует согласиться с мнением автора статьи «Феномен артистизма в контексте современной культуры» Р. К. Бажановой, которая утверждает,

что в постнеклассическом художественном мышлении «подразумевается необходимость приобретения пластичности, способности быстро приспосабливаться к каждому повороту обстоятельств, мгновенно располагаться в изменившейся ситуации. Именно поэтому XX век часто называют «артистической эпохой», а в последнее время называют и «режиссерской». Человек в XX веке может жить, проявляя себя создателем и воплотителем им же созданных сценариев: выживают те системы, которые быстро и гибко самоорганизуются» [1, с. 274-275].

Хаос разрушенного мира ценностей может быть организован в индивидуальный космос посредством организации собственно жизни как некоторой упорядоченности. Поиск основы следует искать самому человеку. Эта проблема занимает У. Бойда, одного из блестящих «хамелеонов английской словесности» [4, с. 32], в 1983 году объявленного журналом «Гранта» одним из лучших писателей своего времени. Представляя статичные и динамичные модели бытия в романе «Браззавиль-Бич» (1990), Бойд создает образ математика, которому присуще чувство красоты, что явствует из эпизода, где герой описывает свое восприятие неожиданно открывающегося вида на озера в выражениях, которые присущи описанию идеи «линии красоты», начиная с XVIII века. Для англичанина это является важнейшей характеристикой. Объединение парадоксального мышления с его чуткостью к восприятию красоты уже делает личность неординарной. Man's search for knowledge (поиск человеком знания) приводит его к безумию. Здесь отсылка к восприятию гениальности в первые десятилетия века, когда безумие и гениальность рассматривались как две вещи не просто совместные, но практически единые. Героиня «завидовала тайному знанию мужа и благоговела редкому дару». Она понимает, что специальные знания архитектора, историка, биолога можно получить, но мир и знания математика непостижимы без особого типа мышления (way of thinking).

Проникновение в современный тип way of thinking, с нашей точки зрения, есть большая удача У. Бойда. Квинтэссенция этого типа заключается в словах «it was variance that fascinated him now» (он был пленен изменчивостью). Динамичные модели бытия получают сложное воплощение в романе. Бойд включает в текст рассуждения в излюбленном стиле своего времени – философско-естественно-научной эссеистики, областью научных интересов которой была турбулентность. Его герой интересовался поиском оптимальной стратегии научного поиска. Зоны турбулентности – это зоны, где все случайно и непредсказуемо. Классическая система познания мира состоит в обнаружении и фиксации инвариантных характеристик. Джона же увлекали, напротив, изменчивость, системы неустойчивые, с разрывами, закономерности случайных происшествий – флуктуаций. Соотношение мелкого и сверхважного сложны, а последствия малых возмущений могут быть необратимыми. Ранее в теории турбулентности

завихрения изучались с помощью формул, отражающих каждое отдельное из них, из чего пытались составить систему. Теперь Джон изучает формы. Старая школа понимает турбулентность как передачу энергии от больших завихрений к меньшим, что называется «каскадное рассеивание энергии». Джон находит, что всегда есть обратный каскад: от малых завихрений – обратно к большим. Нестабильность не просто передается, дробясь, вниз по цепочке, она частично всегда возвращается обратно. В широком философском смысле эта ситуация может быть раскрыта в структуре мифа, для которого характерно сопричастие (партиципация по Л. Леви-Брюлю). Обращение к проблемам турбулентности необходимо автору, осмысляющему положение личности в современном мире, рассматривающему человеческую природу как социокультурную переменную и пытающегося интерпретировать существование индивидуальной реальности с другими вкрапленными в нее реальностями.

Ранний постмодерн 60-х говорит только об изменчивости (протеизме) как важнейшем качестве, о революционных (радикальных) изменениях как о необходимых. Но внутри синергетического подхода к миру постепенно все более актуализируется теория катастроф, волн, флуктуации, бриколажа. Любое действие отзывается неожиданно, так как волна не только дает импульс вперед, но и обязательно отзывается обратным движением. В романе речь идет о 60-х, применительно к которым особенно потребовалось осознание последствий бунта, сопротивления среде. В то время идеологи еще основывались на идее детерминированной логики социального движения, последующие события показали его непредсказуемость, бифуркационность. Вследствие этого возникает художественно осваиваемая У. Бойдом ситуация недетерминированности результатов социального действия.

В романе «Армадилло» (1990) эта идея дополняется выраженной идеей стремления личности к эстетической самоорганизации. Турбулентность и бифуркации, вызванные социальными катастрофами срединных десятилетий века, втягивают в свой процесс и судьбу героя романа, представленного в начале как Лоример Блэк. Ближайшая история его семьи начинается в 1941 году, когда Румыния аннексирует Бессарабию, переименованную в Транснистрию, и осуществляет принудительную депортацию десятков тысяч цыган, обреченных на дальнейшее уничтожение. Среди них оказывается юная Ребекка Петру, будущая прабабушка героя. Судьба ее, выжившей в мясорубке войны, связана с «массовым безрадостным переселением народов» в послевоенные годы. Пережив венгерское восстание 1956 года, Ребекка с дочерью оказывается в Англии, в Фулеме. Дочь выходит замуж за Богдана Блока, с которым уже пережиты вместе годы страданий и странствий.

Так начинается английская жизнь семьи, которая оказывается удачнее, чем у многих беглецов. Блокам удастся создать небольшой, но устой-

чивый бизнес. Вначале частью бизнеса было приготовление мясной пищи для иммигрантов, «тосковавших по вкусу настоящей еды». Символом полноценной жизни становится «телесная наполненность», где главным элементом является питание, изобилующее бефстрогановыми, гуляшами, копчеными окороками, etc. Все члены семьи вполне довольны своим социальным положением, зарабатывают на жизнь скромным трудом перевозчиков грузов. Блоки ассимилируются в английскую жизнь на уровне низшего слоя «среднего класса». В романе «Браззавиль-Бич» автор дает замечательное по точности определение этой модели существования: *bland suburban mulch* (мягкая окраинная мульча) [5, с. 45]. Лейтмотивом визитов главного героя романа в отчий дом являются купленные им в подарок продукты: в семье в чести основательное питание, мыльные оперы по телевизору, литры пива, поглощаемые в ближайшем пабе. Младшему Блоку в юношеском возрасте приходится дважды менять свои социальные позиции и в результате приобрести самую консервативную, по его мнению, из всех возможных профессию – страховое дело.

Несмотря на то, что Лоример Блэк родился в Англии в семье, уже успевшей адаптироваться к местной жизни, он явно ощущает потребность к более глубокой ассимиляции. Он работает над формированием своей личности и основывается на аксиоме: национальный английский стиль жизни, хранящий моральные ценности столетиями, оптимален и обеспечивает индивиду возможность социально и психологически устойчивого существования. Следует только найти свою роль и полностью раствориться в ней. Поиск жизненной модели определяется врожденным артистизмом личности героя. Открывают характеристику Лоримера Блэка в романе глаза, которые «жадны до красоты». Герою Бойда не чужда литература, он ведет дневник, в котором приводит подлинные имена писателей, известных миру под псевдонимами (тем самым оправдывая измену своему имени).

Отсылка к Жерару де Нервалю, как наиболее «близкому сердцу» Лоримера-Милорме (второе, подлинное, имя он меняет при обретении новой роли), сама по себе говорит о многом, хотя и мотивируется иронически. Чувство любви героя также формируется как тяготение к романтической таинственности увиденной им молодой женщины. Имя ее также эстетически привлекательно музыкальностью ритмического сочетания сонорных – *Flavia Malinervo* – и явной «итальянскостью» звучания.

Лейтмотивом образа Лоримера (в противовес «мясной теме» семьи) становятся живые цветы. В подробном описании ассортимента ближайшего торговца первой упоминается лилия: один из двух любимых цветов времен эстетизма. Герой не раз в романе покупает цветы белого цвета (тюльпаны, гвоздики, фрезии), однажды выбирает лимонно-желтые аранкулы и абрикосового цвета тюльпаны (вновь значимое напоминание уже о желтом цвете в смысле отношения к нему эстетов рубежа веков). К эсте-

тизму же отсылает и страсть Лоримера к коллекционированию древних шлемов, выписанная с элегантно-психологической точностью. В качестве специфически английской детали выступает обучение искусству одеваться. Правильное сочетание качества и цвета ткани костюма, моделей пиджаков и шляп, носков и обуви и десятки других деталей является важной чертой, отличающей рафинированного англичанина. Но, пожалуй, ни в одном английском романе читатель не встретит столь тщательно выполненных описаний полных комплексов одежды и аксессуаров в столь многих эпизодах романа. У Лоримера есть и наставник, выверяющий каждый элемент комплекса и оценивающий пригодность его к конкретной ситуации.

Следует согласиться с мнением: «Броненосец» – книга о людях, которые старались изо всех сил скрывать свои побуждения и тождества. Многие из характеров оставили свои названия, данные при рождении, как будто они были незавидной одеждой [7]. Смысл названия романа «Armadillo» так же неоднозначен, как и имена его действующих лиц. Буквально это слово означает «броненосец», что может быть понято, как явствует из эпитафии с отсылкой к 1577 году, испанское «armadillo», уменьшительное от *armado* – вооруженный человек, то есть буквально «маленький оруженосец» (лат. *armatus*, страд. прич. от *armare*). Иначе говоря, это «тот, кем носится броня».

Название оправдывается всем ходом романа, последовательно раскрывающим систему брони, защиты от окружающего мира, которую создает Лоример Блэк. Метафорический смысл приобретает собираемая им коллекция шлемов. Он приобрел первые из них, чтобы узнать, какие предметы скрываются за волшебными словами так давно устаревшего лексикона: саллет, бургонет, барбут (все это названия шлемов), латное оплечье, пулэн и поножи (список слишком велик, чтобы продолжать). Он испытывает наслаждение, прикасаясь к «древнему металлическому холоду», ощущая вкус прошедших столетий, любясь совершенством совмещения красоты и функциональности. И он продает имеющуюся коллекцию, чтобы купить один шлем, который завораживает своей древностью (ему почти три тысячи лет) и тем неуловимым, что может почувствовать только человек, «жадный до красоты» формы, содержания, вложенного историей, того странного, что называется «чувство прекрасного». Метафора шлема очевидна – маска (он и похож на средневековое домино), которую всегда носит человек, играя свои роли.

Стремление героя к осознанной модели поведения и стилю жизни, темы роли, маски находят выражение в последовательном стремлении автора к театральности. Идея театральности опирается на представления о жизни как некоем действе, организованном по законам социального, психологического или эстетического представления. На протяжении всего XX столетия театральность присуща в той или иной степени английскому роману.

Однако модусом романного жанра она становится в период, когда ни один из авторов не избегает влияния специфического постмодернистского мироощущения (называемого постмодернистской чувствительностью), сформировавшегося в 60-70-е годы. Это влияние проявляется и в тяготении к игре, которая присуща современным творцам в смысле особого адогматичного типа миропонимания, приводящего к специфическому методу создания литературного произведения.

Эпизоды романа построены как мизансцены. Сильное впечатление производит уже первая из них. Служащий страхового агентства отправляется на деловую встречу и обнаруживает повесившегося в своем офисе клиента. Казалось бы, конфликт заключается в том, что деловая встреча обернулась душевным потрясением при виде смерти. Однако на самом деле это потрясение запрограммировано самой системой деловых отношений, существующих в современном торгующем мире. Тогда «сценография» мизансцены – мрачная картина офиса дополняется видом сгоревшего склада манекенов для магазинов одежды, где пол покрыт «обожженными и оплавившимися голыми телами почти тысячи пластмассовых манекенов», – символична. Груды искореженных пластмассовых тел, так похожих на настоящие, – еще одна метафора, помогающая понять мир торгующей столицы. «Вид этой искалеченной, изуродованной «плоти» вызывает дрожь суррогатного отвращения и ужаса» [6, с. 10], становится объемным. Это символ искалеченных душ, одновременно страшный и суррогатный образ синтетической, неподлинной реальности. В романе сгорят одна гостиница, принадлежащая еще одному клиенту, машина, принадлежащая страховой фирме, и, в конечном счете, та форма бытия, к которой стремился герой.

Последующие мизансцены охватывают многие пласты общественной жизни Британии 80-х. Офисы деловых людей и их переговоры, приемы, которые устраивают значительные персоны в столице и старые аристократические семьи в провинции, бытовые сцены из жизни представителей среднего класса высокого и не очень уровня, жилище рок-музыканта, достигшего уровня звезды, и помещение киностудии, где снимается очередная штамповка, пабы и кафе. Все они объединены фигурой Лоримера Блэка, который играет свою роль «яппи». В конфликте каждой отдельной сцены герой выстраивает свою позицию, имея в виду ту систему ценностей, которая складывается в буржуазности XIX века, с высоким моральным чувством в основе. Он стремится стать полноценным лондонцем, представителем достаточно высокого уровня среднего класса. Он проник в самую суть столичной ментальности, сконструированной в его сознании из множества поглощенных им книг, спектаклей, архитектурных видов, мифологии Лондона. Он почти создал себе «квинтэссенцию уникального английского образа жизни». Лоример коллекционирует не только шлемы, но и

лондонские впечатления. В том числе создает воображаемый каталог лондонских кафе и ресторанов, часто с неожиданными оценками.

Образ Лондона становится столь важным для автора, что он создает самый «лондонский» из всех своих романов. О. О. Легг в своем диссертационном исследовании «Театральность как тип художественного мировосприятия в английской литературе XIX-XX вв.» дает продуктивное определение «театральности» как поэтологической (пространственной) характеристики применительно к романной структуре: «она возникает там, где в художественном мире произведения появляется своеобразная пространственная трехмерность: первый уровень: скрытое от зрителя закулисное пространство, где размещаются «механизмы управления спектаклем» и куда проецируются причины описываемых событий – это своеобразное пространство театральной режиссуры; второй уровень: литературная сцена, где главная фигура персонаж-актер, который, в некоторых случаях, сам режиссирует свое сценическое поведение. И наконец третий уровень – это зрительный зал как область эмпирической реальной действительности, но существующей обязательно в качестве своеобразного ”внутритекстового зрителя“» [3, с. 20].

Пока мы говорили о втором уровне этой конструкции – сцене, на которой актеры сами режиссируют свое поведение или думают, что сами. Механизмы управления спектакля в данном случае не абстрактные надличностные силы, а конкретные лица, подчиняющиеся законам рыночных отношений. Скрытое закулисное пространство находит свое отражение в сюжете романа, основанном на афере «значительных лиц», которые используют свое служебное положение для того, чтобы присвоить «значительные суммы». В качестве подставной жертвы, отвечающей за очевидную несостоятельность серии сделок, избирают Лоримера Блэка – прекрасногодушного и доверяющего «сильным мира сего» только потому, что они относятся к когорте «английских честных бизнесменов» (викторианско-форсайтовского стиля). Разочарование, испытанное им, заставляет отказаться от роли, которая была сразу не для него. В англоязычной журналистике не случайно сложился штамп *acquisitive uuppies* (жадные яппи) – они не могут быть другими. Герой мечтал об эстетизированной моралью честной службе. Разочарование столь велико, что он идет на раскрытие тайны журналистам, теряет при этом работу, рискует жизнью.

Английский режиссер Питер Брук свою книгу о театре «Пустое пространство» начинает со слов: «Любое, ничем не заполненное пространство, можно назвать пустой сценой. Человек движется в пространстве, кто-то смотрит на него, и этого уже достаточно, чтобы возникло театральное действие» [2, с. 5]. Специфика постмодернистской ситуации, провоцирующая модус театральности, заключается в том, что само социальное пространство становится «пустым». В нем нет организующего смыслового центра.

Есть рынок товаров, к которым не относятся как этические, так и эстетические категории. Эта освоенная социальным реализмом уже в XIX веке истина оказалась актуальной и в конце XX века с тем отличием, что играющие герои именно заполняют зияющие пустоты своими смыслами, создавая свои «самоорганизующиеся системы», свои модели повседневности.

Список литературы

1. Бажанова Р. К. Феномен артистизма в контексте современной культуры // *Фундаментальные проблемы культурологии: в 4 т. / отв. ред. Д. Л. Спивак.* — СПб.: Алетейя, 2008. — Т. II: Историческая культурология. — С. 274-282.
2. Брук П. Пустое пространство. — М.: Прогресс, 1976.
3. Легг О. О. Театральность как тип художественного мировосприятия в английской литературе XIX - XX вв.: дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2004.
4. Biswell A. William Boyd // *DLB.* — V. 231. — P. 30-42.
5. Boyd W. *Brazzaville Beach.* — L.: Sinclair-Stevenson Lim., 1990.
6. Boyd W. *Armadillo.* — L: Hamish Hamilton, 1998.
7. Taylor Y.Ch. *SALON.* — Oct. 13. — 1998.

Теория словаря в отечественных оригинальных концепциях конца XX-начала XXI веков

В статье представлен критический анализ оригинальных подходов ведущих отечественных лексикографов конца XX - начала XXI веков к разработке оптимальной модели толкового монолингвального словаря.

The article gives a critical analysis of the original approaches of modern leading Russian lexicographers towards the development of an optimal model of a monolingual dictionary.

Ключевые слова: классификация, лексикографическая параметризация, лексикография, лексикологический справочник, лексикология, социолексикография, словарь, слово, тип словаря, типологизация словарей.

Key words: dictionary, lexically oriented reference work, lexicographic parametrization, lexicography, lexicology, type of dictionary, typology of dictionaries, word.

Достаточно развернутое и вполне общепринятое в отечественном языкознании определение словаря представлено в статье в ЛЭС, составленной В. Г. Гаком, который трактует словарь как справочную книгу, которая включает в себя слова, а также морфемы, идиомы и словосочетания, которые расположены в определенном порядке (разном для различных типов словарей), раскрывает значения этих единиц, сопровождая их сведениями как о самих единицах, так и предметах, именуемых ими [7, с. 462]. Возможно, опираясь на приведенную дефиницию, А. С. Герд предложил более краткое, но весьма емкое определение словаря: «Словарь – это собрание единиц естественного или искусственного языка, обычно снабженных той или иной семантической информацией и расположенных в определенном порядке (чаще в алфавитном или идеографическом» [1, с. 202]. Однако здесь не отмечена характеристика словаря как источника дополнительной информации об описываемых в нем единицах и лежащих за ними фрагментах действительности, которая содержится в определении В. Г. Гака.

В связи с этим следует отметить, что названная характеристика словаря акцентирована в трактовке данного понятия Н. Г. Карауловым. Исследователь подчеркивает, что словарь представляет собой удобную форму обобщения и фиксации знаний как обо всех языковых единицах в их ста-

тике и динамике, ретроспективе и перспективе, так и о «картине мира» во всем ее многообразии. Это свидетельствует о том, что первоначальное представление о словаре как произведении, в котором регистрируются слова и трактуются их значения, размывается, что косвенно объясняет известные несовершенства существующих словарных типологий [6, с. 140-141].

Вместе с тем, словарь может также представляться и в других терминах, поскольку он одновременно выступает в качестве не только объекта практики лексикографии, или, шире, лексикографической деятельности (семантическая инвентаризация языка или подязыка), но и предмета изучения в теории лексикографии. Словари предназначены как для лингвистических, так и для экстралингвистических целей. Исходя из этой мысли, лексикография в самом широком понимании охватывает все множество, или совокупность инвентарей языковых единиц вместе с информацией, которая им приписана посредством инвентаризации семантических фактов, или составлением известного набора семантических инвентарей – словарей. Семантический инвентарь – это упорядоченный известным образом перечень всех семантических объектов, относящихся к определенному классу и зарегистрированных с заданной точностью и эксплицитностью посредством данного метаязыка, и характеризующийся однородностью фиксируемых объектов, полнотой их охвата, равномерностью степени их описания, одинаковой различимостью с помощью метаязыка их описания [2, с. 5, 7, 9, 12-14]. Еще в одном терминологическом определении словарь как справочник, содержащий систематизированные определенным образом языковые единицы и сведения о них, представляет собой произведение национальной культуры и достижение науки на определенном этапе развития данного общества, фиксируя уровень развития производства, а также философской, религиозной, политической и научно-технической мысли того этноса, который является носителем регистрируемого в словаре языка, и выступает в качестве вектора идеологии общества и социального института, регламентирующего словоупотребление и жизнь этого языка в пределах принятой языковой нормы, будучи справочником по культуре речи [5, с. 16-17, 19, 125].

Словарь может также рассматриваться в качестве особого текста, создание которого представляет собой определенный процесс оформления известной мысли или целого комплекса мыслей как идеальных сущностей, который происходит в три дискретных этапа: (1) мысль / комплекс мыслей \Rightarrow (2) слово как объект лексикографического описания \Rightarrow (3) словарь как комплекс вербальных и невербальных знаков, воплощенных в виде книги или в электронной форме [3, с. 272]. Более того, в продолжение изложенной выше идеи, словарь может также трактоваться как собрание автономных интертекстовых единиц – словарных статей, где интертекст понимается как «совокупность инвариантных признаков, выделение кото-

рых позволяет установить отношения деривационной общности между сегментами содержательной структуры разных текстов (их фрагментов, представителей)» [9, с. 580].

Подводя итог изложенному, можно выделить следующие наиболее существенные признаки словаря как особого лингвистического феномена:

1) в аспекте терминообозначения словарь – это справочная книга, собрание языковых единиц, форма обобщения и фиксации знаний обо всех языковых единицах, совокупность инвентарей языковых единиц, произведение национальной культуры и достижение науки, особый текст как комплекс вербальных и невербальных знаков, собрание автономных интертекстовых единиц;

2) в аспекте содержания того понятия, которое обозначается перечисленными выше терминами, словарь содержит все типы языковых единиц – морфемы, слова, фразеологизмы, паремии, которые расположены в определенном порядке и снабжены семантической информацией как о самих себе, так и о лежащих за ними фрагментах действительности, обобщая и фиксируя, тем самым, знания о «картине мира» в системе семантических инвентарей, представляющих сведения о философской, религиозной, политической и научно-технической мысли соответствующего этноса, выступая вектором идеологии общества и в качестве социального института, который призван регламентировать жизнь этого языка и оформлять комплексы мыслей в форме текста как результата процесса интертекстуальной деривации словарных статей.

В зарубежной лингвистике кроме общепринятого термина «dictionary» отмечен также более широкий термин «lexically oriented reference work» (LORW), который примерно соответствует русскому термину «лексикографический справочник». LORW призван: «[to] give relevant information about lexically relevant units», где последние, обозначаемые также аббревиатурой LRUs, «are each a combination of *form* (written or spoken) and *CONTENT* (intralinguistic meaning and use; extralinguistic reference). The forms that represent them may be single words (*lexicography, the, Mary*), sub-word units (*-y*), supra-word units combining parts of more than one word (*can't, brunch, B.A.*), or super-word units containing more than one complete word (*cannot, information science, Robin Hood, take heart, take off, How do you do?, Look before you leap, want someone to do something*) – either actually attested as lexical units of the language, or made up to name a notion or exemplify a problem such as the use of *want*» [10, с. 330-331]. Данная трактовка практически объединяет все суммированные выше существенные дифференциальные признаки словаря как лингвистического феномена.

Все представленное выше позволяет перейти к понятию «тип словаря». Очевидно, что типологизация словарей, как и любых других языковых и лингвистических феноменов, должна строиться на сумме их существен-

ных дифференциальных характеристик, формирующих тип словаря, которые, однако, не следует отождествлять с наименованиями самих словарей, хотя такие наименования и могут отражать характеристику словаря или целый ряд его свойств. В этом плане весьма значимы подходы следующих известных теоретиков и практиков современной лексикографии – Ю. Н. Караулова, Б. Ю. Городецкого, А. С. Герда и В. В. Дубичинского и В. В. Морковкина.

Из общелекسیкографического подхода Ю. Н. Караулова к трактовке типа словаря наиболее значимы следующие теоретические позиции, которые мы излагаем в принятом нами логическом порядке [6, с. 142-143, 146, 151-153].

Содержание понятия «тип словаря» нуждается в уточнении, поскольку, во-первых, само понятие словаря также достаточно размыто, и, во-вторых, не вполне ясна та доминантная характеристика словаря, на основании которой следует определять тип словаря. Более того, в большинстве существующих типологий словарей эта доминантная типологизирующая характеристика, как правило, совпадает с названиями словарей в данной их классификации. Другими словами, многие предложенные типологии словарей в большой степени представляют собой не что иное, как типологию названий этих словарей. При этом очевидно, что информация, содержащаяся в словарях разных типов, частично накладывается или пересекается, и зоны пересечения лексикографической информации в разнотиповых словарях могут быть весьма значительными, что затрудняет их типологизацию. Все это делает правомерным вопрос о «минимальной единице языковой информации», или о «парамetre языковой структуры», или о «лексикографическом параметре», которые должны находить свое отражение в словаре. Решение этого вопроса позволит провести лексикографическую параметризацию языка и, в связи с этим, подвести содержательную основу под типологию словарей на «исчислении лексикографических возможностей» словаря, что реализуется в понимании типа словаря как сочетания его определенных лексикографических параметров. Тогда можно посредством таких приемов, как «морфологический ящик» и «матрица открытия», конструировать новые типы словарей, отбирая из всей системы установленных лексикографических параметров ту их совокупность, которая будет наиболее оптимально соответствовать заранее заданным целевым установкам словаря.

Для решения этих проблем целесообразно исходить из определения лексикографического параметра как кванта лексикографической информации, выступающего в сочетании с другими информационными квантами (лексикографическими параметрами), обладающего значением, глубиной раскрытия, способом своего задания и получающего специфическое выражение в словаре. Здесь в центростремительном плане возможно соединение всех выявленных самостоятельных лексикографических параметров

для создания одного универсального словаря данного языка; в центробежном плане – построение словарей языка только на основе одного параметра.

Для лексикографической параметризации языка предлагается свод из 65 возможных параметров, на основе которых можно создать универсальный словарь русского языка, из которых для этносоциолексикографии наиболее релевантны следующие: язык, вход в словарь (алфавитный, смысловой и др.), хронологический, орфографический, ударение, произношение, часть речи, число, степени сравнения прилагательных, вид глагола, переходность, управление, залог, прочие наклонения, прошедшее время, морфологическое членение слова, словообразовательный, аббревиатуры, многозначность-однозначность, семантема (семантический эквивалент, дефиниция), ареальный, синтагматический (свободная сочетаемость) и фразеологический (несвободная сочетаемость), лексическая сочетаемость, иллюстративный, стилистический, эмоционально-оценочный, нормативный (параметр допустимой вариативности), статистический (частотность), лингвоисторический (история слова), лингвострановедческий (этнокультурно-исторический), ономастический, терминологический, этимологический (генетический), заимствованность, синонимический, антонимический, паронимический, ассоциативный, семантическое поле, тематическая группа, библиографический (указание исследований о данном слове), лексикографический (указание словарей, содержащих информацию о данном слове) параметры.

В этом подходе для социолексикографии и этносоциолексикографии важны все позиции, однако наиболее значимым выступает следующее положение: основа типологии словарей должна покоиться на исчислении лексикографических возможностей словаря, что реализуется в понимании типа словаря как сочетания его определенных лексикографических параметров, где лексикографический параметр – это квант лексикографической информации, получающий специфическое выражение в словаре. Это составляет возможность как создавать новые типы словарей, так и находить им место в классификациях.

К позиции Ю. Н. Караулова, в известной мере, примыкает мнение Б. Ю. Городецкого, который отмечает необходимость разработки целостной системы требований к словарю и возможности их исчисления, что может послужить основой для классификации словарей. При этом диапазон такой словарной информации должен выходить за рамки дефиниции как ядра словарной информации и охватывать все системно-языковые, понятийно-логические и сопоставительно-типологические сведения о слове. В связи с этим и в рамках рассмотренного нами выше определения словаря, данного Б. Ю. Городецким, автор предлагает ряд типологических признаков, которые характеризуют представленную в словарях информацию и намечают решение проблемы обоснованности этой лексикографической информации. Изложим их в принятом нами логическом формате: 1) тип

информации о единице словарного описания: а) только формальная; б) формальная и семантическая; 2) тип семантической инвентаризации языка, отражаемый в словаре: А) информация морфосемантического уровня: а) в парадигматическом аспекте, б) в синтагматическом аспекте; Б) информация лексико-семантического уровня: а) в парадигматическом аспекте, б) в синтагматическом аспекте; 3) словарь: а) нормативный, б) описательный; 4) хронологический период, охватываемый словарем; 5) вид отражаемой в словаре языковой формы: а) весь язык в целом, б) отдельный социально-территориальный подязык или подязыки; 6) степень охвата лексической системы языка или подязыка; 7) тип и объем грамматической информации, подаваемой регистрируемыми языковыми единицам; 8) типы стилистических помет, используемых в словаре; 9) типы толкований, применяемых в словаре: а) определения, б) дефиниции; 10) наличие или отсутствие энциклопедической информации в словаре; 11) наличие или отсутствие объяснений мотивированности фиксируемой единицы; 12) степень учета семантических отношений; 13) наличие или отсутствие примеров, иллюстрирующих реализацию описываемых единиц в контексте; 14) наличие или отсутствие указания о происхождении и истории развития языковых единиц; 15) наличие или отсутствие статистических данных о функционировании единиц и их значений; 16) порядок расположения языковых единиц в корпусе словаря: а) по формальному принципу, б) по семантическому принципу; 17) наличие или отсутствие указателей в словаре; 18) наличие или отсутствие металингвистической информации в словаре (история изучения данной единицы, ее разнообразные трактовки); 19) наличие или отсутствие генетических сведений о языковых единицах [2, с. 6-7].

Б. Ю. Городецкий не сформулировал определение понятия «тип словаря», тем не менее, его идеи, особенно очерченные им типологические признаки словарей, также весьма важны для социолексикографии и этносоциолексикографии. Вместе с тем, следует отметить, что здесь наиболее значимым выступает следующее положение: типологизация словарей должна строиться на сумме всех системно-языковых, понятийно-логических и сопоставительно-типологических сведений о слове, которые находят свое отражение в соответствующем словаре.

В основу понятия типа словаря можно положить, по мнению В. В. Дубчинского, характер и объем представленного в нем языкового материала, цели и способы его лексикографического описания. В связи с этим автор предлагает следующее определение лексикографического параметра – это «способ (принцип) словарного описания лексической единицы; особое словарное представление структурных черт языка»; или в более развернутой формулировке: «способ лексикографической интерпретации того или иного структурного элемента или функционального явления языка и их экстралингвистических соответствий». Развивая свою мысль, уче-

ный отмечает, что проблема лексикографических параметров прямо связана с проблематикой лексикографических универсалий, поскольку комплексы лексикографических параметров олицетворяют, в известной степени, сам универсальный способ регистрации и описания в словаре языковых единиц. В этой связи лексикограф предлагает, вслед за Г. Н. Склярёвской, разграничивать все лексикографические или словарные параметры на теоретические, или концептуальные, и эмпирические, или прагматические. Теоретические лексикографические параметры представлены объектом описания, типологическими признаками словаря, его местом в системе словарей и отражают ту концепцию, на основе которой словари созданы и построены. Эмпирические лексикографические параметры, как реализация теоретических параметров, обуславливаются последними и формируют собственно текст словаря; они охватывают адресат словаря, обоснование его словника, хронологические рамки текстов, нормирование эмпирической базы, ее источники, функциональные и стилистические квалификации, принципы иллюстрирования, объем семантической информации, структуру словаря и др. [4, с. 64; 6, с. 33].

В. В. Дубичинский также не сформулировал определение понятия «тип словаря». Однако его идея положить в основу понятия типа словаря характер и объем представленного в нем языкового материала, цели и способы его лексикографического описания, осуществляемые, как нам видится, также посредством лексикографического параметра как способа лексикографической интерпретации известного структурного элемента или экстралингвистического факта языкового функционирования, и последующее соотнесение параметров с лексикографическими универсалиями, позволяющее разграничивать все лексикографические параметры на концептуальные и прагматические, представляет собой весьма существенное дополнение к идеям о типологизации словарей, высказанным Ю. Н. Карауловым и Б. Ю. Городецким.

В своей трактовке понятия «тип словаря» А. С. Герд исходит из следующих недискутируемых, как он выразился, постулатов: 1) словари разграничиваются на филологические, описывающие слова и другие элементы данной языковой системы, и энциклопедические, описывающие предметы и понятия, обозначаемые словами и другими языковыми единицами; 2) единицами лексикографического описания в словаре могут быть слова-морфемы, отдельные слова, словосочетания, сокращения слов и словосочетаний и предложения; 3) единицы словарного описания снабжаются известной семантической информацией, которая может быть представлена эксплицитно в форме определений и имплицитно в тезаурусах, конкордансах и т.п.; 4) исключение одного из названных постулатов ведет к отчислению из класса словарей соответствующих словарей обоих названных выше типов. На этой основе автор выделяет следующие 11 признаков словарного типа: 1) «достаточно простая и четкая, наглядная обозримая общая струк-

тура, строгость подачи разных признаков, параметров, аспектов описания параметризации; потенциальная обратимость данных даже в книжной форме: наличие ряда входов в текст словаря; 3) структура словарных статей, многообразие форм и видов подачи данных о слове (объекте); лаконизм метаязыка; 4) возможность оперировать одновременно разными данными в рамках одной книги; 5) возможность избирательного обращения к отдельным параметрам без детального вхождения в весь текст словаря; 6) высокая степень формализации всей структуры, что облегчает перенос словаря на ЭВМ; 7) системность, тип словарной классификации материала; словарь – это сочетание макроструктуры и микроструктуры; 8) обилие энциклопедической информации в компрессированной форме; 9) многообразие самих параметров описания; 10) возможность показа разных типов связей между фактами, объектами; 11) свобода словника» [1, с. 201-202]. В связи с этим, ученый видит специфику словаря как типа представления данных в его структуре и метаязыке, не в самой характеристике описываемой единицы, а в том, как эта характеристика подается в книге, называемой словарем, то есть в разных типах словарей. В своем подходе А. С. Герд также не сформулировал четко определение понятия «тип словаря», однако учет выделенных им 11 признаков словарного типа, структуры словаря, его метаязыка, а также способа описания языковой единицы существенно дополняют понимание словарного типа.

К трактовке А. С. Герда близко примыкает предложенное В. В. Морковкиным основание жанрово-типологической классификации словарей, которое показывает специфику описания материала в словаре и предполагает учет следующих 8 признаков словарного типа: 1) общей целевой установки лексикографирования, его превалирующей ориентации – (а) преимущественно лингвоцентрические словари и (б) преимущественно антропоцентрические словари; 2) меры аспектного разнообразия регистрируемой в словаре информации – (а) полиаспектные словари (например, толковые) и (б) аспектные словари (например, синонимические); 3) способов обнаружения или подачи информации – (а) объяснительные словари (например, одноязычные толковые) и (б) демонстрирующие словари (например, идеографические); 4) вида речевой деятельности, который обеспечивается словарем или на который нацелен словарь – (а) словари рецептивного (пассивного) типа, (б) словари продуктивного (активного) типа, (в) словари рецептивно-продуктивного типа; 5) меры показа истории описываемых в словаре языковых единиц – (а) диахронические и (б) синхронические словари; 6) характера расположения или подачи единиц в словаре – (а) формально упорядоченные словари (алфавитные – прямые и обратные), (б) содержательно упорядоченные словари (идеографические и гнездовые); 7) способа существования словаря – (а) автономные словари (изданные отдельной книгой) и (б) включенные словари (расчлененные и нерасчлененные в тексте печатного издания); 8) отношения к другим сред-

ствам обучения – (а) независимые и (б) инкорпорированные учебные словари [8, с. 33-36].

В своем подходе В. В. Морковкин также не дал прямого определения понятия «тип словаря», однако предложенные им 8 признаков словарного типа весьма существенно дополняют понимание словарного типа.

Завершая анализ трактовок понятия «тип словаря», можно признать правомерность построения определения этого понятия на основе принимаемого нами уточненного выше понятия «лексикографический параметр» и «признак словарного типа» и рассматривать тип словаря как совокупность ведущих лексикографических параметров, выступающих в качестве дифференциальных признаков конкретного словаря, которым этот словарь в полной мере отвечает.

Ряд этих параметров весьма значительный, но конечный и исчислимый. Создание полного перечня лексикографических параметров для формирования универсального словаря литературного языка – это задача специального исследования в области теории общей лексикографии, в теории и практике социолексикографии и этносоциолексикографии.

Список литературы

1. Герд А. С. К определению понятия «словарь» // Проблемы лексикографии: Сб. ст. / под ред. А. С. Герда и В. Н. Сергеева. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. – С. 191-203.
2. Городецкий Б. Ю. Проблемы и методы современной лексикографии // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1983. – Вып. XIV. Проблемы и методы лексикографии. – С. 5-22.
3. Григорович Л. Современное состояние и тенденции развития учебной лексикографии // Грани слова: Сборник научных статей к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. – М.: Элпис, 2005. – С. 265-274.
4. Дубичинский В. В. Искусство создания словарей: Конспекты по лексикографии. – Харьков: ХПУ, 1994.
5. Дубичинский В. В. Теоретическая и прикладная лексикография. – Вена; Харьков: Gesellschaft für Förderung slawistischer Studien, 1998.
6. Караулов Ю. Н. Об одной тенденции в современной лексикографической практике // Русский язык. Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. Виноградовские чтения. IX-X. – М.: Наука, 1981. – С. 135-153.
7. ЛЭС = Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002.
8. Морковкин В. В. Основы теории учебной лексикографии: дисс. ...д-ра филол. наук. – М., 1990.
9. Сидоренко К. П. Интертекст в жаргонографии // Слово в словаре и дискурсе: Сб. научн. ст. к 50-летию Харри Вальтера. – М.: Элпис, 2006. – С. 580-583.
10. International Encyclopedia of Linguistics / William Bright (Ed. in Chief). – New York: Oxford University Press, 1992. – XVI. – Vol. 1.

Заемствования как источник обогащения французской экологической терминологии

В статье рассматривается определение понятия заимствования с точки зрения современной лингвистики. Традиционная классификация заимствований дополнена автором терминологическим типом заимствования. Раскрывается понятие ассимиляции. Степень освоения заимствований рассматривается на примере терминов экологии французского языка.

The article examines definitions of the concept of adoption. The traditional classification of loanwords is supplemented by the type of terminological loan. The author develops the concept of assimilation and the classification of the ways of assimilation of foreign-language terms. The adoption is considered as an example of environmental terms of French.

Ключевые слова: экологический термин, терминосистема экологии, французский язык, заимствование, фонетическая ассимиляция, грамматическая ассимиляция, семантическая ассимиляция.

Key words: environmental term, environmental term system, the French language, adoption, assimilation of foreign-language terms, phonetic assimilation, grammatical assimilation, semantic assimilation.

Как и любая другая система, терминосистема экологии находится в непрерывном развитии: одни термины исчезают (вместе с обозначаемым ими понятием или с появлением нового обозначения для него), возникают новые термины, изменяется значение уже существующих. Одним из источников новых терминов является заимствование. В данной статье мы рассмотрим особенности и закономерности данного процесса на примере французской экологической терминологии.

Терминология экологии представляет значительный интерес для исследования, обоснованный объективными причинами. Стремительное развитие науки и техники в XIX-XXI столетиях, научно-технический прогресс привели к нарушению экологического равновесия, естественных явлений и процессов на планете. Сегодня загрязнение окружающей среды превратилось в глобальную проблему. С появлением новых процессов, явлений и средств воздействия на них создаются новые термины для их номинации. В связи с этим в настоящее время можно говорить о существовании экологической терминологии как составляющей любого современного языка.

Экология – наука об отношениях растительных и животных организмов и образуемых ими сообществ между собой и с окружающей средой.

По определению К. Ю. Симоновой, «экологическая терминология – список специальных слов, необходимых для описания понятий науки, необычайно быстро развивающейся в настоящее время, – экологии» [14, с. 161]. Знания в области экологической терминологии необходимы для достаточно глубокого изучения проблем охраны окружающей среды. Методология исследования таких сложных образований, как экосистема, повлекла за собой сближение в рамках экологических исследований естественнонаучных и гуманитарных наук, а также фундаментальной и прикладной научной деятельности. В результате, к концу XX – началу XXI века экология трансформировалась в комплексную науку, объединяющую несколько десятков разделов и направлений [16, с. 53]. Так, франкоязычная терминосистема экологии сформировалась на пересечении терминосистем всех объединенных ею наук. Параллельно в процессе функционирования экологической науки создаются и собственные термины. В своей совокупности они и составляют достаточно разработанную экологическую терминологию французского языка.

Благодаря развитым международным контактам, и, в частности, общему влиянию английского языка на развитие международной терминологии, состав французской экологической терминологии в значительной мере пополняется за счет заимствованных терминов.

Сам термин «заимствование» получает различные определения в работах лингвистов, среди которых нет единого мнения о том, следует ли понимать под данным термином процесс заимствования или его результат. Так, Л. Д. Крысин высказал мнение о том, что заимствование – это «процесс перемещения различных элементов из одного языка в другой» [8, с. 108]. Под различными элементами исследователь понимает единицы фонологии, морфологии, синтаксиса, лексики, семантики.

О. С. Ахманова рассматривает заимствование и как процесс обогащения словаря лексическими единицами из других языков для обозначения новых понятий и дифференциации уже имеющихся и как результат этого процесса, выраженный в виде слов, словообразовательных аффиксов и конструкций [1, с. 150-151]. По мнению С. В. Семчинского, заимствованием является элемент иноязычного происхождения на любом уровне языка [13, с. 27]. Д. Э. Розенталь утверждает, что заимствование представляет собой воспроизведение фонетическими и морфологическими средствами одного языка морфем, слов или словосочетаний другого языка [12, с. 131].

В нашем исследовании мы будем придерживаться определения, предложенного О. С. Ахмановой, а, следовательно, рассматривать заимствование не только как процесс, но и как результат этого процесса.

В работах, посвященных языковым контактам, представлены различные классификации заимствований. Так, выделяют лексическое, морфематическое и словообразовательное заимствование [3 с. 106]; материальное (заимствуется содержание, значение, звучание, написание) заимствование

и калькирование [9, с. 256]; заимствование целиком, семантический сдвиг (калькирование), заимствование слов с грамматическими значениями, заимствование аффиксов [4, с. 159].

Мы считаем необходимым добавить к данным классификациям еще один вид заимствования – заимствование терминологическое. Процесс заимствования терминов – сложное и многостороннее явление, оказывающее влияние на развитие и функционирование терминосистем. Проникновение иноязычных терминов в экологическую терминологию французского языка осуществляется преимущественно письменным способом. В процессе употребления заимствованные термины не остаются неизменными. Осуществив анализ данных из лексикографических источников [17; 18; 19; 20], мы установили, что процесс вхождения заимствования в терминосистему экологии идет по пути ассимиляции или освоения заимствованных лексем. В лингвистике понятие ассимиляции трактуется по-разному. Так, выделяют ассимиляцию как освоение лексики по четырем направлениям: фонетическому, графическому, грамматическому и лексическому.

В. И. Кодухов утверждает, что ассимиляция представляет собой фонетическую и морфологическую субституцию, в результате которой «образуется новое значение слова и его фонетико-морфологическая форма. При этом слово теряет индивидуальность, путь возникновения» [6, с. 223, 224].

А. А. Реформатский под ассимиляцией понимает подчинение иностранных заимствований строю заимствующего языка: грамматическому и фонетическому [11, с. 139]. Выявлены следующие виды ассимиляции.

1. Фонетическая ассимиляция. Под фонетической ассимиляцией понимается обычно освоение звуков одного языка звуками другого. Кроме того, некоторые исследователи [2; 9; 10] выделяют особый вид ассимиляции – перенос закономерностей ударения, характерных для родного языка, на иностранные слова. Такой вид ассимиляции можно наблюдать во французском языке, где место ударения фиксировано, вследствие чего происходит перемещение ударения в иноязычных словах, при этом нередко редукция финальной гласной: se^lective (angl) → sélec^tive (fr); ^blizzard (anglaméricain) → bli^zzard (fr); smog (angl) → smog (fr).

По мнению Ю. С. Маслова, при фонетической ассимиляции происходит замена фонем чужого языка фонемами родного, наиболее близкими по слуховому впечатлению. Так, при заимствовании из английского языка во французский дифтонги передаются сочетанием букв и не дифференцируются при произношении: todrain(angl) [ei] → drainage (fr) [ε]. Происходит смягчение согласных: biodegradable [-l] (angl) → biodégradable [-l'] (fr).

2. Морфологическая ассимиляция. Заимствованное слово включается в морфологическую систему заимствующего языка, получая соответствующие грамматические категории [7, с. 30]. Результатом заимствования в морфологии является ее упрощение [5, с. 292].

При заимствовании экологических терминов из различных языков во французский нами были выявлены следующие закономерности:

1) слова могут изменять свой род: *mari* – ср.р (germanique) → *marais* – м.р. (fr); *putte* – ж.р. (anc. hautallemand) → *puits* – м.р. (fr);

2) отбрасываются иноязычные окончания: *a-biôtikos* (grec) → *abiotique* (fr); *anthropikos* (grec) → *anthropique* (fr); *marisk* (francique) → *marais* (fr); *sumbiôsis*(grec) → *symbiose* (fr);

3) появляются окончания: *al-qâly*(arabe) → *alcalin* (fr);

4) могут присоединяться французские суффиксы: *compost* (anglo-normand) → *compostage* (fr).

3. Семантическая ассимиляция. Под семантической ассимиляцией обычно понимают усвоение иноязычного слова путем его включения в лексическую систему [7, с. 30]. Заимствуемое слово включается в систему семантических связей и противопоставлений заимствующего языка, входит в то или иное семантическое поле [9, с. 259]. В процессе заимствования заменяется семантическое значение термина. Чаще всего, иноязычный термин заимствуется в одном из своих значений, реже в двух (совсем редко в трех) значениях. Так, *pesticide* (пестицидный; направленный на борьбу с вредителями), *écosystème* (экологическая система), *blizzard* (снежная буря, пурга) перешли из английского во французский язык, сохранив свое исходное значение.

Для французской экологической терминологии характерно сохранение неизменным значения заимствованного слова при семантической ассимиляции. С одной стороны, это связано с аналитическим типом французского языка, который выражается, в частности, в том, что прямое и переносное значения по форме в принципе не отличаются друг от друга, а выражаются одним и тем же словом. С другой стороны, распространенность конверсии или перехода слов из одной части речи в другую также способствует многозначности. Эти фундаментальные свойства французской лексики благоприятствуют закреплению заимствований во французской экологической терминологии.

Ряд заимствований, полностью изменённых, скрывается под лингвистическими кальками, и их не всегда легко обнаружить. Обычно, когда в двух языках встречаются два довольно характерных и в тоже время одинаковых образования, можно быть уверенным, что одно из них было скопировано с другого: *management of life cycle* (anglais) → *gestion du cycle devie* (fr).

По причине того, что адаптация к нормам заимствующего языка является сложным лингвистическим процессом, степень ассимиляции терминов оценивается по-разному. Некоторые заимствования ассимилируются в такой степени, что их иноязычное происхождение вскрывает только этимологический анализ: *amélioration* (l'anc. franç), *planification intégrées des ressources* (l'Unionsoviétique, *deplanifier*), *atmosphère* (grec).

Некоторые слова, заимствованные французским языком относительно недавно (неологизмы), по причине использования в узком кругу считаются не до конца освоенными заимствованиями. Так, например, в экологической терминологии французского языка встречается использование двух терминов (исконного французского и заимствования из английского языка) для обозначения одного понятия. При этом в словаре дается примечание, согласно которому заимствованный эквивалент употребляется только в узком кругу (с пометкой «Termenonretenu») и не вводится в терминологическую систему французского языка. Например, в этимологическом словаре французского языка [19] находим несколько подобных примеров с пояснениями.

<p>écoefficacité n. f. Quasi-synonyme: écoefficience n. f. Terme anglais: eco-efficiency</p>	<p>L'emprunt à l'anglais <i>efficiency</i> est d'abord un terme de gestion qui désigne le rapport entre les résultats obtenus et les ressources utilisées pour les atteindre, alors qu'<i>efficacité</i> désigne le rapport entre les résultats obtenus et les objectifs fixés. Certains perçoivent <i>écoefficience</i> comme rendant mieux la notion d'« <i>écoefficacité</i> » puisqu'il voudrait dire « obtenir le même rendement mais en entraînant moins d'atteintes pour l'environnement ». Toutefois, sur le plan strictement linguistique, il peut très bien commuter avec le terme <i>écoefficacité</i>, sans qu'on y voie une distinction. Il demeure que c'est le terme <i>écoefficacité</i> qui est le plus facilement et largement compréhensible, et le plus diffusé.</p>
<p>efficacité énergétique n. f. Quasi-synonyme: <i>efficiency</i> énergétique n. f. Terme anglais: <i>energy efficiency</i></p>	<p>L'emprunt à l'anglais <i>efficiency</i> est d'abord un terme de gestion qui désigne le rapport entre les résultats obtenus et les ressources utilisées pour les atteindre. On le rencontre aussi associé au qualificatif <i>énergétique</i> (<i>efficiency énergétique</i>) et certains le perçoivent même comme rendant mieux la notion d'« <i>efficacité</i> Vocabulaire du développement durable <i>énergétique</i> » puisqu'il voudrait dire « obtenir le même rendement mais en utilisant moins d'énergie ». Toutefois, sur le plan strictement linguistique, il peut très bien commuter avec le terme <i>efficacité</i>, sans qu'on y voie une distinction. Il demeure que c'est le terme <i>efficacité énergétique</i> qui est le plus facilement et largement compréhensible et le plus diffusé.</p>
<p>environnementaliste n. m. ou f. Terme anglais: <i>environmentalist</i></p>	<p>1. Dans la langue courante, <i>environnementaliste</i> et <i>écologiste</i> sont la plupart du temps employés comme des synonymes. Les distinctions entre les deux concepts ne sont pas faciles à cerner avec précision. On peut dire cependant que, d'une manière générale, l'<i>écologiste</i> propose des solutions plus radicales pour contrer les effets néfastes du développement socioéconomique sur l'environnement naturel, tandis que l'<i>environnementaliste</i> se veut plus conciliant. 2. Le terme <i>environnementaliste</i> dérive du terme <i>environnement</i> (lui-même un emprunt sémantique à l'anglais), probablement sous l'influence de l'anglais <i>environmentalist</i>.</p>
<p>étiquette écologique n.f.</p>	<p>Les termes <i>label écologique</i> et <i>écolabel</i> n'ont pas été retenus puisque <i>label</i> est un emprunt à l'anglais qui ne comble aucune</p>

Termes non retenus: écolabel label écologique Terme anglais: ecolabel	lacune lexicale en français. Ce terme est toutefois légitimé en français européen, comme l'indique sa forte présence dans la documentation. En outre, l'Union européenne a adopté un règlement instituant une étiquette écologique officielle portant le nom d'« Écolabel européen».
gestion du cycle de vie n. f. Terme non retenu: management du cycle de vie Terme anglais: life cycle management	Le terme management du cycle de vie, bien qu'il soit souvent employé en France, n'a pas été retenu puisque management est un emprunt intégral à l'anglais qui ne comble aucune lacune lexicale en français.
gestion du risque n. f. Termes non retenus: management des risques, management du risque Terme anglais: risk management	Bien que le terme anglais management ait été adopté par l'Académie française avec une prononciation francisée, l'Office québécois de la langue française ne recommande pas l'emploi de cet emprunt intégral à l'anglais qui n'ajoute rien de plus que les termes gestion et administration. C'est pourquoi les dérivés management des risques et management du risque n'ont pas été retenus.

Зачастую подобные дублеты используются на том основании, что они широко употребляются в других странах (Великобритания, Канада, США). Вместе с тем распространенность этих терминов среди специалистов еще не означает того, что они стали частью терминосистемы экологии французского языка.

Изученный материал также показал, что термины-заимствования проникают во французскую экологическую терминологию через публицистическую и научно-техническую периодику. В художественной литературе они употребляются крайне редко. Введение новых терминов не носит массового характера. До момента полной ассимиляции во французском языке (или в случае неполной ассимиляции) заимствования маркируются словарями как «несвойственные для употребления», а также объясняются различными способами: в самом тексте или в сносках, при помощи схемы, рисунка, чертежа, выделяются курсивом, заключаются в кавычки, скобки и т.д.

Большинство терминов экологии проникли во французский язык настолько давно, что их ассимиляция в языке-реципиенте на сегодняшний день может считаться полной. Обычно такие термины встречаются в научно-технических статьях экологической тематики. Часть из них употребляется в языке прессы, так как представляет собой интернационализмы, которые также входят в общеупотребительную лексику (tsunami, écosystème, atmosphère, pesticide, smog).

На современном этапе развития экологической науки проникновение заимствований в экологическую терминологию французского языка обусловлено, прежде всего, прогрессом в этой области знания в той или иной стране. Новые явления, открываемые или создаваемые искусственным пу-

тем, получают название, закрепляются в языке-источнике и затем только заимствуются французским языком.

Надо отметить, что процесс освоения иноязычного термина продолжается довольно долго. Степень освоения заимствований зависит от различных факторов: генетическое родство заимствующего языка и языка источника, типологическая структура; частота использования лексической единицы; продолжительность активности заимствованного слова.

Заимствованные слова в том случае входят в экологическую терминологию французского языка, если наряду с формальным освоением приобретают независимую семантику. Лексическое освоение охватывает все стороны лексического развития заимствованных терминов, а терминосистема экологии французского языка обуславливает сферу их употребления.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энциклопедия, 1976.
2. Блумфильд Л. Язык. – М.: Прогресс, 1968.
3. Головин Б. Н. Введение в языкознание. – М.: Высш. школа, 1973.
4. Добродомов И. Заимствование // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 158-159.
5. Климов Г. А. Языковые контакты // Общее языкознание: формы существования, функции, история языка. – М.: Наука, 1970. – С. 292-303.
6. Кодухов В. И. Введение в языкознание. – М.: Просвещение, 1979.
7. Кондакова М. Ф. Испано-французские языковые контакты (сферы и динамика проникновения испанских контактных элементов во французский язык): монография. – Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2004.
8. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. – М.: Наука, 1968.
9. Маслов Ю. С. Введение в языкознание. – М.: Высш. школа, 1975.
10. Пауль Г. Принципы истории языка. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960.
11. Реформатский А. А. Введение в языковедение. – М.: Аспект пресс, 1996.
12. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1976.
13. Семчинський С. В. Семантична інтерференція. – Киев: Вища школа, 1974.
14. Симонова К. Ю. О термине *ecology* // Материалы Междунар. научн. конф. Азиатского Секретариата. – Омск: ОмГТУ, 2002. – С. 161-164.
15. Социально-экологический словарь (русско-французский) / *Dictionnairesocio-écologique (russe-français)* / под ред. Ремизова И. Н. – М., 2002.
16. Табанакова В. Д. Идеографическое описание научной терминологии в специальных словарях: дис. ... д-ра филол. наук. – Тюмень, 2001.
17. *Dictionnaire des sciences de l'environnement: terminologie bilingue français-anglais* / Sylvain Parent. – Paris: Hatier: Rageot; Ottawa: éd. Broquet, 1991.
18. *Dictionnaire encyclopédique de l'écologie et des sciences de l'environnement* / François Ramade. – 2-e édition. – Paris: Dunod, cop. 2002.
19. *Dictionnaire étymologique et historique du français*. – Paris: Larousse, 1996.
20. *Le Petit Robert Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française*. – Paris, 2009 [CD-ROM].

**Эмоциональное и оценочное содержание
междометных фразеологических единиц с компонентом-зоонимом
в английском, казахском и русском языках**

Статья представляет собой сопоставительный анализ междометных фразеологических единиц (МФЕ) трех дальнородственных индоевропейских языков – английского, казахского и русского – на предмет эмоционального и оценочного содержания МФЕ с компонентом-зоонимом, в результате которого выявляются общие и специфические черты исследуемого участка фразеологии.

The paper deals with the comparative analysis of interjectional phraseological units (IPU) in the three family-detached Indo-European languages: English, Kazakh and Russian and is targeted at the studies of emotional and evaluative content of phraseologisms with the animalistic component. The analysis results in finding out a set of general and specific features of the bulk of phraseology under study.

Ключевые слова: фразеологическая единица, сопоставление, общие и специфические черты, компонент-зооним.

Key words: phraseological units, comparison, general and specific features, zoomorphic component.

Идея антропоцентричности языка – ключевая в современной лингвистике. Антропоцентрическая парадигма в лингвистике – это факт, с которым нельзя не считаться, даже если исследователь работает в традиционной системно-структурной парадигме. В наше время целью лингвистического анализа уже не может считаться просто выявление различных характеристик языковой системы. Антропоцентрическая парадигма предполагает переключение интересов исследователя с объектов познания на субъект, то есть на аспекты анализа человека в языке и языка в человеке. «Фразеологический корпус языка – особенно богатый материал для исследования этого взаимодействия, поскольку в нем концептуализированы не только знания о собственно человеческой, наивной картине мира и все типы отношений субъекта к её фрагментам, но и как бы запрограммировано участие этих языковых сущностей вместе с их употреблением в межпоколенной трансляции эталонов и стереотипов национальной культуры» [6, с. 9]. Языковые единицы, природа значения которых тесно связана с фоновыми знаниями носителя языка, с практическим опытом личности, с культурно-историческими традициями народа, говорящего на данном языке, являются объектом исследования многих лингвистов [4, с. 165].

Объект нашего исследования – междометные фразеологические единицы (МФЕ). Они обладают основными категориальными свойствами фразеологических единиц (целостный переносный смысл, воспроизводимость, образность и экспрессивность), что обуславливает их семантические и структурные особенности. Предназначенность междометных единиц – не называть тот или иной элемент действительности, а быть средством выражения ментального или эмоционального отношения говорящего к предмету, то есть для них характерно нивелирование функции номинации. Примыкая к другим членам предложения, МФЕ усиливают, выделяют, подчеркивают эмоции, способствуют более яркому представлению чувств, настроений, переживаний говорящего. С точки зрения функционального подхода, МФЕ примыкают к тем специфическим формам, которые, относясь к системе языка, свидетельствуют о его речевом предназначении. Указанные единицы обеспечивают организацию речевого общения, самым непосредственным образом отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего.

МФЕ неоднократно привлекали внимание отечественных и зарубежных лингвистов. В последние десятилетия они анализировались как фразеологические единицы (В. Н. Телия, А. И. Молотков, Б. Татар, А. М. Чепасова, И. И. Чернышева, А. Д. Райхштейн, Д. О. Добровольский, А. В. Кунин, Т. Н. Федуленкова, В. Фляйшер и др.), как вторичные междометия (Н. С. Валгина, Д. В. Зыблева, Н. В. Могутова, Г. Генцмер, В. Юнг и др.), как коммуникативно-прагматические единицы (В. К. Шаронов, И. И. Прибыток, Е. В. Викторова и др.). Предпринимались также спорадические попытки классификации и сопоставления МФЕ на материале английского и русского, немецкого и русского языков.

Спектр выполняемых междометными единицами речевых заданий, безусловно, широк, однако имманентными характеристиками разряда междометных единиц являются эмоции и оценка: *Хорош гусь! Ну и гусь!* – о ловкаче или мошеннике; *Не человек – змея!* – о злом и язвительном человеке; *Бұттынан борсық өткір!* (букв. чтоб у тебя не было удачи) – пожелание несчастья; *Hold your horses!* – потише! не волнуйтесь! ≅ легче на поворотах.

В психологии и когнитологии выделяют базовые эмоции, имеющие «более общий характер» [9, с. 47], вокруг которых происходит стягивание перефирийных, сходных по качеству эмоций. Эмоции, входящие в одну группу, нередко различаются лишь интенсивностью переживания и могут быть представлены как разновидности базовой эмоции. Так, страх является базовой эмоцией для таких эмоций, как испуг, тревога, беспокойство, ужас, гнев – базовой для таких эмоций, как досада, раздражение, негодование, возмущение, угроза. К группе базовой эмоции радость относятся похвала, восторг, восхищение, удовольствие.

Цель данной работы – изучение вербализации эмоций с помощью эмотивных междометных фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в английском, русском и казахском языках и выявление общего и специфического в их содержании. Основные методы исследования – метод фразеологической идентификации, предложенный А. В. Куниным [3, с. 38], и метод выявления изоморфных и алломорфных характеристик ФЕ, разработанный Т. Н. Федуленковой [7].

Для определения семантического содержания МФЕ важно учитывать особенности самих эмоций: модальность (радость, гнев, печаль и пр.), направленность, интенсивность. Анализ общих оттенков модальностей эмотивных МФЕ и максимальной обусловленности их конкретного значения речевой ситуацией позволяет обозначить семантические подразряды и группы МФЕ с компонентом-зоонимом по характеру передаваемых ими эмоций и эмоциональных оценок субъекта по отношению к ситуации общения. Эмотивные МФЕ с зооморфным элементом можно условно разделить на два подразряда:

- МФЕ эмоционального состояния, выражающие радость, гнев, зло-радство, страх, тревогу, боль, страдание;
- эмоционально-оценочные МФЕ, в семантике которых существенную роль играет оценка, отношение субъекта к ситуации общения: удивление, недовольство, укоризна, упрёк и пр.

Отметим при этом некоторую условность такого разделения, которая обусловлена известной взаимосвязью эмотивности и оценочности. По справедливому замечанию А. Ф. Артёмовой, эмотивная оценка показывает чувство-отношение к описываемому объекту, содержанием которого является переживание, возникшее в результате образного представления, с характерными для него ассоциациями, ту или иную направленность которым придает внутренняя форма [1, с. 16]. Эмоции как форма отношения человека к действительности всегда сопровождаются оценкой [3, с. 178], что подтверждает целесообразность объединения эмотивности и оценочности в один компонент.

Сопоставим способы вербализации эмоций посредством исследуемых подразрядов МФЕ в трех языках: английском, русском и казахском.

Радость, восторг, похвала. Радость – весёлое чувство, ощущение большого душевного удовлетворения. Восторг – подъём радостных чувств, восхищение. Похвала – хороший отзыв о ком-либо, чем-либо, одобрение (ТСРЯ). Проявление радости и восторга можно наблюдать в примерах английских МФЕ: *Holly Cow!* (подумать только! Боже мой! вот это да!) и *Go ape?* (ошалеть).

Следующие примеры МФЕ выражают похвалу и пожелания одобри-тельного характера: в английском языке *Hot dog!* (молодец! вот это здорово!); в казахском языке *Ат ұстарың өзіңе тартсын!* (пусть наследник будет похож на тебя!); *Аузыңа май, астыңа тай* (букв. в рот тебе – масло,

для езды – двухгодовалого жеребенка) (да сбудутся твои слова!) – говорится человеку, принесшему хорошую весть; в русском языке *Битюг эдакий!* (битюг – рабочая лошадь, тяжеловес крупной породы) – о рослом, сильном человеке; *Вот ты жеребец какой стал!* – о рослом, сильном мужчине, восхваляя силу мужчины.

Гнев – чувство сильного возмущения, негодования (ТСРЯ).

В английском языке *Fine day for the ducks!* (ну и погода, как раз для уток!) – о дождливой погоде; *Stiffen the crow's!* (австрал. вот те раз! нечего сказать!); *Dog my cats!* (амер. черт возьми! вот те на!); в казахском языке *Есектің миын жегенсің бе? Құтырған қойдың миын жедің бе?* (букв. ты что, съел ишачий мозг? съел мозг бешеного барана?) – обезумел, одурел?; в русском языке *Пёс меня возьми! К свиньям (ко всем свиньям!) К свиньям собачьим!* Приведенные примеры с высокой эмоциональной интенсивностью выражают негодование, возмущение.

Угроза – запугивание, обещание причинить кому-нибудь вред, зло (ТСРЯ).

В поле исследуемой фразеологии современного английского языка МФЕ со значением угрозы не выявлено.

Угроза, проклятья, пожелания несчастья занимают значительное место в языковой картине мира казахов. Наряду с ярко выраженной отрицательной коннотацией данные МФЕ отражают самобытность народа, уникальность его мышления, например: *Жағына жылан жұмыртқаласын!* (букв. чтобы змея отложила яйца в твоей челюсти) – пожелание несчастья; *Көріңнен жылан шыққыр!* (букв. пусть змея заведется в твоей могиле) – проклятье о вечном мучении; *Бауырыңа құрт тұссін* (букв. червей тебе в печень); *Бұттынан борсық өткір!* (чтоб у тебя не было удачи!).

В качестве выражение угрозы в фразеологии современного русского языка используется МФЕ *Я тебе покажжу, где раки зимуют!* со значением ‘проучить, жестоко наказать кого-либо; всыпать кому-либо’.

Укор – упрёк, порицание, неодобрение (ТСРЯ).

В английском языке посредством МФЕ *Can the leopard change his spots?* (букв. может ли леопард поменять свои пятна?) (горбатого могила исправит) определяется отношение к кому-либо или чему-либо ничтожному, несостоятельному.

В казахском языке МФЕ *Сенген қойым сен болсаң, күйсегенің құрысын!* (букв. я-то надежды возлагал на тебя, моя овечка, а ты все так же безучастно жуешь да жуешь) обращена к человеку, не оправдавшему доверия, надежд.

В русском языке МФЕ *Ну, ты и осёл!* выражает крайнюю степень неодобрения.

Удивление – впечатление от чего-нибудь неожиданного и страшного, непонятного (ТСРЯ). В этой связи интересен английский междометный фразеологизм *Can't say Bo! to a goose*, который шутливо порицает труса,

не смеющего противостоять даже неуклюжей домашней птице, например: *It is said that once when Ben Johnson was introduced to a nobleman, the peer was so struck with his homely appearance that he exclaimed, 'What! are you Ben Johnson? Why you look as if you couldn't say Bo! to a goose.'* 'Bo!' – exclaimed the witty dramatist, turning to the peer and making him a bow (Ph&F). Этот эмотивно насыщенный фразеологизм не только выражает удивление, но и показывает пренебрежительное отношение говорящего к собеседнику.

Семантика русскоязычного фразеологизма *Вот где собака зарыта!*, выражающего удивление по поводу обнаружения истинной причины, сути дела, сформировалась в результате метафорического переосмысления переменного полнопредикативного сочетания слов, обозначавшего ранее определенное ритуальное действие, а именно: зарывание в землю собаки, место совершения которого имело особую сакральную значимость. Например: *Важно выяснить, каким образом он запутался и кто стоит за его спиной... Между прочим он очень рассчитывал на заступничество матери... – Ну еще бы... Вот оно! – злобно воскликнул Уваров. – Вот где собака зарыта! И как я сразу не сообразил?* (Г. Матвеев. Новый директор) (СРФ).

Удивление, смешанное с иронией, вербализуется в русском языке посредством МФЕ *Что это за птица?* при попытке выснить происхождение или статус незнакомого человека. Русскоязычная МФЕ *Экая ты кобыла!* выражает удивление по поводу рослой и нескладной женщины.

Наряду с восклицательными и вопросительными структурами в фразеологическом пространстве трех сопоставляемых языков выявляются МФЕ со структурой повелительного предложения.

В английском языке обнаруживаем МФЕ *Don't play the giddy goat!* (Ph&F) (не валяй дурака, держи себя в рамках приличия); *Hold your horses!* (потихе! не волнуйтесь! легче на поворотах); *Cut the cackle and come to the 'osses* (= horses) (прекратите болтать и займитесь делом).

В казахском языке фразеологизм *Жатқан жыланның құйрығын баспа!* (букв. не наступай на хвост лежащей змеи) дает в назидательном тоне совет: 'не дразни гусей; не приставай ни к кому – спокойнее будет'.

В русском языке выявляем МФЕ *Пошли они к козе на именины!* (пусть они убираются!). Выражение возникло путём замены оборота *пошли они к черту!* Например: *Да пошли они к козе на именины. Нечего нам, жена, думать о них* (Е. Пермяк. Сказка о сером волке) (СРФ).

Все эти устойчивые обороты выражают отрицательные эмоции и в положительном смысле не употребляются.

Некоторые междометные фразеологизмы семантически диффузны и могут выражать различные эмоции (восхищение, досаду, удивление и т.п.). Интересным примером является МФЕ *a fine (nice, pretty) kettle of fish* (хорошенькое дело! веселенькая история!). Этот междометный оборот выра-

жает досаду, недовольство, неприятие. Например: *When she had gone Soames reached for the letter. 'A pretty kettle of fish', he muttered* (J. Galsworthy). Этот оборот употребляется также как субстантивная ФЕ с тождественным компонентным составом, означающая неразбериху, путаницу, тяжелое положение, например: *The colonel was genuinely distressed – a pretty kettle of fish under a chap's own roof* (R. Aldington).

Междометные фразеологические единицы характеризуются ярко выраженной национальной спецификой, их семантическое содержание и особенности употребления в речи тесно связаны с национально-культурными традициями и историей народа – носителя языка. Проследив употребление МФЕ с компонентом-зоонимом в английском, казахском и русском языках, выявляем наличие присущего для изучаемых языков выражения всего спектра эмоций: от радости и гнева до удивления и упрёка. Общей характеристикой является преобладание МФЕ с отрицательной оценкой. Не случайно многие исследователи утверждают, что фразеологизмов с отрицательной оценкой значительно больше, чем с положительной [3; 5; 8]. Примечательно в этой связи замечание В. Д. Девкина: «Положительность воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Человеку постоянно приходится сталкиваться с преодолением ошибок, недостатков, плохого. Поэтому это для него так значительно и стойко отражено в языке» [2, с. 160].

Междометные фразеологические единицы выражают личностное отношение человека к объектам внешнего мира или к самому себе. Один и тот же объект может вызывать различные эмоции у людей разных национальностей. В живой речи большинство МФЕ может соотноситься непосредственно с экстралингвистической ситуацией. Также междометные фразеологические единицы составляют самобытность любого языка: они отражают специфику языка, стратегии общения между людьми, уровень эмоциональности носителей того или иного языка. Так, МФЕ, относящиеся к подразряду 'угроза, пожелание несчастья', зафиксированы только в казахском языке. Несмотря на большое количество грубых выражений и в русском, и в английском языках, подобные проклятья не прижились во фразеологических фондах данных этносов, что говорит прежде всего об уникальности восточного менталитета казахов.

В современном языке наблюдается тенденция к увеличению МФЕ в трех языках, что объясняется такими их характерными свойствами, как экономия языковых средств, эмоциональность и высокая степень экспрессивности.

Список литературы

1. Артёмова А. Ф. Значение ФЕ и их прагматический потенциал: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 1991.
2. Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. – М.: Международные отношения, 1979.

3. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – 3-е изд., перераб. – М.: Высш. шк.; Дубна: Феникс, 1996.
4. Поцелуева Н. В. Сопоставительное исследование внутренней формы компаративных фразеологических единиц с зоосемическим компонентом (на материале английского, русского и казахского языков) // Фразеологическое пространство национального словаря в сопоставительном аспекте: Монография / Т. Н. Федуленкова, А. Г. Садыкова, Д. Н. Давлетбаева и др.; отв. ред. Т. Н. Федуленкова. – Архангельск: Поморский университет, 2008. – С. 165-177.
5. Соколова Г. Г. Фразеология французского языка (семантический аспект фразеологических единиц). – М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1986.
6. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996.
7. Федуленкова Т. Н. Изоморфизм и алломорфизм в германской фразеологии (на материале английского, немецкого и шведского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Северодвинск, 2006.
8. Чеславская Л. А. Пейоративные субстантивные фразеологические единицы французского и немецкого языков (опыт сопоставительного анализа) // Структура и функции французского языка: Межвузовский сборник науч. тр. – М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1989. – С. 160-167.
9. Шаховский В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания. – Волгоград: ВГУ, 1983.

Список лексикографических и фразеографических источников

- Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Кенесбаев С. К. Русско-казахский фразеологический словарь. – Алматы, 1985.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: АЗЪ, 2006.
- Историко-этимологический справочник. – СПб.: Филио-Пресс, 1999.
- Cambridge International Dictionary of Idioms. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Longman Dictionary of English Idioms / Prepared by Laurence Urdang Associates Ltd. – Harlow, London, 1996.
- The Wordsworth Dictionary of Phrase and Fable. – Kent: Wordsworth Editions Ltd., 2001.

Список сокращений

- Ph&F – The Wordsworth Dictionary of Phrase and Fable.
- ТСРЯ – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка.
- СРФ – Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник.

**Семантический потенциал языковых единиц
с признаком «факультативность повторений
без проявления признака цикличности»**

В настоящей статье рассматривается вопрос о семантическом потенциале адвербиальной единицы *oft* в немецком языке. Выделяются средства выражения итеративной неоднократности исследуемой адвербиальной единицы на морфологическом, лексическом, лексико-грамматическом уровнях языка. Определяется среда актуализации итеративного значения наречием *oft*.

The article scrutinizes the semantic potential of the adverb *oft* in the German language. The authors point out the expression of the iterative meaning of the studied adverb at the morphological, lexical, lexical-grammatical levels of language. The authors analyse the environment of updating of the iterative meaning within the context of functioning of the adverb *oft*.

Ключевые слова: среда, итеративность, семантический потенциал, сема, идентификатор.

Key words: environment, iterative meaning, semantic potential, seme, identifier.

Каждая языковая единица обладает функциональным потенциалом, то есть комплексом потенций, возможных для данной языковой единицы и программирующих ее поведение в речи в понимании А.В. Бондарко [2]. Системную организацию функционального потенциала языковых единиц позволяет изучить комплексный системный функционально-семантический подход, предусматривающий исследование семантического потенциала языковой единицы на основании лексикографических источников и анализ взаимодействия языковой единицы со средой функционирования (см.: [5]).

В настоящее время недостаточно изучены семантический потенциал адвербиальных единиц итеративной неоднократности и системная множественность их свойств при функционировании на категорематическом уровне. В результате изучения наречий получены классификации адвербиальных единиц в балтийской группе языков (В. Forssman 2001), в английском языке (Т.А. Кулакова 2006), в немецком языке (О.И. Москальская 1956; Е.И. Шендельс 1988; W. Jung 1968; Duden 1984; G. Helbig, J. Buscha 1991; D. Schulz, H. Griesbach 1992).

Среда актуализации итеративного значения характеризуется политемпоральностью и наличием тождественного набора актантов. Семантическая особенность политемпоральности отражает идею о том, что ситуации,

входящие в итеративное множество, происходят в разные периоды времени. При этом в каждой из ситуаций, входящих в итеративное множество, заняты одни и те же участники [4, с. 144-145].

Вслед за А.В. Бондарко мы рассматриваем среду как множество взаимодействующих языковых элементов, играющих по отношению к исходной системе роль окружения, во взаимодействии с которым она выполняет свою функцию. Среда представляет собой не только окружение, в котором реализуется функция, и не только необходимое условие ее реализации, но и компонент, активно участвующий, наряду с элементами системы, в самом формировании содержания функций [1, с. 9-10].

В русском языке итеративное значение выражается в основном в предложениях с глаголами несовершенного вида. В связи с тем, что в немецком языке отсутствует грамматическая категория вида, и аспектуальная характеристика глагола определяется предельностью / непредельностью, важную роль в выражении итеративной неоднократности играют обстоятельства, выраженные наречиями, словосочетаниями. В настоящей статье исследуется адвербиальная единица *oft* с признаком «факультативность повторений без проявления признака цикличности», а именно: какими средствами выражается значение итеративности в адвербиальной единице *oft*; какие семы пересекаются со значением итеративности; какие выводы можно сделать, анализируя функционирование исследуемой языковой единицы в среде.

Анализ семантического потенциала адвербиальной единицы *oft* был проведен на базе следующих лексикографических источников: 1) Duden, „Deutsches Universalwörterbuch“; 2) G. Wahrig, „Deutsches Wörterbuch“; 3) „Langenscheidts Großwörterbuch. Deutsch als Fremdsprache“; 4) G. Kempcke, „Wörterbuch. Deutsch als Fremdsprache“; 5) K. Peltzer, R. v. Normann, „Das treffende Wort: Wörterbuch sinnverwandter Ausdrücke“; 6) корпус немецкого языка Лейпцигского университета (das Wortschatzportal der Universität Leipzig, Institut für Informatik).

Семантика итеративности в наречии *oft* представлена на следующих уровнях языка: морфологическом, лексическом, лексико-грамматическом. На морфологическом уровне значение итеративности передают полупрефикс *all(e)-* и суффикс *-lich* при основах существительных с временным значением: *alltäglich*; суффиксы *-fach*, *-malig*, полусуффиксы *-mal*, *-mals* при основах количественных числительных, наречий с количественным значением: *dutzendfach*, *mehrfach*, *vielfach*, *x-fach*, *abermalg* (*aber* adv уст. *вновь, снова, еще*), *mehrmalig*, *dutzendmal*, *hundertmal*, *x- oder zig-mal*, *abermals*, *mehrmals*, *oftmals*, *vielmals*; первый частотный компонент *wieder-*: *wiederholt*, *wiederkehrend* [7, с. 48, 152-153, 279-283, 298-299, 464-465]. На лексическом уровне семантику итеративности репрезентируют идентификаторы *beständig*, *erneut*, *fortwährend*, *häufig*, *immer*, *immer wieder*, *öfter*, *öfters*, *wiederum*. На лексико-грамматическом

уровне семантика итеративности выявляется в словосочетаниях, образованных по следующим моделям:

1) Prp – Adj – N *in (regelmäßigen) kurzen Abständen, in kurzen Zeitabständen*, где множественное число существительного с временным значением *Abstände, Zeitabstände*, идентификатор *regelmäßig* передают итеративное значение;

2) (Prp) – Pron – N *in vielen Fällen, jedes Mal, viele Male*, где неопределенные местоимения *jedes, viele*, множественное число существительного с временным значением *Fälle, Male* фиксируют итеративную семантику;

3) Adj – Adv *recht häufig*, где наречие *häufig* репрезентирует изучаемое явление;

4) Adv – Part I *sich wiederholt ereignend*, где первый частотный компонент *wieder-* демонстрирует итеративное значение.

На основании анализа словарных дефиниций семантический потенциал наречия *oft* включает значения «вежливость», «многочисленность», «множественность», «непрерывность», «отрицательная оценка», «постоянство», «прерывность», «продолжение действия», «равномерность».

В словарном толковании идентификатор *vielmals* передает сему «вежливость»: *vielmals – zur Kennzeichnung eines hohen Grades in Verbindung mit Verben des Grüßens, Dankens od. Entschuldigungs; ganz besonders [herzlich]; sehr: jmdm. v. danken; er bittet v. um Entschuldigung; sie lässt v. grüßen* [8, с. 1679]. Данная сема при реализации в контексте функционирования исследуемой адвербиальной единицы коррелирует с семой «забота»:

(1) *Oft genug habe ich ihr ein Taxi spendiert, damit sie pünktlich kam, ich habe für sie herumtelefoniert, wenn wir in evangelischen Gegenden waren, um eine Heilige Messe für sie aufzutreiben, und sie hat immer gesagt, das fände sie «besonders» lieb...* [9, с. 224].

Сема «многочисленность» представлена в словарных дефинициях идентификаторами *alltäglich, dutzendfach, dutzendmal, hundertmal, in (regelmäßigen) kurzen Abständen, in kurzen Zeitabständen, in vielen Fällen, mehrfach, mehrmalig, mehrmals, oftmals, ungezählt, viele Male, vielfach, x-oder zig-mal, x-fach, zahlreich*. Полупрефикс *aber-* придает идентификаторам *abermalig, abermals* значение увеличения числа во много раз [7, с. 39]. Данная сема выявляется в контексте с помощью адвербиальных единиц определенности интервала *nachts, morgens*, которые указывают на точный промежуток между повторяющимися действиями, а также множественного числа существительного *Gerichtsbauten*:

(2) *Das Zimmer, in dem ich damals schlief, wurde nicht geheizt, und nachts und morgens war es oft sehr kalt* [11, с. 28].

(3) *Das Gericht war ein Bau der Jahrhundertwende, aber ohne den Pomp und die Düsternis, die damalige Gerichtsbauten oft zeigen* [11, с. 90].

Сему «множественность» демонстрируют в словарном толковании идентификаторы *mehrfach, vielfach*. Выявление данной семы в контексте возможно при упоминании множества действий, предметов в виде однородных членов предложения, связанных соединительным союзом *und*, разделительным союзом *oder*:

(4) *Oft genug habe ich im Lauf meines Lebens getan, wofür ich mich nicht entschieden hatte, und nicht getan, wofür ich mich entschieden hatte* [11, с. 22].

(5) ... *oft haben mich erst Hannas Mitteilungen die Forsythien, Sommergewitter oder Vogelscharen wahrnehmen lassen* [11, с. 179].

Сему «непрерывность» репрезентируют в лексикографических дефинициях идентификаторы *alltäglich, beständig, ewig, fortwährend, immer, unaufhörlich*. В рамках контекста данную сему фиксируют глаголы состояния *wissen, das Gefühl haben*, обозначающие неопредельный процесс:

(6) *Was ich genauer wissen wollte, wusste sie oft nicht mehr, und sie verstand auch nicht, warum mich interessierte, was aus ihren Eltern geworden war, ob sie Geschwister gehabt, wie sie in Berlin gelebt und was sie bei den Soldaten gemacht hatte* [11, с. 40].

(7) *Ich wusste auch, dass ich nichts verpasste, und hatte doch oft das Gefühl, es passiere, gerade wenn ich nicht dabei war, Wunder weiß was* [11, с. 70].

Сему «отрицательная оценка» передает в словарном толковании идентификатор *fortwährend*: *fortwährend – so, dass es lange andauert oder sich ständig wiederholt und stört oder lästig ist* [6, с. 352]. Реализация данной семы в контексте отмечена использованием лексем, обозначающих отрицательные эмоции *ängstlich, erschrecken, Unmensch*:

(8) *Aber während er sich den Schein eines gewissen Hochmuts zu geben versuchte, war er im Grunde oft ängstlich* [10: 14].

(9) *Er erschrak oft, wenn er diese Burschen und ihre Weiber sah, die ihn nach drei Monaten korrekt und höflich wie einen tüchtigen, aber einseitigen Lehrer behandelten und ihm lächelnd einen Scheck überreichten* [10, с. 16].

(10) ... *es ist alles so menschlich, dass ich mir oft wie ein Unmensch vorkomme, weil ich den Feierabend nur als Nummer vorführen kann* [9, с. 103].

Сема «постоянство» обнаруживается введением в словарные статьи идентификаторов *abermalg, abermals, alltäglich, beständig, dutzendfach, dutzendmal, erneut, ewig, häufig, hundertmal, immer, immer wieder, in (regelmäßigen) kurzen Abständen, in vielen Fällen, jedes Mal, mehrfach, mehrmalig, mehrmals, oftmals, recht häufig, sich wiederholt ereignend, unaufhörlich, vielfach, vielmals, wiederholt, wiederkehrend, wiederum, x- oder zig-mal*. Данная сема реализуется за счет использования формы Прäsens в

придаточном дополнительном предложении, которая придает действию вневременной, узуальный характер (das generelle Präsens):

(11) *Mir ist schon oft aufgefallen, dass Ehefrauen loyal gegenüber ihrem Mann sind bis zum völligen Wahnsinn* [9, с. 83].

Сему «прерывность» демонстрируют в словарных дефинициях идентификаторы *abermalig, abermals, dutzendfach, dutzendmal, erneut, häufig, hundertmal, immer wieder, in (regelmäßigen) kurzen Abständen, in kurzen Zeitabständen, in vielen Fällen, jedes Mal, mehrfach, mehrmalig, mehrmals, öfter, öfters, oftmals, recht häufig, sich wiederholt ereignend, viele Male, vielfach, vielmals, wiederholt, wiederkehrend, wiederum, x- oder zig-mal, x-fach*. В рамках контекста сему «прерывность» передают существительные временной семантики *Abend, Nacht*:

(12) *Außerdem hatte ich mit ihr zwar nicht darüber gesprochen, stellte mir aber vor, dass sie als Straßenbahnschaffnerin oft bis in den Abend und in die Nacht arbeitete* [11, с. 29].

В лексикографическом толковании сему «продолжение действия» фиксирует идентификатор *fortwährend* с компонентом *fort-* [7, с. 164]. Данная сема реализуется за счет использования квантитативно-итеративного атрибута *jeder*, который выявляет ежедневное повторение действия в течение одной недели:

(13) *Feinhals hatte sie schon oft angesehen, fast eine Woche lang jeden Tag* [10, с. 61].

Сема «равномерность» представлена в словарных дефинициях идентификаторами *in (regelmäßigen) kurzen Abständen, in kurzen Zeitabständen*. Реализация данной семы сопровождается обозначением длительности периода, который имеет повторяющийся характер:

(14) *Schließlich richtete sich Heinrich selbst ein Bankkonto ein, um uns Barschecks für die Verrechnungsschecks geben zu können, aber er war oft für drei, vier Tage weg ...* [9, с. 163].

Анализ эмпирического материала позволяет сделать выводы о том, что среда реализации итеративного значения с адвербиальной единицей *oft* включает следующие элементы:

1) смысловые классы глаголов, точнее, предикаты, сочетающиеся со значениями признака итеративности:

а) глаголы, точнее предикаты, обозначающие негомогенные (предельные) процессы: *verzichten, einschlafen, begegnen, wahrnehmen lassen, treffen (Bemerkungen), auffallen, sehen, einkaufen, erschrecken, unterbrechen, bemerken, hören, spendieren*;

б) глаголы, точнее, предикаты, обозначающие временные состояния, гомогенные (непредельные) процессы: *sagen, tun, kalt sein, arbeiten, wissen, leer sein, fahren, gehen (der Mensch), zeigen, gebunden sein, sein, haben, weinen, Streit haben, Angst haben, ängstlich sein, ansehen, stehen, denken*,

scheinen, vorlesen, vorkommen (=scheinen), schlafen, nahe daran sein, liegen, weg sein, sprechen;

2) слова и словосочетания, лексически выражающие значение признака итеративности и соответственно сочетающиеся в предложении со смысловыми классами глаголов:

а) адвербиальные единицы неопределенной частотности *immer wieder, immer, meistens, hin und wieder;*

б) наречия определенной частотности *nachts, morgens, mittwochs;*

в) словосочетания с уточнением длительности периода: *jeden Tag;*

3) грамматические средства, которые используются для выражения значений данного семантического признака:

а) множественное число существительных, личных местоимений: *Gerichtsbauten, sie (Studenten), Mitteilungen, Bemerkungen, Modegeschäfte;*

б) квантитативно-итеративный атрибут *jeder: jeder Buchstabe;*

в) временные придаточные предложения с союзом *wenn.*

С.М. Кибардина считает, что в зависимости от контекста любая временная форма может передавать в немецком языке значение как единичности, так и множественности [3, с. 170]. В случаях выражения итеративного значения форма Perfekt употребляется реже, чем формы Präsens и Präteritum. Данный факт объясняется тем, что «итеративное значение в определенной мере противоречит основной функции перфекта – выражению законченного действия как изолированного факта» [3, с. 175]. В ходе настоящего исследования выявлено использование временных форм в следующем процентном отношении: в 48,9% предложений встречается форма Präteritum, в 19,1% – форма Plusquamperfekt, в 17,1% – форма Perfekt, в 14,9% – форма Präsens.

Среда функционирования адвербиальных единиц итеративной семантики предоставляет богатый материал для исследования функционально-семантического поля итеративности в рамках функциональной грамматики. Изучение таких универсальных категорий языка, как итеративность, помогает познать объективную реальность во времени, повторяющиеся процессы в деятельности человека, в окружающей среде.

Список литературы

1. Бондарко А. В. Введение. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – С. 5-39.

2. Бондарко А. В. Теоретические проблемы русской грамматики. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004.

3. Кибардина С. М. Выражение множественности ситуаций в немецком языке // Типология итеративных конструкций / отв. ред. В.С. Храковский. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1989. – С. 170-177.

4. Храковский В. С. Кратность // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – С. 124-152.

5. Шустова С. В. Потенциал каузативных глаголов в динамико-функциональном аспекте: дисс. ... д-ра филол. наук. – Пермь, 2011.

Список источников

6. Большой толковый словарь немецкого языка = Langenscheidts Großwörterbuch. Deutsch als Fremdsprache. – М.: Март, 1998.

7. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / под рук. М.Д. Степановой. – М.: Рус. яз., 1979.

8. Duden Deutsches Universalwörterbuch / unter Leitung von G. Drosdowski. – Mannheim, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1989.

9. Böll H. Ansichten eines Clowns. München: Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG, 2001. – [Электронный ресурс]: [http://awah.at/book/Boell, %20Heinrich %20-%20Ansichten%20eines%20Clowns.pdf](http://awah.at/book/Boell,%20Heinrich%20-%20Ansichten%20eines%20Clowns.pdf).

10. Böll H. Wo warst du, Adam? Gütersloh: Bertelsmann Lesering, 1963. – [Электронный ресурс]: http://www.booksbooksbooks.ru/download/Boell_Wo_warst_du_Adam.pdf.

11. Schlink B. Der Vorleser. – Zürich: Diogenes Verlag AG, 1995.

**Специфика экземплификации в описании категории падежа
(на материале испанских грамматик XVI-XVII вв.)**

В статье анализируются результаты изучения принципа экземплификации как неотъемлемой части текста грамматики. На примере категории падежа в испанских грамматиках XVI-XVII вв. рассматриваются такие признаки экземплификации, как соотношение правило-пример, плотность и состав примеров, принципы отбора и презентации примеров.

The article analyzes exemplification as an integral part of a grammar. The exemplification features, such as correlation rule-example, density and composition of examples, example selection and presentation principles, are considered as illustrated by the case category in the Spanish grammars of the XVI-XVIIth cc.

Ключевые слова: экземплификация, грамматика, грамматические категории, падеж, правило, пример, система, норма, узус.

Key words: exemplification, grammar, grammatical categories, case, rule, example, system, norm, usage.

Как известно, текст грамматики состоит из формулировок правил и из примеров, их иллюстрирующих. Обусловлено это тем, что теоретические и практические рекомендации употребления конкретных языковых форм еще не обеспечивают необходимой ясности и точности грамматического описания вне сочетания с примерами. Принципы отбора и презентации примеров в тексте грамматики отражают закономерности кодификации языка и дают представление о норме литературного языка в разные периоды его истории.

На значимость примера в системе грамматического описания обращали внимание многие видные ученые, однако интерес к теоретической стороне проблемы экземплификации обозначился лишь в XX веке в связи с развитием теории языковой нормы. Значительный вклад в разработку проблемы экземплификации применительно к истории лингвистической мысли внесли такие ученые, как Б. Кемада, Ж.-Кл. Шевалье, К. Персиваль, С. Ору и др. В последнее время появилось немало интересных исследований, посвященных изучению принципа экземплификации применительно к испанской грамматической традиции. Значимое место в рамках этого направления занимают исследования начального этапа в истории испанской грамматики – XVI-XVII веков. Пристальное внимание ученых к лингвистическому наследию эпохи, не без оснований получившей название Золотого века, не случайно. Это связано с тем, что первая в Европе

национальная грамматика появилась в Испании, послужив импульсом для создания грамматик других западноевропейских языков. Кроме того, филологическая деятельность в Испании в XVI-XVII веков является, по выражению Х.М. Лопе Бланча, самой важной, самой могучей и самой оригинальной за всю историю испанской лингвистической мысли [6, р. 38].

Благодаря исследованию принципа экземплификации по текстам грамматик Золотого века современными учеными были выявлены литературные источники примеров, получившие свое отражение в испанских грамматиках [7; 5; 9], проведен статистический анализ лексической природы примеров [3], изучен характер функционирования примеров в грамматиках эпохи Ренессанса [1]. Между тем нельзя не заметить, что, несмотря на имеющиеся значительные достижения в решении данной проблемы, за рамками проведенных исследований остается еще немало вопросов. К их числу относится выявление закономерностей и своеобразия принципа экземплификации на глубинном – категориальном – уровне грамматического анализа. Значительный интерес в этом плане представляет собой роль примера в описании акциденции падежа – одной из наиболее спорных грамматических категорий в рамках не только испанской, но и в целом западноевропейской грамматической традиции того времени.

Особый статус категории падежа в ранних испанских грамматиках связан с тем, что в качестве модели грамматического описания для них послужил греко-латинский канон, созданный для языков флективного типа. Несмотря на то, что некоторые канонические категории не находили себе подкрепления в узусе нового языка, тем не менее, они продолжали включаться в корпус грамматик и подчас получали довольно подробное описание. Первое место среди таких категорий занимает падеж. Грамматисты того времени отмечали, что, хотя падежа как такового у испанского имени нет, он все же получает в нем свое выражение посредством артиклей и предлогов. Однако не только это расхождение между теорией и практикой описания составляет исключительность данной категории. Принципы отбора и презентации примеров для иллюстрации сути описываемого явления также выделяют падеж из числа других грамматических категорий, заимствованных из канонических работ, послуживших в качестве образца для подражания при написании испанских грамматик.

В задачи нашего исследования входит изучение особенностей принципа экземплификации при описании акциденции падежа в текстах испанских грамматик Золотого века. Рассмотрим такие признаки экземплификации, как соотношение правило-пример, плотность и объем примеров, принципы отбора и презентации примеров при описании данной категории применительно к имени как части речи.

При изучении роли примера в грамматиках пиренейской ветви ренессансной грамматической традиции (Небриха, Оливейра, Барруш),

М. Э. Кистерева обратила внимание на то, что примеры носят в них довольно часто бессистемный характер: иные положения подкрепляются примерами, иные – нет. Автор исследования связывает эту особенность с тем, что рассмотренные грамматики представляют собой начальный этап становления новой европейской лингвистической традиции с присущими ему колебаниями в использовании процедур и методов анализа [2, с. 183]. Между тем, при ближайшем рассмотрении можно увидеть, что за этой бессистемностью экземплификации стоит системность, обладающая свойством «неслучайности». Будучи своеобразной универсалией грамматического описания, принцип экземплификации зависит от ряда факторов. К числу наиболее значимых из них относятся особенности лингвистической ситуации, в которой осуществляется процесс кодификации языка, уровень развития литературной традиции, типология грамматик, принадлежность примеров к определенному разделу грамматики и определенному уровню грамматического описания. В то же время принципы отбора и презентации примеров для иллюстрации тех или иных языковых явлений во многом определяются самой природой описываемых явлений, а также мировоззренческими, литературными и эстетическими предпочтениями авторов грамматик.

Обращение к полному корпусу текстов испанских грамматик Золотого века подтверждает положение об особой природе системности примера. По нашим наблюдениям, соотношение между правилом и примером в них, действительно, представлено по-разному. Однако за кажущейся бессистемностью принципа экземплификации прослеживается определенная закономерность. При описании таких частей речи, как имя и глагол грамматисты больше внимания уделяли описанию глагола, мотивируя это тем, что «без глагола невозможно строить высказывание» [18, р. 116; 17, s.p.; 19, р. 75; 12, р. 35]. Так, в грамматике Х. де Луны описанию имени отведено 14 страниц, а глаголу – 100, в эту часть работы включены не только парадигмы спряжения правильных глаголов, но и длинный список неправильных глаголов (около 300 единиц) [15, s.p.]. При описании таких категорий, как род, число, лицо, время, наклонение и др. правило неизменно подкрепляется более или менее развернутым перечнем примеров.

Крайне редко в рассмотренных нами грамматиках встречаются случаи, когда правило не сопровождается примерами. Это относится, в частности, к описанию герундия и неопределенно-причастного имени, а также в ряде случаев к междометию. Например, Корро отсутствие примеров при описании междометий объясняет тем, что испанцы чаще всего пользуются теми же выразительными средствами, что и другие нации [11, р. 116].

Что касается случаев отсутствия правил в описании грамматических явлений при сохранении корпуса примеров, то они типичны прежде всего для практических руководств по языку. Кроме того, применительно к частеречному уровню анализа остенсивные определения наиболее характерны

для описания неизменяемых частей речи – наречия, предлога, союза, междометия. Так, в анонимной грамматике 1555 года описание наречий сведено к семантической классификации различных разрядов наречий и перечня примеров к ним [22, s.p.].

В случае отсутствия правила пример берет на себя помимо функции иллюстрации еще и функцию экспликации описываемого явления. Следует отметить, что так называемые остенсивные определения были своеобразной приметой времени и отражали главный принцип научного описания эпохи Возрождения – наглядность. Для историка языкознания такого рода случаи представляют особый интерес, поскольку только благодаря корпусу примеров становятся понятными принципы систематизации и категоризации описываемых явлений.

В описании испанского языка, причем вне зависимости от типа грамматики, имеется особый участок, где мы обнаруживаем практически неизменно диспропорцию в соотношении «правило / пример» в пользу примера. Этим участком грамматического описания является категория падежа для такой части речи, как имя. Чаще всего описание данной категории начинается не с правила, а с замечания относительно того, что как такового падежа у испанского имени нет. В частности, Г. Корреас пишет об этом следующим образом: “Los Griegos i Latinos conozen i tienen casos: nosotros no: mas las diferencias de hablar por ellos sí las conozemos: las cuales diferenziamos i hazemos con preposiciones” [10, p. 63]. После замечаний такого рода следуют примеры падежной парадигмы, выстроенной по модели склонения латинского имени. Вот как выглядит такое описание в грамматике Х. Луны:

*Declinacion del Nombre
Masculino.*

Los Nombres tienen feys Casos, y se declinan así.

Nominatiuo	el cauallo.
Genitiuo	del cauallo.
Datiuo	para el cauallo.
Acusatiuo	a, o al cauallo.
Vocatiuo	o cauallo.
Ablatiuo	con, o por el cauallo.

Plural.

No.	los cauалlos.
Ge.	de los cauалlos.
Dat.	para los cauалlos.
Acu.	a, o a los cauалlos.
Vo.	o cauалlos.
Ab.	con, o por los cauалlos

[15, s.p.].

Как видим, наряду с иллюстративной функцией, которую в первую очередь выполняет пример в системе грамматического описания, в данном

случае осуществляется функция экспликативная, состоящая в том, что развернутая система примеров дает представление о явлении, которое в то время считалось неотъемлемой частью грамматического описания именных частей речи любого языка. Это, на первый взгляд, очевидное противоречие между теорией и практикой грамматического описания получает свое объяснение в своеобразии языковой ситуации, причем не только на территории Испании, но и далеко за ее пределами. Ситуация многоязычия, ставшая приметой ренессансной Европы, привела к тому, что среди грамматик того времени было немало двуязычных и многоязычных, в которых приводились параллельные описания разных языков. Эта достаточно прозрачная граница между описываемыми языками приводила к тому, что категория падежа имела еще одну функцию в системе грамматического описания – дидактическую. Как пишет Дж. А. Пэдли, первым свидетельством нового педагогического метода стала грамматика Небрихи, провозгласившего, что обучение латыни будет наиболее эффективным, если использовать народный язык [8, р. 164]. Таким образом, одной из причин сохранения категории падежа там, где падежного словоизменения как такового не было, стала дидактическая функция парадигмы склонения.

Наши наблюдения дают основание говорить о том, что помимо особых функций, возлагаемых на принцип экзemplификации в описании категории падежа, он имел и иные отличия по сравнению с описанием других категорий. В частности, неоднородная в целом для грамматик плотность экзemplификации по-особому представлена при обращении к рассматриваемой нами категории. По нашим данным, она находилась в прямой зависимости от типа грамматики. В так называемых теоретических, или описательных, грамматиках примеры играют вспомогательную роль, поэтому описание языковых явлений в них чаще всего ограничивается двумя-тремя примерами, в то время как в обучающих грамматиках примеры часто заслоняют собой, а подчас и вытесняют объяснение. Наиболее обширный корпус примеров, призванных наглядно показать возможности выражения значения того или иного латинского падежа средствами испанского языка, представлен в грамматиках Урбино (1560), Миранды (1567), Удэна (1612), Франчозини (1624), Энкарнасьона (1624).

Между тем нельзя не заметить того, что в ряде случаев отнесение к определенному типу той или иной грамматики рассматриваемого периода вызывает существенные затруднения. Применительно к грамматикам Золотого века принято выделять такие типы, как описательные, объяснительные, нормативные, обучающие, сопоставительные, элементарные. Однако, как и всякая классификация, такое разделение достаточно условно, поскольку, во-первых, все грамматики без исключения имели нормативный характер, во-вторых, как объяснительные, так и описательные грамматики в той или иной степени предназначались для обучения языку,

в-третьих, подчас в рамках одной и той же работы сочетались признаки нескольких типов грамматического описания.

Именно в этом, на наш взгляд, кроется одна из причин того, что в разных частях одной и той же работы плотность экземплификации варьируется. Убедительным тому подтверждением является грамматика А. Небрихи, которая отчетливо делится на две части. Первая часть, насчитывающая четыре книги, содержит черты описательной и объяснительной грамматики, поэтому примерам в ней отведено незначительное место. Вторая ее часть, представляющая собой последнюю, пятую, книгу, по словам самого автора, предназначена иностранцам, желающим изучить испанский язык, что позволяет причислить ее к педагогическому типу грамматического описания. В этой части грамматики примерам отводится значительное место. Так, описание категории падежа содержит около двадцати примеров парадигм склонения, дающих представление о различных случаях употребления имени с предлогом и артиклем и без них.

Обращение к текстам грамматик Золотого века показывает, что со временем количество примеров при описании категории падежа продолжало оставаться достаточно высоким. В частности, в работе С. Удэна (1612) представлено тринадцать парадигм склонения для имени существительного и прилагательного. Примерами, иллюстрирующими особенности «испанского склонения», изобилуют труды и других авторов: Анонима (1555), Г. Мерье (1558), Анонима (1559), А. де Корро (1590), С. Удэна (1612), А. де Саласара (1623), Д. де Энкарнасьона (1624), Л. Франчозини (1624).

Вполне логично предположить, что количество примеров в тексте грамматики должно свидетельствовать о стремлении автора привлечь внимание читателя не только к абстрактной теории, но и к практике. Это положение в полной мере оправдывает себя, если речь идет о грамматических категориях в целом или о таких именных категориях, как род или число. Однако наши наблюдения дают нам основание говорить о том, что обилие примеров при описании категории падежа не связано с понятиями нормы и узуса. При ее трактовке внимание грамматистов сосредоточено исключительно на системном уровне грамматического анализа, что же касается вопросов грамматической правильности, то они отражены недостаточно рельефно, а императивы нормы представлены лишь эпизодически, например, в рекомендациях относительно неупотребления артикля при именах собственных: “El hombre, la muger: but not el Ioan, la Katelina” [20, p. 22]. Замечания рекомендательного характера в описании категории падежа обнаружены нами в анонимной грамматике 1559 года и касаются указания на элизию артикля после предлога в генетиве и дативе [14, s.p.]. Рекомендации такого плана в описании категории падежа достаточно редки, поскольку эти сведения, как правило, излагаются авторами грамматик при описании артиклей и предлогов.

В основном описание категории падежа ограничивается более или менее развернутым списком переводных парадигм, содержание которых не дает представления о реальной норме употребления имени в сочетании с артиклями и предлогами. Объяснение этой особенности связано с тем, что эталон грамматической правильности применительно к акциденции падежа в эпоху Золотого века продолжали видеть не в родном языке, а в латыни. Таким образом, специфика экземплификации тесным образом связана с концептуальным видением категории падежа, отражающим асимметрию системного, нормативного и узуального аспектов.

В свое время Л. Кукенхайм обратил внимание на то, что одним из важных вопросов, занимавших внимание испанских грамматистов, был вопрос о том, надлежит ли фиксировать устную речь или же следует опираться на правила письменной речи. Этот вопрос для испанской традиции, в особенности в первой половине XVI века был достаточно труден, поскольку кастильский язык в то время не имел авторов, равных по авторитету Данте, Петрарке или Боккаччо [4, р. 91-92]. Именно поэтому проблема выбора образцов для подражания подчас получала неоднозначное решение в трудах испанских гуманистов. Многие из них настаивали на необходимости обращаться к античным авторам для совершенствования родного языка, к их числу относится К. де Вильялон, писавший: “<...> este borron: enel qual prefumo reducir a arte la lengua Castellena, en imitacion dela Latina y Griega” [21, s.p.].

В связи с вопросом о размытости нормативного и узуального аспектов при описании категории падежа обращает на себя внимание то, что в грамматиках, предназначенных для иностранцев, встречаются и параллельные (двойные) парадигмы. Например, в грамматике Миранды испанские формы склонения имен (в данном случае имен собственных) сопровождаются итальянскими [17, р. 50], а в грамматике Г. Мерье представлены падежные формы на четырех языках – французском, итальянском, испанском и фламандском [16, р. 38-39].

Как в случае одноязычных, так и в случае дву- или многоязычных парадигм представленные в них примеры показывают, что на первый план в описании категории падежа выходит сопоставление. И хотя в одноязычных парадигмах оно представлено имплицитно, оно свидетельствует о попытках грамматистов найти в живых языках аналоги каноническим падежным формам, прежде всего латинским. Таким образом, выявляется еще одно существенное отличие в описании падежа, которое состоит не только в понимании его как универсальной грамматической категории, но и в осознании того, что каждый язык обладает своими особенностями, и в попытках выявить эти отличия в грамматическом строе известных языков. Иначе говоря, описание категории падежа становится своеобразным плацдармом для зарождения лингвистической типологии. Нельзя не заметить того, что в описании других грамматических категорий сопоставительный

аспект представлен достаточно слабо, в основном их описание содержит замечания нормативного плана и более или менее обширный корпус примеров, дающих представление о реальном узусе.

Еще одним отличием принципа экземплификации применительно к описанию категории падежа является состав примеров. Как известно, в зависимости от природы описываемого явления примеры могут быть представлены словом, словосочетанием, предложением. Выбор объема и состава примера зависит и от уровня грамматического описания (морфология или синтаксис). Словосочетания и предложения представлены преимущественно в разделе синтаксиса, в разделе этимологии (или морфологии) они достаточно редки. Наши наблюдения показывают, что в испанских грамматиках Золотого века примеры для таких именных категорий, как род или число, как правило, представлены цельнооформленными словами. Что касается парадигмы склонения, то она представлена словом лишь в том случае, если этим словом является артикль, трактуемый автором грамматики как самостоятельная часть речи. В основном же парадигмы склонения представлены аналитическим словом, включающим имя существительное с артиклем в сочетании с предлогом или без него. Таким образом, при обращении к категории падежа грамматисты выходили за рамки понятия 'слово' (в данном случае цельнооформленное слово) и оперировали таким понятием традиционной грамматики, как 'конструкция' (словосочетание). Объем такого словосочетания для имени мог ограничиваться существительным (или прилагательным) и его детерминативами, а мог быть и более развернутым, как, например, в грамматике Франчозини, где представлена падежная парадигма для адъективного словосочетания:

No. el hombre bueno	No. los hombres buenos
Ge. del hombre bueno	Ge. de los hōbres buenos
Da. al hombre bueno	Da. à los hombres buenos
Ac. el, ò al hōbre bueno	Ac. los, ò à los hombres buenos
Vo. ò hombre bueno	Vo. ò hombres buenos
Ab. del hombre bueno	Ab. de los hōbres buenos [13, p. 40-41].

Таким образом, по составу примеров категория падежа занимает промежуточную позицию между этимологией и синтаксисом, поскольку основной единицей анализа в ней выступает конструкция.

Специфика принципа экземплификации применительно к категории падежа проявляет себя и в особенности презентации примеров. В рамках данной традиции прослеживается два основных способа: горизонтальное расположение примеров (т.е. простое перечисление форм) и вертикальные парадигмы (т.е. запись форм в столбик). Оба они в разной степени представлены при описании на категориальном уровне, например, глагольные парадигмы имеют исключительно вертикальный вид. Для описания именных категорий рода и числа используются преимущественно горизонтальные парадигмы, при описании падежа

предпочтение отдается вертикальным. Простое перечисление примеров является своеобразной приметой рукописной традиции. Именно так выглядит падежная парадигма в грамматике Г. Корреаса, оставшейся в рукописи до 1903 года. Встречаются, однако, случаи горизонтальных парадигм и в печатных грамматиках, например, в грамматике К. де Вильялона: “En el nominatiuo dezimos en castellano, Pedro: y enel genitiuo, de Pedro: y enel datiuo, para Pedro: y enel accufativo, a Pedro: y en el vocatiuo, o Pedro: y enel ablatiuo dezimos: efto quite a Pedro” [21, s.p.]. Еще один способ систематизации материала в парадигмах склонения представлен в грамматике Миранды. Эту закономерность в свое время заметила Д. Эстеба Рамос, увидевшая, что Миранда не только оформил примеры в столбик, но и расположил их в алфавитном порядке [3, p. 206]. Отсутствие единообразия в решении проблемы презентации примеров для падежных парадигм говорит о поиске грамматистами Золотого века не только наиболее эффективной методики преподавания языка, но и наиболее эффективного способа систематизации материала, позволяющего лучше понять описываемое явление.

На основании проведенного нами анализа можно сделать следующие выводы.

1. При описании категории падежа в испанских грамматиках Золотого века прослеживается явная диспропорция в соотношении правило / пример в пользу примера.

2. По составу примеров категория падежа занимает промежуточное положение между морфологическими и синтаксическими категориями, поскольку в парадигмах склонения представлены исключительно грамматизованные формы «артикль + имя» или «предлог + артикль + имя».

3. Все особенности экземплификации так или иначе обусловлены асимметрией системного, нормативного и узуального планов в описании категории падежа. Недостаточность нормативного и узуального аспектов при ее описании восполняется системным и сопоставительным аспектами.

Список литературы

1. Кистерева М. Э. Западноевропейские грамматики XV-XVI вв. Роль грамматического примера в становлении новой науки о языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2010.

2. Кистерева М. Э. О роли грамматического примера в описании языка (Некоторые аспекты изучения первых португальских и испанских грамматик) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2008. – № 5. – С. 182-190.

3. Esteba Ramos D. Los ejemplos en las gramáticas del español como lengua extranjera: Siglo de Oro: tesis doctoral. – Málaga, 2005.

4. Kukenheim L. Contribution à l'histoire de la grammaire italienne, espagnole et française à l'époque de la Renaissance: Thèse. – Amsterdam, 1932.

5. Lliteras M. Sobre la formación del corpus de autoridades en la gramática española // Historiografía Lingüística XXIV: ½. – Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 1997. – P. 57-72.

6. Lope Blanch J. M. La lingüística española del Siglo de Oro // Actas del VIII Congreso de la Asociación Internacional de Hispanistas. – Madrid: Ediciones Istmo, 1986. – Vol. 1. – P. 37-58.

7. Niederehe H.-J. Los ejemplos de la Gramática de la lengua castellana de Elio Antonio de Nebrija // Nebrija V Centenario: Actas del Congreso Internacional de Historiografía Lingüística. – Murcia: Universidad de Murcia, Secretariado de Publicaciones e Intercambio Científico, 1994. – Vol. I. – P. 413-423.

8. Padley G.A. Grammatical Theory in Western Europe, 1500-1700: Trends in Vernacular Grammar. II. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

9. Pérez Priego M.Á. El canon literario en las gramáticas castellanas del Renacimiento // Actas del Congreso Internacional sobre Humanismo y Renacimiento. – León: Universidad de León, 1998. – Vol. II. – P. 83-99.

Источники

10. Correas G. Arte grande de la lengua castellana (1626). – Madrid, 1903. – XXVI.

11. Corro A. The Spanish Grammer. – London: John VVolve, 1590.

12. Encarnacion D. Grammaire espagnolle, expliquée en françois. – Douay: Balthazar Bellere, 1624.

13. Franciosini L. Gramatica spagnola e italiana. – Venetia: Presso Giacomo Sarzina, 1624.

14. Gramatica dela Lengua Vulgar de España. – Lovaina: Impresso por Bartholomé Gravio, 1559.

15. Luna J. Arte breve y compediosa para aprender a leer, escribir, pronunciar y hablar la lengua Espanola. – Londres: Juan Guillermo, 1623.

16. Mevriér G. Conivgainsons, regles, et instrvctions, movt propres et necessairement reqvises, pour ceux qui defirent apprendre François, Italien, Espagnol, & Flamen. – Anvers: Chez Ian van Vvaelberghe, sur le Cemitiere nostre Dame, á l'écu de Flandres, sur le marché des Toyles, 1558. – Fol. 42.

17. Miranda G. Osservationi della lingua castigliana. – Vinegia: Appresso Gabriel Giolito de' Ferrari, 1567.

18. Nebrija Antonio de. Gramatica castellana. la ed. <princeps> de 1492 por P. Galindo Romeo y L. Ortiz Muñoz. Prólogo del Sr. D. J. Ibáñez Martín. – Madrid: Silverio Aguirre, Gráficas Reunidas, 1946. – XL.

19. Ovdin C. Grammaire espagnolle, mise et expliqvee en françois. – Paris: Chez Estienne Orry, ruë Saint Iacques, 1612.

20. Percyvall R. Bibliothecæ hispanicæ pars altera. – London: John Jackfon, 1591.

21. Villalon Cristobal de. Gramatica castellana. – Anvers: En cafa de Gillermo Simon, 1558.

22. Vtil, y breve institution, para aprender los principios, y fundamentos de la lengua Hespañola. – Lovanii: Ex officina Bartholomæi Grauii, 1555.

О роли калькирования при создании неологизмов в современном немецком языке (на материале неологизмов 90-х годов XX века)

В статье рассматривается роль калькирования в создании новых слов немецкого языка. На основе описания неологизмов 90-х годов, являющихся словообразовательными и семантическими кальками, а также полукальками, делается вывод о том, что роль внутреннего заимствования в настоящее время несущественна, что немецкий язык чаще заимствует англицизмы, которые интегрируются в систему немецкого языка, не подвергаясь процессу калькирования.

The article deals with the role of loan translation in the creation of new words in the German language. On the basis of describing neologisms of the 90s which are word-formative and semantic loan-translations as well as semi-loan-translations we can draw the conclusion that the role of internal borrowing is inconsiderable at the present time and that the German language tends to borrow anglicisms which are integrated into the system of the German language without undergoing loan-translation process.

Ключевые слова: неологизм, заимствование, калька, полукалька.

Key words: neologism, loanword, adoption, loan-translation, semi-loan-translation.

Одним из важнейших способов пополнения словарного состава языка является заимствование. В современной лингвистике принято различать два вида заимствованных слов: внешние и внутренние заимствования. Если внешние заимствования представляют собой прямые заимствования языковых единиц из другого языка, то внутреннее заимствование в лексике выражается в калькировании иноязычных слов.

Значительная роль внешнего заимствования в немецком языке (в настоящее время это почти исключительно заимствования из английского языка) в создании неологизмов очевидна. В лингвистической литературе, в которой описывается влияние английского языка на немецкий, отмечается, однако, что вначале предпринималась попытка перевода англицизмов, то есть их калькирования. Немецкий профессор Вольф Шнайдер в книге „Speak German! Warum Deutsch manchmal besser ist“ пишет о том, что, вопреки распространенному мнению, наступление англицизмов еще не началось в 1945 году. Несмотря на некоторые заимствования типа *Walkie-Talkie*, западные немцы предпочитали искать для новых английских слов немецкие соответствия: „Die Invasion der Anglizismen begann, einer verbreiteten Annahme zuwider, noch nicht 1945. Einzelne auffallende Wörter wie *Walkie-Talkie* wurden freudig aufgenommen – aber die Westdeutschen

hatten durchaus noch das Herz, für frisch ins Gespräch gekommene englische Begriffe nach deutschen Entsprechungen zu suchen“ [13, с. 141].

Целью данной статьи является описание роли внутреннего заимствования в создании неологизмов современного немецкого языка, то есть калькирования, а также рассмотрение зоны пересечения внешнего и внутреннего заимствования – образования полукалек.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью выявления роли калькирования в создании новых слов немецкого языка. В нашей работе мы исходили из тезиса о том, что современный немецкий язык заимствует англицизмы и почти полностью отказался от процесса калькирования: роль внутреннего заимствования в настоящее время несущественна.

Для этого нами были проанализированы неологизмы 90-х годов, которые включены в словарь *owid.de* на сайте Маннгеймского института немецкого языка. Эти слова представляют собой автономный, упорядоченный, системно организованный корпус единиц в лексической системе современного языка и особенно интересны как объект изучения неологизмов в отличие от лишь частично лексикографически зафиксированных неологизмов первого десятилетия XXI века. Поэтому именно неологизмы 90-х годов послужили материалом нашего исследования, позволяющим достичь поставленной цели работы.

Так как при описании процессов внутреннего заимствования используются термины калька и полукалька, рассмотрим, что в лингвистике принято понимать под этими терминами.

Под калькой в лексикологии понимают слово или выражение, строение (или значение) которого соответствует строению (или значению) слова или выражения другого языка, послужившего образцом. «Калька – образование нового фразеологизма, слова или нового значения слова путем буквального перевода соответствующей иноязычной языковой единицы» [1, с. 211]. Поэтому различают словообразовательные, семантические и фразеологические кальки: словообразовательные кальки представляют собой «поморфемный перевод иноязычного слова», семантическая калька – «заимствование переносного значения слова» и под фразеологической калькой понимают «пословный перевод фразеологизма». Разновидностью словообразовательной кальки является полукалька, «когда переводится только часть слова» [1, с. 211].

О. С. Ахманова дает следующее определение процессу калькирования: «Калькирование – образование новых слов или введение в язык новых способов синтаксического построения путем заимствования лексико-семантических и лексико-синтаксических моделей другого языка или языков и заполнение их морфемами данного языка» [2, с. 188]. А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский отмечают, что калька – это «результат последовательного и непоследовательного калькирования» [3, с. 224]. Э. Хауген, за-

нимающийся проблемой внешних и внутренних заимствований, различает наряду с прямым заимствованием и полной морфологической подстановкой также случаи частичной морфологической подстановки, гибридные образования, которые частично состоят из иноязычных элементов [9, с. 350-352]. Описывая процессы калькирования в русском языке, Л. П. Крысин также отмечает, что «словообразовательные кальки бывают полными, когда калькируется вся словообразовательная структура иноязычного слова ... и частичными, или полукальками, когда замене подвергается лишь часть словообразовательной структуры иноязычного образца» [5, с. 128].

Полукалька (гибрид, гибридное слово) в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой – «скрещенное слово, составленное из разноязычных элементов» [2, с. 98]. В Лексиконе Метцлера гибридное образование – это «сложная или производная лексема, составные части которой заимствованы из разных языков» [12, с. 252].

А. В. Щербакова использует термин «полукалька» для обозначения гибридных слов, составленных из немецких и английских элементов. «Такая гибридная лексика может выступать в виде сложных слов, в которых одна часть английской лексемы переведена на немецкий язык, а другая сохранена на языке оригинала» [10, с. 205].

В настоящее время в лингвистике существует широкое и узкое понимание процесса гибридизации. Широкое понимание сводится к тому, что сложное или производное слово включает в себя компоненты двух любых языков, узкое же понимание предполагает образование слов-гибридов на основе конкретного языка, когда в процессе гибридизации принимают участие автохтонный (исконный) и заимствованный / иноязычный элементы.

Неологизмы-кальки. В нашем корпусе неологизмов обнаружены два типа калек: словообразовательные и семантические.

Широко известна традиционная классификация словообразовательных калек, разработанная немецким лингвистом В. Бетцем. Словообразовательные кальки ученый делит на две группы: структурные кальки и кальки-образования [11].

Структурные кальки представляют собой поморфемный перевод иноязычного слова. Они подразделяются на такие, которые строго соответствуют объекту калькирования, т.е. *переводные кальки* (Lehnübersetzung): *Flaschenhals* с англ. *bottleneck*; и *кальки-толкования* (Lehnübertragung), которые менее точно воспроизводят иноязычное слово: *Wolkenkratzer* с англ. *skyscraper*. Если же словообразовательная калька является формально независимым от иноязычного слова новообразованием, то речь идет о *калке-образовании* (Lehnschöpfung): *Kontaktpflege* или *Meinungspflege* с англ. *public relation* [11].

Все исследуемые словообразовательные кальки являются структурными и в основном переводными, например: *herunterladen* «скачивать» –

калька с английского глагола *download*; слово *Suchmaschine* «поисковая система» образовано по аналогии с *Search Engine*. Но также встретились и кальки-толкования, например: *Leitseite* и *Startseite* «стартовая страница» – это кальки-толкования с английского слова *Homepage*. Первый компонент этих немецких слов неточно переводит первый компонент английского слова.

В словаре *owid.de* нами было выявлено, согласно соответствующим комментариям, например, *Autoteiler – Übersetzung von* (перевод) *Carsharer*, 5 полных словообразовательных калек (*Autoteiler – Carsharer*, *Autoteilen – Carsharing*, *Bezahlfernsehen* (и *Zahlfernsehen*) – *pay TV*, *herunterladen – downloaden*). Кроме того, у многих неологизмов в словаре отмечено, что данные слова тоже вполне могут быть кальками с англицизмов, например, *Flachbildschirm – flatscreen – плоский экран*. Таких слов в словаре 17 единиц. С нашей точки зрения, в качестве кальки можно также рассматривать сложные слова *Alles-inklusive-Reise* – англ. *all inclusive travel* «поездка по программе всё включено», *Datenautobahn* – англ. *information highway* «информационная магистраль» и *Hörbuch* – англ. *audiobook* «аудиокнига».

Дорис Штеффенс отмечает такую особенность немецкого языка, как тот факт, что некоторые переводы англицизмов употребляются наряду с заимствованиями, например: *globales Dorf* наряду с *Global Village*, *Bezahlfernsehen* наряду с *Pay-TV*, а глагол *herunterladen* более распространен, чем заимствование *downloaden*: „Die Neubedeutung *herunterladen* wird inzwischen wohl sogar häufiger gebraucht als das Lehnwort *downloaden* ...“ [14, с. 153].

Нами было проанализировано употребление в современном немецком языке заимствований и калек. Слова *Autoteiler* и *Carsharer* употребляются в языке практически одинаково (упоминаются в корпусе текстов *Cosmas 25* и *24* раза соответственно), слово *Carsharing* превосходит по употребительности *Autoteilen* (771 против 684), а заимствование *pay TV* встречается в несколько раз чаще, чем калька *Bezahlfernsehen* (2917 против 603).

Заимствованный глагол *downloaden* включен так же, как и калька *herunterladen*, в словарь неологизмов 90-х годов. Наш анализ примеров употребления в корпусе текстов *COSMAS* Маннгеймского Института немецкого языка показал, что немецкая калька *herunterladen* употребляется гораздо чаще, чем заимствование *downloaden*: 4706 раз против 654. На наш взгляд, большая употребительность кальки *herunterladen* связана с тем, что в немецком языке вызывает проблему образование форм английского глагола (ср. пример употребления данного глагола в прошедшем времени: *Ich habe das Programm gedownloadet oder downgeloadet*).

Кальки употребляются в немецком языке также наряду с полукальками, например, слово «*Inselhüpfen*», являющееся калькой с английского словосочетания *Island hopping* («краткосрочное посещение близлежащих островов или атоллов»), употребляется наряду с полукалькой *Inselhopping*.

Таким образом, словообразовательные кальки употребляются наряду с прямыми заимствованиями и полукальками. Но калек не так много, и они менее употребительны, чем прямые заимствования. Глагол *herunterladen* является в данном случае исключением.

Среди неологизмов можно отдельно выделить *кальки-устойчивые словосочетания* (немецкий термин *Lehnwendung*). В 90-е годы XX-го века калькируются не только слова, но и устойчивые словосочетания английского языка, например, *politische Korrektheit* (*political correctness*), *politisch korrekt* (*politically correct*), *globales Dorf* (*Global Village*), *elektronisches Buch* (*E-Book*), *goldener Handschlag* (*golden handshake*), *digitale Signatur* (*digital signature*).

Отдельную группу неологизмов составляют семантические кальки. Уточним, что семантическая калька – это новое значение, которое слово приобретает под влиянием другого языка, в нашем исследовании – английского.

Известные слова, которые приобрели новые значения, называют семантическими неологизмами. О новом значении слова («неосемеме», «неосемантизме», «семантической инновации», «переосмыслении», «новосемантизмах») речь идёт в том случае, если у лексемы к имеющейся семеме или семемам присоединяется новая (от существующей резко/четко отличающаяся) семема. Семантические неологизмы в отличие от неологизмов-новообразований также называют «относительными неологизмами», «неологизмами вхождения», они представляют собой либо «внутренние заимствования» – результат миграции языковых средств из одних сфер языка в другие или актуализации слов, известных в прошлом, либо заимствования из других языков, кальки и переводы [4, с. 331].

Современный немецкий язык активно пополняется не только новыми словами-англицизмами, но и новыми значениями, которые заимствуются из английского языка. Для 90-х годов характерна такая особенность, как появление нового значения, преимущественно, у заимствованных ранее англицизмов. Эти слова, будучи семантическими неологизмами 90-х, прошли в этот период стадию необычного, качественно нового употребления, а затем были усвоены говорящими и пишущими в новом значении.

Рассмотрим некоторые примеры из словаря *owid.de*.

Больше всего новых значений у существительных, это такие слова, как: *Avatar*, *Banner*, *Button*, *Cent*, *Format*, *Hotspot*, *Interview*. В этом списке только одно немецкое слово *Banner* («транспарант»). Под влиянием английского языка слово в последнее время употребляется в других значениях «рекламный щит, рекламное пространство», а в интернете – просто «рекламное объявление».

Слово из санскрита *Avatar*, изначально означавшее «воплощение одного из богов в материальном виде в индуизме», под влиянием английского языка вскоре стало широко использоваться в интернете как «картинка,

обозначающая человека на конкретном сайте». Латинизм *Format* приобрел соответствующие значения из английского языка – «структура данных» и «тип (формат) программы».

Остальные семантические неологизмы являются англицизмами. Англицизм, ставший интерлексемой, *Cent* «цент» (от лат. *centum*) после введения валютной единицы «евро» приобрел два значения: «евроцент» как единица валюты и значение монеты данного достоинства.

Широко распространенное в немецком языке слово-интерлексема *Interview* употреблялось в значении «разговор, предназначенный для публикации», но постепенно расширило значение и стало употребляться также в значении «собеседование». Также под влиянием английского языка расширилось значение заимствованного англицизма *Hotspot*: данное слово из области техники, обозначающее место, где можно осуществлять некоторые компьютерные операции, например, подключиться к сети Wi Fi, стало употребляться в значении «место или событие большой важности».

Многие однокоренные англицизмы вместе получают новые значения – *skaten, Skating* («катание на роликах»), часто это слова из области компьютерной лексики – *Surfer, surfen* («искать в интернете») или *Tag* («тэг»), *taggen* («устанавливать тэги»). Также из области компьютерной лексики английского языка пришли слова *offline* и *online* («подключенный и не подключенный к сети интернет»), значения которых продолжают обогащаться – например, онлайн – «в сети», «в режиме реального времени», «прямо сейчас», «посредством сайта» и так далее.

Новые значения встречаются и среди англоязычных прилагательных. Слово *sexu*, изначально означавшее «сексуальный», приобрело значение «привлекательный, занимательный» – *die sexy Physik, eine sexy Komödie, ein sexy Auto*. Это слово употребляется преимущественно в разговорной речи.

Новое значение по отношению к основному может быть метафорическим или метонимическим переносом, результатом расширения или сужения значения, а также семантическим сдвигом [6]. В наших примерах преобладает расширение значения (*Cent, Interview, Hotspot, online, offline*), но также встречается метафорический перенос (*Avatar, sexy*).

Итак, неологизмы-кальки 90-х годов – это преимущественно семантические кальки, в основном англицизмы с новым значением, а также словообразовательные кальки, т.е. такие, которые заполняются морфемами языка-реципиента.

В словаре неологизмов 90-х годов помимо новых исконно немецких слов и заимствований широко представлены полукальки, в основном это англо-немецкие смешанные образования. Нами выявлено 80 неологизмов-полукалек. Основным способом создания полукалек является гибридное словообразование: это словосложение (композиция) и словопроизводство, или деривация, которая включает суффиксацию и префиксацию. При этом интенсивность использования различных заимствованных и исконных элементов в гибридном словообразовании может быть различной.

В словосложении неологизмы-гибриды представляют собой комбинацию заимствованных и автохтонных основ. При этом заимствованным элементом в гибридных образованиях может выступать и первый, и второй компоненты. В нашем списке слов встретились 2 модели:

1) определитель – заимствованная основа + основное слово – автохтонная основа (*Digitalfernsehen, Internetseite* – полукальки с *digital tv, internet page*);

2) определитель – автохтонная основа + основное слово – заимствованная основа (*Doppelklick, Spielkonsole* – полукальки с *double click, game console*).

Большинство слов образовано без соединительных элементов, но встречаются и слова с соединительными элементами, как *Einkaufsmall (shopping mall), Konsolenspiel (console game)*.

Можно отметить, что английский компонент чаще всего занимает позицию определяющего компонента. Английский элемент может быть выражен отглагольным существительным (*Mobbingberatung*), прилагательным (*Digitalfernsehen*), аббревиатурой (*CD-Brenner*), целым выражением: *To-Do-Liste*.

Первый (немецкий) элемент чаще всего является существительным – как в единственном, так и множественном числе – *Ärzt hopping, Mausclick*. Но он может быть также выражен другой частью речи, например, прилагательным. – *Billigjob, Direktbanking*.

Поскольку все анализируемые нами сложные слова являются детерминативными композитами, это значит что заимствованные слова прежде всего выступают в качестве определяющего слова. Второй компонент сложного слова несет основное значение, и именно этот компонент переводится на немецкий, что делает все сложное слово более понятным. Написание некоторых слов-гибридов через дефис можно объяснить стремлением отделить знакомое от незнакомого (*MP3-Spieler*).

Полукальки – соединения заимствованных конфи́ксов с автохтонными существительными не являются типичными для неологизмов 90-х годов. Примером подобного композита с заимствованным конфи́ксом и автохтонной лексемой является слово *Telelernen*. Оно стоит в словаре рядом с заимствованием из английского языка *Telelearning*.

Неологизмами 90-х годов являются также прямые заимствования, с которых были образованы полукальки. Поэтому некоторые понятия представлены в двух вариантах: как заимствованное слово и как полукалька, например: *Beachvolleyball/Strandvolleyball, Bungeejumping /Bungeespringen, Chatroom /Chatraum, Chill-out-Room /Chill-out-Raum, Couchpotato /Couchkartoffel, Mousepad / Mauspad, MP3-Player/ MP3-Spieler, Newsgroup/Newsgruppe, Prepaidcard / Prepaidkarte, Telelearning / Telelernen, Webpage/ Webseite*.

Немецкое слово при этом является близким по звучанию англицизму. Ср.: англ *room* – нем. *Raum*, англ *mouse* – нем. *Maus* и др. С точки зрения М.Н. Озолиной, подобные единицы – исследователь приводит в пример слова *Sandwichmann (sandwichman)*, *Sportmann (sportman)* – представляют собой именно полукальки, «поскольку их образование заключается в смешении способов: формально неассимилированного заимствования и подстановки немецкой морфемы» [7, с 49].

Примечательно, что заимствованные слова гораздо более популярны, чем полукальки: анализируя корпус текстов COSMAS Маннгеймского Института немецкого языка, мы видим, что заимствованные слова встречаются гораздо чаще, например: *Bungeejumping* (173 упоминания) / *Bungeespringen* (62 упоминания), *MP3-Player* (2754 упоминания) / *MP3-Spieler* (294 упоминания). Только 2 слова-полукальки встречаются чаще, чем английские заимствования: *Prepaidkarte* – 40 упоминаний против 3 у *Prepaidcard* и *Webseite*, встречающееся 8239 раза, значительно опережает по частотности аналогичное *Webpage* (234).

Полукальки образуются с целью языковой экономии. Так, в гибридной единице *To-Do-Liste* английский элемент *To-Do* является синонимом для немецкого словосочетания *zu machen*. Однако в композите задействован английский элемент, поскольку результат такого сложения оказывается более экономным.

Отметим, что большое количество слов-гибридов принадлежит к области компьютерной техники и Интернет: *CD-Brenner*, *Chatraum*, *Domainname*, *Mauspad*, *Soundkarte* и другие.

Среди ключевых заимствованных элементов наиболее употребительны слова *Internet* и *Euro* (встретились по 5 раз), далее следуют такие единицы, как *Mobil-*, *Klick-*, *Online-*, *Chill-*.

Проанализировав данные слова, можно сделать вывод, что неологизмы-полукальки – продукты гибридного словообразования являются комбинацией автохтонных и заимствованных (англоязычных) элементов, при этом заимствованным элементом может быть как первый, так и второй компонент, первый – более часто.

К причинам создания слов на основе заимствованного (английского) и исконного (немецкого) элементов Н.Ю. Суворкина относит стремление пояснить смысл заимствованного элемента, чем объясняется присутствие исконного компонента в составе слова-гибрида. В некоторых случаях исконный компонент употребляется для обобщения значения, иногда происходит пояснение сложного наименования с участием англицизма [8, с. 158-161].

По мнению Н. Ю. Суворкиной, «...образование слов-гибридов представляет собой этап, способ интеграции англицизмов в систему языка-реципиента. Исконные компоненты таких композитов облегчают их освоение, их встраивание в систему принимающего их языка. В аспекте языко-

вого сознания новизна чужого иноязычного слова ‘снимается’ частично, если носителю языка-реципиента известны какие-либо структурные аналогии соответствующих обозначений, понятна словообразовательная форма, возможны ассоциации с ранее известными словами» [8, с. 151]. Как утверждает автор, речь идет «о функционировании англицизмов в языке-реципиенте поначалу как компонентов соединений гибридного типа, после чего они вступают в лексико-грамматические отношения с исконными словами в системе принимающего языка в изолированном виде» [там же].

Таким образом, полукальки занимают промежуточную позицию между сложным словом, являющимся прямым заимствованием и сложным словом, переведенным на немецкий язык – калькой. Переведенные кальки являются отражением высшей степени интеграции иноязычных слов. Их небольшое количество среди неологизмов – показатель того, что в современном немецком языке англицизмы не воспринимаются как нечто чужеродное.

Сравнивая соотношение словообразовательных и семантических калек, можно отметить, что количество семантических калек несколько превосходит количество словообразовательных: 38 против 22. Однако полукалек всё-таки больше, чем калек, их в словаре 81. При параллельном употреблении заимствований и калек предпочтение отдается заимствованиям. Общее количество прямых заимствований в словаре составляет более 40% всех неологизмов 90-х годов (388 слова из 936).

Подводя итог, можно сказать, что современный немецкий язык чаще заимствует англицизмы, которые интегрируются в систему немецкого языка, не подвергаясь процессу калькирования.

Список литературы

1. Арапова Н. С. Калька // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – изд. 3-е. М.: Комкнига, 2005.
3. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Немецко-русский и русско-немецкий словарь лингвистических терминов. – М.: АСТ – Пресс Школа, АСТ – Пресс Март, 2006.
4. Котелова Н. З. Неологизмы // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
5. Крысин Л. П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография. – М.: Академия, 2007.
6. Курасова Е. В. Семантические неологизмы общественно-политической сферы в русском языке новейшего периода. – Воронеж, 2006.
7. Озолина М. Н. Англо-немецкие гибридные образования экономической терминосистемы современного немецкого языка: дис. канд. фил. наук – М., 2008.
8. Суворкина Н. Ю. Сложные слова с компонентами-англицизмами в немецком и русском языках: автореф. дис. канд. фил. наук. – Орел, 2004.
9. Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике / под ред. В. Ю. Розенцвейга. – М.: Прогресс, 1972. – Вып. 6. – С. 344 – 382.

10. Щербакова А.В. Тенденции экономии и точности в современном немецком письменном языке. – Научное издание, Тамбов, 2001.
11. Betz W. Deutsch und Lateinisch. Die Lehnbildungen der althochdeutschen Benediktinerregel. Bonn: H Bouvier u. co. Verlag, 1949.
12. Metzler – Lexikon Sprache. Hrgs. Von H. Glück. – Stuttgart/Weimar: Verlag J.B. Metzler. 1993.
13. Schneider Wolf. Speak German! Warum Deutsch manchmal besser ist. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2009.
14. Steffens Doris: Von „Aquajogging“ bis „Zickenalarm“. Neuer Wortschatz im Deutschen seit den 90er Jahren im Spiegel des ersten größeren Neologismenwörterbuches // Der Sprachdienst 51. – H. 4, 2007. – S. 146-159.
15. www.owid.de
16. <https://cosmas2.ids-mannheim.de>

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ

УДК 81'1

З. З. Чанышева

Суггестивный эффект знаков лингвокультуры в медиакоммуникации

В статье рассмотрены психологические, языковые и дискурсивные аспекты суггестии. На примере знаков английской лингвокультуры показаны возможности их суггестивного влияния на массовое сознание. Субъективные смыслы актуализируются на уровне интеллектуальной, оценочной и идеологической коннотаций текста.

The article considers psychological, linguistic and discursive aspects of suggestion. Suggestive impact exerted on mass consciousness is analyzed on the basis of various signs of English lingua-culture. Subjective senses are explored with reference to intellectual, axiological and ideological implications of a text.

Ключевые слова: речевое воздействие, суггестия, коннотативные смыслы, политическая картина мира, знаки лингвокультуры, прецедентные явления, коллективное бессознательное.

Key words: speech impact, suggestion, connotative senses, political world view, signs of lingua-culture, precedent phenomena, collective unconscious.

Массовая коммуникация является сегодня, пожалуй, наиболее активной сферой, в которой внедряются новые и совершенствуются известные приёмы речевого воздействия на аудиторию, в первую очередь, инструменты управления интерпретацией и пониманием описываемых в СМИ событий и фактов. История изучения речевого воздействия, начавшаяся с интерпретации богословами священных текстов (нач. с 350 – 400 гг.), в настоящее время привела к разработке когнитивных концепций речевого воздействия, опирающихся на принцип онтологизации знаний, что означает «введение знания в модель мира человека», представляющую совокупность представлений об устройстве действительности в форме фактов, конкретных знаний и т.д., <...> и его усвоение – согласование с уже имеющимися знаниями» [2, с. 175]. Речевые технологии в массовой коммуникации всё активнее используют инструменты скрытого воздействия на общественное сознание, которые оказываются более эффективными по сравнению с приёмами, рассчитанными на откровенное навязывание мнений и оценок, могущее вызвать отторжение (см. об этом: Е.Л. Доценко, С.Г. Кара-Мурза, А.Н. Лебедев, Е. Лубяной, М.В. Никитин, K.S. Jonson-Cartee, B.G. Englis, R.J. Faber).

В основе речевого воздействия лежит модальная категория побудительности, реализующаяся через систему разнообразных вербальных и невербальных средств, используемых в целях убеждения, персуазивности, манипулирования сознанием, гипноза, суггестии. Очевидно, что в силу прагматической значимости манипуляция сознанием представляет собой основной технологический ресурс, обслуживающий власть, которая стремится сегодня избегать авторитарного общения с целевой аудиторией. Вместе с тем, реальная практика выявила узкие места стратегии манипулирования, которая рассчитана на объект манипулятивного воздействия, недооценивая личностные характеристики адресата (этнические, социокультурные, возрастные, профессиональные и др.).

Неудивительно поэтому, что в последнее время в политической коммуникации приобрели значительный вес технологии суггестии, не только преодолевающей недостатки манипуляции, но и проникающей в глубинные слои сферы коллективного бессознательного. Вот почему всё чаще применяют с этой целью знаки языка культуры, которые обладают мощным суггестивным потенциалом.

Понятие суггестии, внедрённое в научный оборот Б.В. Поршневым, обозначает «внушающую работу слова», связанную с суггестивной стадией второй сигнальной системы (по И.П. Павлову) [12, с. 424, 429]. Рассматривая суггестию как «первичную завязь общественных отношений», автор видит её цель в том, чтобы побудить «индивида делать что-либо, что не диктуется собственными сенсорными импульсами его организма, <...> что выходит за пределы имитативного поведения» [12, с. 429-430]. В этом подходе подчёркнуто основное свойство суггестии: воздействовать на личность, чтобы она принимала на веру то, что не вытекает из её собственного эмпирического опыта.

Современные исследователи считают суггестию глобальной политической стратегией, которая является оптимальным средством эмоционального воздействия на аудиторию, побуждения к определённым действиям и в целом формирования и изменения политической картины адресата. Е.Т. Юданова определяет суггестивный политический текст как такой текст, «доминирующей коммуникативной функцией которого является коррекция социально-политической установки адресата» [17, с 5]. По наблюдениям А. Борисова, в политическом дискурсе можно вызвать широкий спектр воздействий: от ощущений, представлений до эмоциональных состояний и волевых побуждений [4]. При этом главным условием успешности стратегии внушения является такой способ подачи информации, когда она воспринимается без критической оценки, на уровне бессознательного присвоения, в результате чего речевое воздействие происходит «без достаточных логических оснований» [15].

Обсуждение проблем суггестии предполагает обращение к трём составляющим данного явления: психологической, языковой и дискурсивной, образующим данный вид речевого общения.

Психологическая природа суггестии как внушения основана на некоей энергии слова / текста, которая воздействует на сознание и в значительной мере на коллективное бессознательное, когда информация воспринимается как отвечающая глубинным ожиданиям и настроению адресата и, следовательно, не требует сознательной полемики. Одним из первых учёных в отечественной философии был П. Флоренский, обративший внимание на магическую силу слова, способного оказывать глубокое воздействие на человека. В своём труде «У водоразделов мысли» учёный разрабатывает идею синергетичности слова, в смысловых прослойках которого «хранятся неисчерпаемые залежи энергий, отлагавшихся тут веками и истекавших из миллионов уст», которые «содержат черты, подобные психическим и подобные физическим» [14]. Роберт Дилтс, отталкиваясь от идей З. Фрейда о том, что «слова вызывают эмоции и в целом являются средством, с помощью которого мы оказываем влияние на наших ближних» [15, с. 291-292], приходит к принципиальному выводу, что под воздействием слов мы строим наши внутренние модели мира. Он отражает фундаментальные различия между нашими «картами мира» и самим миром, в результате принятия «второй позиции», что означает «установление связей с взглядами, убеждениями и допущениями другого человека, а также восприятие идей и событий на основе его модели мира» [5, с 75].

В центре внимания лингвистов в последние годы чаще оказывались приёмы и инструменты суггестии, используемые в разных жанрах политической коммуникации, характеризующихся идеологической модальностью. Исследователи манипуляции перечисляют такие приёмы воздействия, как передача ложной информации с целью подчинения себе и своей воле другого человека ради собственной выгоды, использование явных и неявных средств манипулирования сознанием и т.д. В условиях суггестивного воздействия установка на речевой эффект приобретает несколько иной по сравнению с манипуляцией характер, который диктует природа суггестии. В традиционных определениях суггестии (принятых в психологии, психотерапии, медицине и др.) отмечается то качество, которое положено в основу его понимания и в лингвистической суггестии: это «словесное воздействие, воспринимаемое без критики», и шире – передача информации «безречевым путём» (мимикой, жестами, интонацией, всем внешним обликом говорящего) (см. обзор в [16]). Наиболее популярным является определение М. Р. Желтухиной, исследующей влияние суггестии на формирование политического сознания: «суггестия (лат. *suggestio* – внушение) понимается как процесс воздействия на психику адресата, на его чувства, волю и разум, связанный со снижением сознательности, аналитичности и критичности при восприятии внушаемой информации» [8, с. 308]. Очевид-

но, что внушение будет успешным, если в ходе коммуникации устанавливается доверительный контакт, обеспечивающий эмоциональную основу воздействия. Это сродни «заразительности», электризации толпы, которую увлекает своей речью оратор, когда достаточно засмеяться одному, и он заражает своим смехом всех остальных [13]. Таким образом, как утверждает Р. Барт, присутствие эмпирической личности предполагает как обязательное условие «эмпатическое вчувствование», «вживание» в текст [3, с. 373]. Идеология, представляющая основную характеристику массмедийного текста, призвана создать «картину мира», которая преследует цель сублимирующего оправдания конкретных интересов [10, с. 12].

В наиболее полном виде основные положения суггестивной лингвистики изложены Л. Н. Мурзиным и сводятся к тому, что (1) язык в целом следует рассматривать как суггестивную систему; (2) суггестивную лингвистику следует квалифицировать как междисциплинарную науку; (3) компоненты текста, как вербальные, так и невербальные, выступают как средства суггестии; (4) суггестивная лингвистика изучает процессы суггестии в динамике; (5) объектами исследования являются суггестор и суггестант, взаимодействующие друг с другом посредством механизмов внушения, корпус текстов или приёмов, обеспечивающих целенаправленное, эффективное воздействие [11].

В лингвистической экспертизе текста А. Н. Баранов, анализируя языковые механизмы речевого воздействия, исходит из принципа вариативности интерпретации действительности. Можно предположить, что данный принцип вариативности имеет универсальную значимость в медиакommunikации, следовательно, он позволяет говорящему (пишущему) сознательно отбирать такие варианты описания, которые обладают наибольшей суггестивной силой. На самом деле, по наблюдениям исследователей, единицы всех уровней языка способны участвовать в создании суггестивных текстов или текстов, обладающих суггестивной силой. Интересный пример рекламы приводит Р. Барт, в котором суггестивный эффект создаётся фонематическими составляющими имени фирмы *Пандзани*, в котором необходимый коннотативный смысл (рекламируемые макароны якобы итальянского производства) вытекает из звучания слова («дз» и «и» в конце слова).

Дискурсивные основания исследования суггестивного воздействия связаны с установлением стратегий, тактик и риторических приёмов, используемых для достижения данной цели. В исследованиях М.Р. Желтухиной [6; 7; 8] показано суггестивное воздействие языка на политическое сознание, которое «стереотипизируется, автоматизируется, авторитаризируется, рутинизируется» [7, с. 38]. Автор разрабатывает продуктивные когнитивные методы анализа, учитывающие факторы адресата и адресанта. Вероятно, объектом суггестивного воздействия, в первую очередь, являются политические ценности и идеология в структуре сознания, что

побуждает рассмотреть средства, вызывающие эмпатию как необходимое предусловие внушения. Роль знаков лингвокультуры не исследована на предмет выявления их суггестивного потенциала, связанного с созданием, закреплением или изменением установки, понимаемой как «ценностная диспозиция, устойчивая предрасположенность к определённой оценке, основанная на когнициях, аффективных реакциях, поведенческих намерениях (интенциях)» [16]. Между тем именно отсылки в тексте на явления (события, персоналии, предметы, символы, ситуации и т.д.), закрепившиеся в культурной памяти нации, раздвигают границы анализируемого текста, позволяя осуществлять интерпретацию создаваемых в нём смыслов в интердискурсивном пространстве [8].

Анализ разных видов культурных знаков может быть направлен на установление их роли в качестве суггестивных средств, участвующих в создании интеллектуальной, оценочной и идеологической составляющих текста на фоне мощного эмоционального воздействия. Об уникальном свойстве языка лингвокультуры пишет Н. Ф. Алефиренко, отмечая на примере символа его способность «передавать весь спектр магической силы», затрагивать «аффективную сферу человеческого естества», его обращённость к «неосознаваемым глубинам человеческой души» [1]. Учитывая эмоционально-интеллектуальную природу знаков лингвокультуры, можно предположить, что суггестивным свойством обладают не только символы, но и в другие единицы языка и кодов культуры, в которых закрепляются ценностно-культурные смыслы. Очевидно, что именно через коды культуры мы входим «в непредметный мир смысловых отношений» <...>, открываем для себя смыслы, «живущие в бессознательных глубинах души и объединяющие людей в единое этнокультурное сообщество» [1, с. 189]. Так, например, одним из центральных идеологических императивов в речи Барака Обамы, обращённой к ветеранам войн (*Remarks on the Veterans Jobs Corps*), является тоpos патриотизма, отвечающий потребности безопасности и защищённости, которую принято связывать с архетипом оборонного сознания, “*Every American who serves joins an unbroken line of heroes that stretches from Lexington to Gettysburg; from Iwo Jima to Inchon; from Khe Sanh to Kandahar – Americans who have fought to see that the lives of our children are better than our own. Our troops are the steel in our ship of state*”. В условиях кризисной коммуникации данный тоpos выражается в идее мобилизации сил и консолидации общества для преодоления экономических, финансовых и проч. трудностей, “*We need an economy that is built to last, that is built on American manufacturing, and American know-how, and American-made energy, and skills for American workers, and the renewal of American values of hard work and fair play and shared responsibility. These are not Democratic values or Republican values. These are American values”.*

Суггестия интеллектуального плана основана на укоренившихся стереотипах, которые исторически закрепляются и актуализируются вновь в массовом сознании в новом историческом контексте. Они могут использоваться в качестве культурноразделяемых пресуппозиций, вводящих скрытое утверждение. Так в статье, посвящённой критике позиции России по поводу санкций Совбеза ООН против Сирии, внушаются якобы разделяемые всеми мысли о политических интересах русских в этом регионе, квалифицируемые автором как неизменные со времен холодной войны, “*Despite the end of the Cold War, Moscow’s ties to Damascus also remain a bargaining chip in relations with the United States. The Middle East and North Africa Department in the Russian Ministry of Foreign Affairs remains a bastion of old Arabists, many of whom continue to view the region through the prism of a strategic rivalry with Washington*”. Цепочка единиц, обладающих идеологической модальностью (*bargaining chip, bastion of old Arabists, strategic rivalry*), актуализирует неодобрительное отношение автора статьи к проводимой Москвой политике на Ближнем Востоке и Северной Африке. Эта модальность обладает значительной суггестивной силой, подавляющей критическое восприятие информации благодаря простому повтору единиц, создающих иллюзию преемственности критикуемой политики в этом регионе (*ties also remain, remains a bastion, continues to view*). В данном случае суггестивный потенциал выражения *old Arabists* определяется отрицательным контекстом, актуализирующим смысл *encouraging a policy of appeasement of a ruthless dictator*, хотя в другом окружении данное выражение способно реализовать иной – положительный смысл (*working most of the time in or on the Middle East, an expert in Arabic language and literature*). Помимо подчёркнутых в примере прецедентных явлений автор далее приводит для усиления обвинительного тона выдержку из речи В. В. Путина на конференции по безопасности в Мюнхене, которая на Западе в определённых кругах получила резко отрицательную оценку, выдаваемую автором за объективное мнение, подкреплённое вырванной из контекста цитатой с жёсткой формулировкой антиамериканской позиции, “*As then-Russian President Vladimir Putin argued in a notorious speech at the 2007 Munich Security Conference, the U.S. was promoting “an almost uncontained hyper use of force...that is plunging the world into an abyss of permanent conflicts*”. Внушаемая оценка данной речи (*notorious – known or famous for some bad quality or deed*) обладает мощной суггестией особенно для лиц, не знакомых с полным текстом выступления российского президента.

Анализ материала свидетельствует о дипластичности форм суггестивного раздражения, которое является выражением базовой для человеческих отношений категории: «мы» /«они» [12]. Приведём в качестве примера выражение *the Arab Spring*, которое в последние годы практически приобрело силу символа и способно актуализировать

диаметрально противоположные смыслы в зависимости от того, кто им пользуется. В 2005 году, возникнув в политическом языке в контексте событий, связанных с операцией *Operation Iraqi Freedom* («Свобода Ираку» (2003-2004 гг.)), оно знаменовало возникновение в этом регионе дружественно настроенных к Западу демократий. В 2010 году выражение стало символом демократических революций и выступлений, которые прокатились по арабским странам (Тунис, Египет, Ливия, Йемен, Бахрейн, Сирия и др.). В следующем примере автор внушает мысль об ослаблении позиций Москвы в регионе, которой якобы приходится выбирать позицию между поддержкой ЛАГ или Сирии, *“By bucking the Arab League on Syria, Moscow is jeopardizing its relations with governments across the Middle East, which since the Arab Spring are increasingly responsive to public opinion”*. В другой англоязычной статье, посвящённой ситуации в регионе, данное выражение внушает позитивный смысл (*the Arab Spring appears to be entering a hopeful stage*), когда события принимают, с точки зрения автора, желательный оборот после внесудебной казни полковника Каддафи («кровавого палача и военного преступника»), которую якобы приняли в мире с понятным ликованием и радостью (*“The extra-judicial execution of Colonel Gaddafi has been greeted with international elation, and understandably so. There was very little to be said in favour of that gnarled torturer and war criminal”*). Автор ещё одной статьи, уподобляя Арабскую весну Европейской весне 1989 года (*Europe an Spring*), приведшей, по мнению автора, к развалу СССР два года спустя, внушает в условиях тупиковой ситуации в регионе тревожную мысль о превращении её в «зиму недовольства» (*winter of discontent*). Последнее вызывает в сознании не только ассоциации с цитатой из «Ричарда III» Шекспира, но и проводит параллель с событиями не столь отдалёнными (выступления английских рабочих зимой 1978-79 гг., недовольных лейбористским правительством, приведшие к победе консерваторов во главе с М. Тэтчер). На фоне того клубка проблем, в который сплелись религиозные, политические, идеологические и прочие распри и противоречия, осложнённые непрекращающимися актами терроризма, вполне объяснима сила воздействия появившихся в последние дни сочетаний этого ряда (*Islamist / Muslim / an EU / Al-Qaeda / Chinese / Syria’s long / Ukranian Winter / Arab Spring, Fall and Winter, etc*).

Таким образом, знаки лингвокультуры, используемые в тексте в качестве средств суггестии, актуализируют в общественном сознании коннотативные смыслы на разных глубинах сознания, а также на подсознательном уровне, включая архетипические образы и ассоциации в пространстве коллективного бессознательного, а наличие в их содержании культурно-ценностной составляющей создаёт возможность игры на эмоциях адресата, которая обеспечивает благодаря подавлению воли адресата восприятие им внушаемой интеллектуальной, оценочной и идеологической информации.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2010.
2. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учебное пособие. – изд. 2-е. – М.: Флинта: Наука, 2009.
3. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989.
4. Борисов А. Лингвистические особенности суггестивного политического дискурса (на примере выступлений президентов Дж. Буша и Ф. Рузвельта): автореф... дис. канд. филол. наук. – Омск, 2006.
5. Дилтс Р. Фокусы языка. Изменение убеждений с помощью НЛП. – СПб.: Питер, 2001.
6. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса. О проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ. Монография. – М.: ИЯ РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003.
7. Желтухина М. Р. Политический и масс-медиаальный дискурсы: воздействие – восприятие – интерпретация // Язык, сознание, коммуникация. Сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2003. – С. 38-52.
8. Желтухина М. Р. Политическое сознание и суггестивность // PR-технологии в информационном обществе: мат-лы IV Всерос. науч.-практ. конф. – Санкт-Петербург, 30-31 марта 2007 г. – СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2007. – Ч. I. – С. 304-314.
9. Иванова С. В., Чанышева З. З. Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения. Монография. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010.
10. Косиков Г. К. Вступит статья // Р. Барт S/Z. Пер. с фр. / под ред. Г.К. Косикова. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 8-29.
11. Мурзин Л. Н. О суггестивно-магической функции языка // Фатическое поле языка: памяти проф. Л. Н. Мурзина. – Пермь, 1998. – С. 108-114.
12. Поршнева Б. Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии) / науч. ред. О.Т. Вите. – СПб.: Алетейя, 2007.
13. Почепцов Г. Г. История русской семиотики до и после 1917 года. Учебно-справочное издание. – М.: Лабиринт, 1998.
14. Флоренский П. У водоразделов мысли – М.: Правда, 1990 (Приложение к журналу «Вопросы философии»).
15. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я. – [Электронный ресурс]: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/freud/001.htm>
16. Черепанова И. Ю. Дом колдуньи. Язык творческого Бессознательного. – М.: КСП+, 1999.
17. Юданова Е. Т. Суггестивная функция языковых средств англоязычного политического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2003.

Источники

18. <http://www.telegraph.co.uk>
19. [Http://www.dailymail.co.uk./news/article](http://www.dailymail.co.uk./news/article)
20. <http://washingtonpost.com/world>
21. <http://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-and-remarks>.

**Когнитивно-функциональная модель дискурсных маркеров
(на примере английского языка)**

В статье подводятся итоги исследования проблемы разработки когнитивно-функциональной модели дискурсных маркеров в русле новой когнитивно-дискурсивной парадигмы научных знаний, центральным понятием которой является дискурс как вербально-опосредованная деятельность, заданная определенной коммуникативно-когнитивной задачей.

In the article the author draws conclusions based on the research of the problem of creating a cognitive-functional model of discourse markers as a part of the new cognitive-discursive paradigm of scientific knowledge which is built around the notion of discourse as a verbally mediated activity set with a specific communicative and cognitive goal.

Ключевые слова: дискурс, дискурсный маркер, разговорный анализ, когнитивный подход, модель.

Key words: discourse, discourse marker, conversational analysis, cognitive approach, model.

Современное состояние развития лингвистики характеризуется расширением антропологических подходов к изучению различных языковых явлений. Распространение в области гуманитарных наук такого перспективного направления, как когнитивно-дискурсивная парадигма научных знаний, позволяет дополнить трактовку речевой коммуникации, традиционно осуществляемую на основе информационно-кодовой модели коммуникации, дискурсивным описанием на основе интеракциональной коммуникативной модели.

На значимость новой когнитивно-дискурсивной парадигмы указывает тот факт, что сегодня социальные науки все чаще обращаются к языку и дискурсу как методологическому базису науки. Новая парадигма стоит на новой онтологии социально-психологического, гуманитарного мира, которая противопоставляется традиционной онтологии материального, физического мира.

В онтологии когнитивно-дискурсивной парадигмы роль сущностей выполняет дискурс. Т. А. ван Дейк, которому в современном языкознании принадлежит приоритет в описании и исследовании дискурса, отмечает, что «если в 60-70-е годы дискурс понимался как связная последовательность предложений или речевых актов, то с позиции современных подходов дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее кроме

текста еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [4, с. 8].

Таким образом, определение дискурса как термина лингвистики текста вышло за пределы текста, или отрезка текста, и стало включать в себя перечисление условий, в которых этот текст актуализируется. Все эти обстоятельства всплывают и при восприятии дискурса, в связи с чем в модель понимания дискурса естественно вписывается и модель его когнитивной обработки. В дискурсе отражается сложная иерархия различных знаний, необходимых как при его порождении, так и при его восприятии. И в тех, и в других процессах наблюдаются особые стратегии отбора наиболее значимой информации, релевантной в данном контексте и для данных коммуникантов.

Вместе с тем следует отметить, что до сих пор многомерное и комплексное понятие дискурса, достаточно долго существующее в науке, вызывает много дискуссий и требует широкого обзора. Комплексное понимание дискурса представлено в работах отечественных ученых Н.Д. Арутюновой, Ю.С. Степанова, Е.С. Кубряковой, В.В. Красных, М.Л. Макарова, В.И. Карасика, М.Ю. Олешкова, И.Т. Касавина, Ю.Е. Прохорова, В.Е. Чернявской и в публикациях зарубежных исследователей М. Фуко, Д. Кристала, Р. Водака, ван Дейка, Д. Шифрин, П. Сериио и др.

В рамках когнитивного подхода дискурс понимается как способ организации информации (как языковой, так и внеязыковой) в вербальной форме текста для обмена и передачи информации на основе концептуальных представлений пользователя языка. Рассмотрение текста в рамках когнитивного подхода включает его в иерархию составляющих дискурса, которые объединены прагматическим намерением автора в пределах конкретной речевой ситуации. Звеном между действительностью и текстом, в котором она отражена, является процесс, происходящий в сознании, когда работа языкового сознания представляет собой, по сути, свернутый когнитивный аспект текста, а выражение средствами языка предметного содержания является коммуникативным аспектом [7, с. 7-25].

Необходимо отметить, что дискурс реально существует не в виде своей «грамматики» и своего «лексикона», а, главным образом, в текстах (речи), но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила. Как справедливо отмечает Ю. С. Степанов, каждый дискурс – это один из «возможных миров» и «само явление дискурса, его возможность, и есть доказательство тезиса «Язык – есть дом духа» и, в известной мере, тезиса «Язык – есть дом бытия»» [11, с. 26].

Дискурс устной речи как процесс живого вербализуемого общения существенно отличается от канонической письменной речи, а потому сам факт наличия в системе языка того или иного элемента или явления, как в случае с появлением и функционированием дискурсных маркеров в речи,

не только делает его релевантным для языковой картины мира, но и требует анализа когнитивной логики, приведшей к его появлению в системе.

В 70-х годах прошлого столетия в рамках этнометодологии, разработанной социологом Х. Гарфинкелом (Garfinkel), возникло новое широкое направление – конверсационный анализ (conversational analysis), направленный на эмпирический анализ разговоров [14, с. 696-735].

На разных этапах в рамках конверсационного анализа исследовались: речевые ходы (move) участников речевого взаимодействия; переход (turn) от одной смены коммуникативных ролей к другой (turn taking); границы отдельного речевого вклада (move), установленные на основе формальных критериев (паузы, синтаксические конструкции, сигнализирующие возможность очередной смены ролей), и функциональных критериев (совершение как минимум одного коммуникативного хода); зависимость особенностей речевых ходов от этнокультурных, возрастных факторов и типа дискурса; разрабатывались теории последовательности речевых ходов, теории маркированности / немаркированности оптимального хода и теории преимущественного права на определенный речевой ход. Особое внимание уделялось конверсационным словам: сигналам членения, сигналам обратной связи и междометиям, которые в англо-американской традиции называются маркерами дискурса [12, с. 130-138]. Таким образом, в рамках теории дискурса, как его составная часть, сформировалась теория дискурсных маркеров.

Проблемами употребления дискурсных маркеров в разговорной речи в большей степени занимались зарубежные лингвисты, главным образом, немецкие и французские, посвятившие свои исследования повседневной, обиходной речи (Östman 1995; Foolen 1996; Fraser 1999; Schourup 1999) в исследованиях различных языков (Gülich 1970; Roulet et al. 1987; Schourup 1985; Warner 1985; Schiffrin 1987; Blakemore 1988; Brinton 1996; Fraser 1988; Hansen 1998; Jucker, Ziv 1998).

Из российских ученых Л. В. Правикова не так давно систематизировала имеющиеся традиции дискурсивного теоретизирования в части использования дискурсных маркеров, отметив, что «эти маленькие функциональные единицы фигурируют под различными названиями: дискурсные маркеры (Schiffrin 1987; Fraser 1990, 1996; Hansen 1998; Jucker, Ziv 1998), дискурсные частицы (Schourup 1985; Abraham 1991; Kroon 1995), дискурсные коннективы (He, Yongpin 1999; Higashimori 1996; Rouchota 1996; Unger 1996), дискурсные операторы (Redeker 1991), дискурсные слова/mots du discours (Ducrot et al. 1980), прагматические маркеры (Brinton 1996; Andersen 2000), прагматические частицы (Östman 1981), прагматические выражения (Erman 1987), прагматические коннекторы/connecteurs pragmatique (Roulet et al. 1987; Gutt 1988; Enico 1995), коннективы (Blakemore 1987a), частицы высказывания/particules énonciatives (Fernandes 1994), семантические ограничители на релевантность (Blakemore 1987a), мета-

лингвистические операторы (Nyan 1998), пункторы (Vincent, Sankoff 1992), сигналы сегментации текста/Gliederungssignale (Gülich 1970) и др.» [9, с. 24].

В рамках интересующего нас когнитивного подхода дискурсные маркеры исследуются с позиций «человеческого фактора» и когнитивной деятельности (восприятия, использования, хранения и продуцирования информации). При этом основной идеей, объединяющей исследования по когнитивной лингвистике, является мысль о том, что человеческие знания организуются при помощи неких когнитивных моделей, а категориальные структуры и прототипы являются следствием такой организации наших знаний [13, с. 68].

Когнитивная модель представляет собой когнитивный коррелят некоторого фрагмента мира, который именуется ситуацией, то есть о том, что происходит в уме человека, когда он является наблюдателем или участником такой ситуации. Важным инструментом порождения такой модели ситуации является высказывание как приближенная к реальности вербализованная модель познавательных операций мыслящего и говорящего субъекта. Таким образом, высказывание может быть рассмотрено с новых позиций: как минимальный достаточный контекст, который позволяет по своей внешней форме реконструировать лингвокогнитивную ситуацию.

Так как когнитивный багаж носителя языка находит языковое выражение лишь в процессе порождения высказывания, то, следовательно, адекватный анализ человеческих когниций, составляющий одну из важнейших задач гуманитарной парадигмы современной лингвистики, должен осуществляться с позиции функционально-ориентированной лингвистики, рассматривающей сферу языковой коммуникации, то есть язык в действии. В конце XX века данный подход приобрел широкую популярность в связи с невозможностью объяснения процесса функционирования языка с позиции имманентной / структурной лингвистики.

Принцип функционализма, по утверждению М. Л. Макарова, исходит из понимания языка как «системы знаков, которая служит и используется для достижения каких-либо целей, выполнения каких-то функций» [9, с. 84]. Очевидно, что эти цели и функции являются релевантными лишь по отношению к говорящему и слушающему, то есть субъектам коммуникации. Это позволяет говорить о том, что общая тенденция к пересмотру философско-онтологических оснований лингвистической науки обусловлены, в первую очередь, вниманием к человеческому фактору, субъективному началу коммуникации.

Таким образом, присущий когнитивной семантике и коммуникативной лингвистике динамический взгляд на язык обогатил систему лингвистических терминов новыми понятиями, центральным из которых явился

дискурс как вербально-опосредованная деятельность, заданная определенной коммуникативно-когнитивной задачей.

На основе того, что дискурс создается в определенной ситуации, а участники обладают различными социальными ролями и установками, В.И. Карасик выделяет два типа дискурса: персональный и институциональный. Институциональный, или статусно-ориентированный, дискурс представляет собой общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений и определяется на основании двух признаков: цель и участники общения [5, с. 5-19].

По определению, данному в лингвистическом энциклопедическом словаре, дискурс – это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте..., речь, погруженная в жизнь» [8, с. 136-137]. По мнению М. И. Кожиной, в числе экстралингвистических факторов следует рассматривать «совокупность когнитивных, коммуникативных и социокультурных факторов» [6, с. 34].

Итак, когнитивный подход является интересным аспектом современных дискурсных исследований. Изучая различные типы существования дискурса, исследователи фактически изучают текст. Сами тексты начинают трактоваться как источники сведений, выходящих за пределы их языкового содержания, выступают как источники данных об особых ментальных мирах. Следовательно, анализ дискурса представляет собой анализ таких текстов, которые имеют особые качества и свойства. В рамках когнитивного подхода «объяснительный» характер когнитивной лингвистики позволяет взглянуть на многие языковые явления совершенно по-новому. Так, установлено, что дискурсные маркеры в коммуникативном дискурсе выполняют особые когнитивно-дискурсивные функции: выявляют на поверхностном уровне новизну и предсказуемость получаемой информации, накладывают прагматические ограничения на выбор слушающим интерпретаций сообщения, выдвигают на передний план актуальную информацию, проводят семантическое «загружение» информации в целом [10, с. 23] и др. Играя важную роль в определении логико-семантических и диалектических связей дискурса, маркеры являются «функциональными координатами дискурса» [15, с. 23], связывая в определенной точке три основных дискурсивных «вектора»: 1) вербальные и ситуационные контексты в их формальном и содержательном плане [2, с. 6], 2) модально-диктальные установки участника общения [1, с. 2-3] и 3) цели участника диалогического общения [3, с. 63].

В проведенном исследовании выявлено, что, поскольку дискурсные маркеры имеют отношение к модально-диктальной установке диалогического дискурса, то они обладают семантикой когнитивно-дискурсивных функций и могут быть объединены в функциональные слоты. Каждый слот позволяет участнику коммуникации осуществлять выбор из определенного

набора разных маркеров, отличающихся структурно-языковой семантикой и своими иллокутивными возможностями.

С когнитивной точки зрения интересным исследованием является также вопрос о том, какие ассоциации и какие типы модификационных значений возникают в сознании человека при употреблении в речи дискурсных маркеров. Поясним это на примере фокусных маркеров английского языка.

Фокусные маркеры – это экспоненты фокусной структуры высказывания, связанные с определенным его компонентом, являющимся фокусом действия частицы. Значение высказывания в русле представлений современных теорий информационной структуры распадается на два блока: основной информационный блок, связанный с фокусом высказывания (*focus*), и дополнительный блок, соотносящийся с остальной частью значения высказывания (*background*). Фокусные маркеры, являясь экспонентами фокусной структуры высказывания, связаны с определенным его блоком, являющимся фокусом действия дискурсного маркера. Фокус маркера соотносит ценность сформулированного высказывания с набором возможных альтернатив [10, с. 28].

Например, функциональный слот фокуса высказывания может содержать следующие дискурсные маркеры английского языка: *like, also, too, even, only, just*. Объединяющим началом всех перечисленных маркеров является их принадлежность к единой теоретической парадигме – теории информационной структуры – и выполняемая ими в коммуникативном общении когнитивно-дискурсивная функция – информационный фокус матричного высказывания. Различием является их грамматический статус и иллокутивные возможности.

Так, известно, что слово *like* в английском языке имеет множество стандартных значений, зафиксированных в словаре, и может иметь в предложении грамматический статус существительного, глагола, прилагательного, наречия, союза. Проведенное исследование позволило установить, что появление дискурсного маркера *like* является следствием процессов десемантизации и деграмматизации слова *like*.

Проанализируем следующие примеры употребления дискурсного маркера *like* в функции фокуса высказывания.

а) *Chris is going to travel to Moscow with his parents. And all they're gonna do is travel around Moscow and, like, sightsee* (Из разг. речи). Крис вместе с родителями собирается совершить путешествие в Москву. Единственное, что они хотят – это походить по Москве и *<like>* ознакомиться с ее достопримечательностями.

б) *It's supposed to be beautiful up there. Another friend of mine went up there and said he saw, like, the most beautiful trees in the world* (Из разг. речи). Вероятно там очень красиво. Один из моих друзей бывал там и говорил, что видел *<like>* самые красивые деревья в мире.

в) Please, make a copy of these documents. I'll need them on *like* a really good quality paper (Из разг. речи). Пожалуйста, сделайте копии этих документов. Мне они нужны на *<like>* самой качественной бумаге.

г) From their diaries you can tell a lot about their *like personalities* (Из разг. речи). Из их дневников вы сможете многое узнать об их *<like>* характерах.

д) She got a research grant from, *like*, the government (Из разг. речи). Она получила грант на исследования от *<like>* правительства.

е) I guess this movie is really long, *like*, a few hundred series long (Из разг. речи). Я полагаю, что этот фильм очень длинный *<like>*, длиной в несколько сот серий.

Каждый из приведенных выше примеров состоит из двух высказываний. В примерах а), б) и в) с помощью дискурсного маркера *like* в предложение вводится новая информация, которая не упоминалась в первом предложении.

В примерах г), д) и е) дискурсный маркер *like* отмечает наиболее значимую информацию, на которой говорящий хотел бы сделать особый акцент. Как правило, в устной разговорной речи за словом *like* следует короткая пауза, дополнительно акцентирующая важность последующей информации.

Дискурсный маркер *like* в данной функции может также являться составной частью выражения «*it's like*». В таком случае *like* может выделять одно из предложений, входящих в состав сложного предложения. Например:

ж) I wake up, and *it's like* no one's at home (Из разг. речи). Я просыпаюсь и *<it's like>* никого нет дома.

з) I went to the club, and *it's like* I had this feeling that something was wrong, that no one is going to be there (Из разг. речи). Я пошел в клуб и *<it's like>* почувствовал, что что-то не так, что никто не придет.

Таким образом, проанализировав примеры употребления дискурсного маркера *like*, можно описать его когнитивно-функциональную модель следующим образом.

Дискурсный маркер *like* 1) в дискурсивной функции информационного фокуса матричного высказывания входит в 2) функциональный слот фокуса высказывания, содержащий дискурсные маркеры английского языка *like, also, too, even, only, just*; 3) имеет статус дискурсного слова; 4) обладает иллюкутивными возможностями: (а) направляет внимание на контекст (лингвистическую / нелингвистическую информацию), который коммуникант привлекает для понимания сообщения; управляет интерпретацией высказывания слушающим; акцентирует внимание на той или иной части высказывания; (б) выделяет наиболее значимую или (в) новую информацию в высказывании; 5) несет когнитивную нагрузку: (а) акцентиру-

ет внимание реципиента на той или иной части высказывания; (б) создает состояние эмоционального напряжения реципиента; (в) предельно актуализирует умственные способности реципиента с целью обнаружения сути наиболее значимой или новой информации; (г) способствует переосмыслению базового значения слова like в сознании реципиента в когнитивно-дискурсивную функцию выделения фокусной информации в высказывании.

Следовательно, формализованное описание когнитивно-функциональной модели дискурсных маркеров имеет следующий вид: дискурсивная функция → функциональный слот → дискурсивный статус → иллокутивные возможности → когнитивная нагрузка, где:

дискурсивная функция – функция дискурсных маркеров как синтаксических или прагматических элементов в рамках теории дискурса (поддерживание структуры, поддержка сегментации текста, отмечание начала или конца диалога, хода, смены темы, указание на намерения говорящего, сигнал о понимании / непонимании и т.п.);

функциональный слот – «контейнер» для определенного набора дискурсных маркеров, схожих по своим иллокутивным возможностям и когнитивной нагрузке;

дискурсивный статус – структура дискурсных маркеров (звуки, слоги, слова, словосочетания, вводные выражения, модусные предложения и т.д.);

иллокутивные возможности – функционально вспомогательные иллокуции (иллокутивные действия, обслуживающие процесс речепорождения) для достижения коммуникативной цели высказывания: (а) интерперсональные иллокуции, отвечающие за взаимоотношения говорящего с адресатом, в частности, за ролевое позиционирование, перехват и удерживание инициативы в диалоге и т.п.; (б) метатекстовые иллокуции, отвечающие за планирование текста на разных уровнях, оценку адекватности вербализации, коррекцию неправильно построенного дискурса, управление вниманием адресата и т.п.;

когнитивная нагрузка (ассоциации, типы модификационных значений) – когнитивная интерпретация маркированной внешней цели действия.

Итак, вследствие того, что функции дискурсных маркеров в рамках иллокуции заключаются в облегчении процесса инференции, умозаключения и допуска к релевантности, то в качестве критерия объединения дискурсных маркеров в разработанной модели принят когнитивно-функциональный критерий, объединяющий дискурсивные маркеры по их иллокутивным возможностям и когнитивной нагрузке. Предложенный критерий позволяет получить наиболее полный перечень дискурсивных маркеров с выполняемыми ими дискурсивными функциями для последующего их когнитивного анализа.

Список литературы

1. Балаян А. Р., Ружинский А. Л. О категориальном аппарате функциональных лингводидактических феноменов // Русский язык за рубежом. – 1995. – № 4. – [Электронный ресурс]: <http://hl.mailru.su/gcached?q>
2. Борботько В. Г. Общая теория дискурса (принципы формирования и смыслопорождения): автореф. дисс. ... д-ра филол наук. – Краснодар, 1998.
3. Гельпей Е. А. Роль дискурсивных маркеров топикализации в прагматической связности диалогической речи // Лингвистика: традиции и современность: Материалы Международной практической конференции. – Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2009. – С. 62-67.
4. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989.
5. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. ВГПУ. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5-19.
6. Кожина М. Н. О диалогичности письменной научной речи. – Пермь, 1986.
7. Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность. – М., 2000. – С. 7-25.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
9. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. – М.: ГНОЗИС, 2003.
10. Правикова Л. В. Дискурсивные маркеры: современное состояние проблемы // Вестник ПГЛУ. – 2000. – № 4. – С. 23-28.
11. Степанов Ю. С. Язык и Метод. К современной философии языка. – М.: Языки русской культуры, 1998.
12. Сусов И. П. Грамматика говорящего // Актуальные проблемы коммуникативной грамматики. – Тула: Тульск. гос. ун-т, 2000. – С. 130-138.
13. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. – Chicago – London: the University of Chicago Press, 1990.
14. Sacks H., Schegloff E. A. & Jefferson G. A simplest systematic for organization of turn-taking for conversation // Language. – 1974. – Vol. 50 (4). – Part I. – P. 696-735.
15. Schiffrin D. Discourse Markers. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Реклама автомобиля как отражение национального менталитета в языковой картине мира США

В статье рассматривается проблема языковой репрезентации ценностной системы в рекламных текстах автомобиля. В работе анализируются рекламные тексты автомобиля в американской публицистике и выявляются национальные ценности США, рпрезентируемые посредством лексических стилистических средства языка.

The article is devoted to the linguistic problemsrepresentation ofthe value system in automobile advertising texts.Advertising textsof theautomobile are consideredin the paper. And national values are determine, lexical stylistic means of language are defined.

Ключевые слова: реклама, ценность, автомобиль, США, текст, язык, репрезентация.

Key words: advertising, value, automobile, US, text, language, representation.

Современный мир насыщен рекламой, рекламные средства многочисленны и разнообразны. Реклама, являясь важнейшей разновидностью массовой коммуникации, прочно вошла в жизнь каждого человека. Рекламный текст, основанный на использовании выразительных возможностей средств языка всех уровней, оказывает значительное влияние на формирование различных стереотипов и образа жизни современного общества. Реклама направлена на пропаганду и продвижение новейших достижений в области торговли и услуг, на создание образа «идеального» товара, специфически воздействуя на адресата и формируя его стратегию поведения. Этим объясняется неослабевающий интерес отечественных и зарубежных учёных (Андреева Л. В., Денисон Д., Розенталь Д. Э., Кохтев Н. Н., Леонтьева К. Б.) к кругу проблем, связанных с изучением рекламы и её языка.

Реклама предоставляет потребителям не объективную информацию, а её интерпретации с целью привлечения покупателей. Можно сказать, что реклама формирует особый мир, образ, к которому стремится человек. Реклама может формировать мировоззрение, пропагандировать стиль жизни, апеллируя к ценностям, значимым для потребителя. Профессионалы рекламной индустрии используют различные приемы и средства для сочтения реальности и выдуманного рекламного мира, который бы полностью отражал интересы покупателя. Для создания таких рекламных текстов широко используются различные приёмы риторики и стилистики.

Следует также отметить, что особую актуальность приобретает изучение рекламы, создаваемой в отдельно взятой стране, с целью исследования национального менталитета, языковой картины мира и культуры нации.

Цель данной работы – показать, что языковые средства рекламы отражают современное состояние ценностной картины мира США и направление её развития. Нам предстоит выявить и определить лексические стилистические средства языка, благодаря которым достигается репрезентация национального менталитета в языке рекламы автомобиля.

В современном мире автомобиль играет огромную роль в жизни человека. Самая важная и основная функция автомобиля – обеспечить передвижение. Современные города представляют собой мегаполисы, площадь которых весьма значительна. С помощью автомобилей преодоление больших расстояний становится возможным для каждого его обладателя в индивидуальном порядке.

Другая функция, которую выполняет автомобиль в современном мире, заключается в отражении социального статуса его владельца. В последнее время данный аспект играет всё большую роль. Автомобиль как показатель социального положения становится всё более популярным.

Аналізу были подвергнуты 170 текстов печатной рекламы автомобиля в английском языке. Считаем, что сложная текстовая реклама, включающая в себя набор таких обязательных компонентов, как заголовок, подзаголовок, основной текстовый модуль, слоган, является наиболее важным видом рекламы. Именно печатная реклама послужила моделью для остальных видов рекламы. Её отличительная особенность – знаковость – является основой и для телевизионной рекламы, и для радиорекламы.

Следует отметить, что по способу исполнения реклама подразделяется на текстовую, визуальную и текстово-визуальную. В нашей работе была проанализирована текстово-визуальная реклама, размещенная в американских журналах 2010, 2011 годов. Данный вид рекламы является самым распространённым, продуктивным и убедительным. Однако нами была взята и проанализирована только текстовая часть данного подвида рекламы. Визуальные образы (фотографии, изображения) не являются объектом нашего исследования в данной статье, хотя именно они придают особую привлекательность и яркость рекламе. Как правило, реклама такого вида занимает одну, две страницы журнала или может располагаться на его развороте. Она не является рекламной статьёй, помещается, в основном, в начале и в конце журнала. Ниже приведем пример подобного рода рекламы автомобиля марки «Mercedes-Benz»: *«The best or nothing. That is what drives us. Introducing the 2011 SLS AMG. Every decision was examined in the light of this unyielding principle. From the selection of space-age lightweight materials, to the track performance we demanded, to the stunning allure of its aesthetic beauty. The result is a true supercar that challenges even the most extreme performers-0 to 60 in just*

3.7 seconds and a top speed of nearly 200 mph-yet offers its occupants the experience of Mercedes-Benz comfort in its most refined state. The SLS AMG, an unprecedented integration of racing machine and luxury vehicle, will forever elevate the expectations of the world's most discerning supercar drivers. And redefine what it means to be the best» [10, с. 6] [курсив здесь и далее наш. – С.У.].

Важно отметить, что в рекламном тексте вербализируется, символизируется информация не только о рекламируемом объекте, но и о существующих ценностях определенной культуры. Так, в данном примере прослеживается стремление к красоте и комфорту (From the selection of space-age lightweight materials, to the track performance we demanded, to the stunning allure of its aesthetic beauty), высокой скорости (0 to 60 in just 3.7 seconds and a top speed of nearly 200 mph-yet offers its occupants), роскоши (luxury vehicle), уникальности (an unprecedented integration) и превосходству (what it means to be the best. The best or nothing. That is what drives us. The result is a true supercar).

Реклама достигает цели лишь в том случае, если при составлении рекламного текста учитываются особенности психики человека. Исследователи выделяют следующие этапы психологического воздействия рекламы: привлечь внимание, вызвать интерес, возбудить желание, дать аргументы в пользу товара или услуги, привести к решению сделать покупку или воспользоваться услугами [1, с. 12].

В приведенном выше примере успешно реализуются вышеперечисленные этапы психологического воздействия, а также выполняется основная задача рекламного текста – провоцирование интереса у читателя воздействием на его интеллект и эмоции. «Благодаря эмоциям человек стремится ко всему, что полезно для него, что способно доставить радость и удовольствие» [2, с. 1], это и свидетельствует о его ценностном восприятии мира.

Понимание национального менталитета происходит через выявление основных ценностных ориентаций определенной страны. В существующей на сегодняшний день литературе, посвященной системе ценностей, понятию ценность, его определению и содержанию уделяется достаточно большое внимание, причем понимание ценностей представлено в многообразии альтернативных подходов и концепций. Так, Н. Ф. Наумова выделяет ценностные ориентации как один из механизмов целеполагания [6]. Они ориентируют человека среди объектов природного и социального мира, создавая упорядоченную и осмысленную, значимую для человека картину мира. Д. А. Леонтьев определяет ценность как «идеальную модель должного» (желательного), отражающую опыт жизнедеятельности социальной общности, присвоенную и интериоризованную субъектом в процессе его участия в общественной практике, указывающую направление желательного преобразования действительности субъектом и выступающую имма-

нентным источником жизненных смыслов, которые объекты и явления действительности приобретают в контексте должного. Смыслообразующая функция личностных ценностей проявляется как в ситуациях мотивообразования – выбора направленности актуальной деятельности, так и в порождении других смысловых структур [5, с. 13-25].

В нашей работе мы придерживаемся определения ценностей Л. В. Сурженко, которая утверждает, что «ценности – это социальный феномен, существующий в диалектическом отношении субъект-объект, который является важным связующим звеном между личностью, ее внутренним миром и окружающей действительностью» [4, с. 10]. Кроме этого, ценности имеют двойственный характер: они социальные, поскольку исторически обусловлены, и индивидуальные, поскольку в них сосредоточен опыт конкретного субъекта. Социальные ценности определяются как некое данное значение, соотносимое с чем-то, являющимся объектом деятельности. Ценности конкретной личности формируются под влиянием социальной среды, особенностей тех социальных групп, в которые она входит. Индивидуальные ценности являются важнейшим компонентом структуры личности, они выполняют функции регуляторов поведения и проявляются во всех областях человеческой деятельности [4, с. 10].

Учитывая вышесказанное, резюмируем, что реклама, являясь социальной средой, оказывает непосредственное влияние на формирование индивидуальных ценностей личности и поэтому является отражением национального мировоззрения страны, её ценностной системы.

Кроме этого, реклама способна отражать и основные мировые тенденции современного общества. Так, с появлением информационной системы интернет, сотовых и спутниковых средств связи произошли революционные изменения в образе жизни людей. Даже частичное использование этих систем оказывает глубокое воздействие на жизнь каждого человека, на его досуг, на его интеллектуальное и художественное развитие. Они предоставляют каждому максимальную свободу в выборе информации и требуют индивидуальной активности. В силу этих обстоятельств темп жизни значительно увеличился, развитие всех сфер жизни происходит стремительно. Чтобы жить в ногу со временем, необходимо быть активнее, действовать и принимать решения быстрее, энергичнее, а иногда и мгновенно. Подобные тенденции нашли своё отражение и в языке рекламы автомобиля. Ниже в качестве примера, рассмотрим фрагмент рекламного текста автомобиля марки «Cadillac», размещенного во всемирно известном журнале «Road and track»: «The world's fastest production sedan reaches 60 mph in 3.9 seconds. With a 556 hp supercharged V8, 6 piston front, 4-piston rear Brembo brakes and dual mode Magnetic Ride Control» [14, с. 2]. Такая техническая характеристика автомобиля, как «60 mph in 3.9 seconds», говорит о способности автомобиля быстро набирать скорость, о его манёвренности, а «a 556 hp supercharged V8, 6 piston front, 4-piston rear» – о

мощности и производительности автомобиля. Рекламодатель намеренно заявляет о данных показателях автомобиля, так как ценность «скорость» является весьма значимой для американского общества.

Высокую частотность имеет существительное *horsepower*, например: «In this case, it's what the car puts into you, 345 horsepower» [7, с. 15]; «One car: The Nissan Maxima. With a legendary 3.5 L V6 VQ engine that produces a soul-stirring 290 horsepower, and intelligent CVT transmission that lets you select from four distinct driving modes, the Maxima delivers truly exhilarating performance» [8, с. 22].

Такие ценности, как скорость, мощность, стремительность и быстрходность, нашли своё отражение в большинстве рассматриваемых нами примерах и, следовательно, являются неотъемлемой частью ценностной системы американского менталитета и ценностных тенденций современного мира.

Язык рекламных текстов автомобиля нейтрален, с элементами разговорного стиля: «With a 556 hp supercharged V8, 6 piston front, 4-piston rear Brembo brakes and dual mode Magnetic Ride Control». Для рекламы такого типа характерно обилие эмоционально-оценочной лексики: *fastest production, a soul-stirring 290 horsepower, intelligent CVT transmission, distinct driving modes, truly exhilarating performance*. Благодаря эпитетам текст рекламы эмоционально насыщается, и тем самым акцентируется внимание читателя на данных технических показателях автомобиля. А присутствие таких выражений, как «in this case», «one car» заставляет читателя поверить в эксклюзивность данного продукта.

Безусловное определяющее влияние на формирование социальных ценностей оказывает и экономическая ситуация в стране. Так, в условиях экономического кризиса в американском обществе сформировалась одна из наиболее важных национальных ценностей – ценность «деньги». Стремясь произвести по возможности более сильное впечатление на потенциального покупателя, авторы рекламного текста заявляют об относительно невысокой стоимости автомобиля, например, «Because it is now available from \$799 a month» [7, p. 25]; «Starting under \$19,000. Well-equipped under \$21,500» [12, p. 10]; «And at just \$21,695 for a well-equipped version, it's a perfect example of what's possible when you never stop asking, "What else is possible?"» [12, p. 2]. Все больше людей желают приобрести автомобиль, оснащённый многочисленными функциями, за умеренную плату: «Everything a Hybrid is and isn't. Introducing the sport hybrid. Hybrids are all the rage, as they should be. Efficiency and economy are more important now than ever. So we designed a hybrid that seemingly defies logic. The result is certainly a hybrid. But also obviously something else altogether» [12, p. 2]. В силу этих обстоятельств сформировалась не менее важная ценность – «экономичность»: «Efficiency and economy are more important now than ever». Производители автомобилей создают более экономичные машины,

чтобы потребители расходовали как можно меньше денежных средств при их эксплуатации, например, «The result is a company of sports cars utilizing smaller, higher-powered, yet more efficient engines. And lighter bodies that result in less fuel consumption and CO2 emissions» [13, p. 24].

В нижеследующем примере эмоциональная насыщенность текста усиливается повтором *lower*, эпитетом *fuel*, что и заставляют поверить читателя в экономичность товара: «At Nissan, our commitment to *lower* emissions doesn't end with the Nissan LEAF. Introducing *puredrive*, a new initiative by Nissan to create vehicles with improved *fuel economy* and *lower* CO2 emission» [7, p. 121].

Из приведенных данных следует, что такие национальные ценности, как «деньги» и «экономичность», взаимосвязаны между собой и формируются под влиянием внешних экономических факторов. Они успешно реализуются в рекламе автомобиля, и, следовательно, являются отражением национальной ценностной картины мира.

Составитель рекламного текста так подбирает слова и организует рекламу, чтобы она могла вызвать у читателей конкретные представления, воздействовать на воображение, формируя у потребителя хорошо знакомые и понятные образы. Это может быть безопасность, надёжность, красота, удобство или престиж. Так, например, производитель автомобиля марки «Land Rover» сравнивает свой товар с домом: *Panoramic views Surround sound Natural light. Leather seating. Innovative design. Room for seven. Style + comfort* [16, p. 47]. Вышеперечисленные характеристики красивого, комфортного, просторного дома находят непосредственное отражение в следующем рекламном тексте автомобиля: «The Land Rover LR4 *was designed with sophistication and comfort in mind. With an Alpine glass roof that enhances the spaciousness of the premium cabin, it's perfectly suited to transport seven passengers in total luxury. A boldly designed two bar lattice grille and state -of-the-art LED headlamps complement the vehicle's smoother lines and subtle curves. Its modern design at its best*» [16, p. 47]. Подобное сравнение заостряет наше внимание на таких ценностях, как комфорт, надёжность, красота, что находит отклик у потенциальных покупателей. Текст содержит эмоционально-оценочную лексику: *sophistication, boldly designed, total luxury, smoother lines, subtle curves*. Акцентируется внимание на исключительности авто: *its modern design at its best*. Создатели этой рекламы заявляют, что их автомобиль не только красив, удобен и вместителен, но и надежен, как дом.

Ценность надёжности мы видим и в образе надёжного друга: «Whether you're navigating through bone-jarring city potholes, charging up a mountain road for a day on the slopes or creating your own road when you have to, *you need an SUV that's always got your back*, which is exactly what you get with the 2012 Suzuki Grand Vitara» [11, p. 19]. В данном случае происходит

олицетворение автомобиля, поскольку выражение *always got your back* употребляется в отношении хорошо знакомых людей или друзей.

В современном быстро меняющемся мире актуальными становятся новейшие разработки, прогрессивные технологии и усовершенствованные модели. Алгоритм «новое – значит лучшее» является неотъемлемой частью успешной рекламы автомобиля. Около 40 % рассмотренных нами рекламных текстов содержат информацию о новизне выпускаемого автомобиля, о его улучшенной модификации или инновационных характеристиках. В подтверждение этого приведем несколько примеров, взятых из разных рекламных текстов автомобиля: «*All new Chevy Equinox*»; «*The all-new ram heavy duty*»; «*Helping to keep the all-new Infiniti QX better connected to the road*»; «*The all-new Saab 9-5 is a stunning example of our renowned obsession with exhilaration*» [17, p. 24]; «*The innovative engineers of Mercedes-Benz*» [15, p. 122]; «*It's an intelligent chassis control system that, with a twist of a knob, allows you to adjust the agility and performance of the 9-5 to match your driving style and road conditions*» [17, p. 119]; «*An all-wheel drive technology so intelligent, it reads every inch of the asphalt providing enhanced performance and stability regardless of the driving conditions*» [15, p. 120].

Таким образом, в силу данных обстоятельств, ценность «новизна» является весьма значимой для американского общества.

Кроме этого современный автомобиль совмещает в себе не только новизну, надежность, скорость, высокие технические свойства, но и показатель престижа – роскошь, например: «*The SLS AMG, an unprecedented integration of racing machine and luxury vehicle, will forever elevate the expectations of the world's most discerning supercar drivers*» [16, p. 130]. Лексема *luxury* является достаточно частотным в языке рекламы автомобиля, что говорит о значимости ценности «роскошь» для американской культуры. Все то, что употребляется с данным эпитетом, означает лучшее, уникальное и к этому стремится почти каждый человек: «*And they will drive a luxury car that makes them alive*» [16, p. 130]; «*Mr Tachbanas craftsmanship is a feeling of distinctive quality and personal luxury*» [12, p. 9].

Не менее важным для данной культуры остаётся позиционирование некоторого превосходства. Приведём в качестве примера рекламный слоган марки «Mercedes-Benz», который так и провозглашает: «Только лучшее или ничего» (*The best or nothing*). Для рекламы такого типа характерно употребление сравнительной и превосходной степени: «*EPA-estimated 32 hwy mpg, better than any hybrid SUV or crossover. WE ARE PROFESSIONAL GRADE*»; «*Most towing. Most payload. Most horsepower. Most torque, Thanks to an all-new, Ford-built 6.7L Power Stroke Diesel*» [7, p. 8]. В этом примере используется анафора с целью удержания внимания читателя, закрепления в памяти настойчиво подчеркиваемого повторением

элемента. Встречаются и случаи прямого сравнения: «Meanwhile, things like the pump-friendly 33 MPG HWY, more interior room than Civic and Corolla, plus the choice of 4 and 5 door body styles, deliver big time on practicality» [17, p. 100].

Реклама воздействует в первую очередь на эмоции и чувства человека. Образ положительных эмоций, радости от управления автомобилем возникает чрезвычайно часто. Так в современном агрессивном и экономически неустойчивом мире возникает потребность в положительных эмоциях. В качестве примера приведем рекламу автомобиля марки «Lotus», создатели которого убеждают, что управление данным автомобилем помогает оставаться счастливым даже в условиях стресса. «Take two corners and... you'll immediately realize there's no need calling in the morning because your daily driving *routine* just became a *grin-inducing thrill* ride of pure driving bliss. *Stress fails away*. Behind the wheel of the Evora you'll rediscover favorite roads with new *clarity and excitement*» [18, p. 3]. Эмоциональная насыщенность текста усиливается эпитетами *a grin-inducing thrill, pure driving bliss, favorite roads, clarity and excitement*.

Авторы рекламы автомобиля марки «Subaru» предлагают испытать яркие эмоции несколько другого плана, эмоции скорости и адреналина: «*Pump a little adrenaline into your life with the Impreza WRX. 265-horsepower provides the thrust. Symmetrical All-Wheel Drive provides the grip. Combined, they deliver a 0 to 60 time of just 4.7 seconds and a shock to your heart every time you hit the accelerator*»; «*It's unleashed speed accompanied by ample amounts of adrenaline and lust*» [13, p. 36]. Метафора «*Pump a little adrenaline into your life*» усиливает эмоциональность текста и привлекает внимание читателя.

Таким образом, в этой рекламе выявляются следующие ценности, характерные для американского общества: «радость» и «положительные эмоции».

Все более значимой становится забота об окружающем мире, что приводит к созданию автомобилей, которые не загрязняют атмосферу, становятся экологичными и безопасными для окружающей среды: «*Racing has always been about pushing cars to their limits. Limits that are usually loud and dirty. But when crowds got a look at the 100 electric Nissan LEAF NISMO Racing Competition car and the Pikes Peak edition LEAF, the course and crowds were silent in astonishment. Using the same batteries and motor from the production LEAF, these two cars are quietly proving that racing doesn't have to run on gas*» [18, p. 75]. Стремясь произвести по возможности более сильное впечатление на потенциального потребителя, авторы рекламного текста ссылаются на официальные государственные данные, полученные в результате тестирования автомобиля на экологичность: «*Official Government Environmental Test Data. Fuel consumption figures mpg (liters/100km) and CO₂ Extra-urban-67.3 (42), Combined-54.3 (5.2). CO₂*

emissions 136g/km. insignia»; «The result is a company of sports cars utilizing smaller, higher-powered, yet more efficient engines. And lighter bodies that result in less fuel consumption and CO2 emissions» [18, p. 120]. Следует отметить, что языковые выражения выражающие ценность «экологичность» имеют наименьшую частотность.

Таким образом, в ходе нашего исследования были выявлены основные показатели автомобиля, ценимые в американском обществе: «новизна» (35 %); «надежность» (19 %); «роскошь» (15 %); «скорость» (11 %); «деньги» (9 %); «радость» (8 %) и «экологичность» (3 %).

Наряду с этим, мы продемонстрировали, что реклама автомобиля является отражением процессов, происходящих в жизни человека как в социальном, так и в экономическом аспекте. Национальная картина мира формирует тип отношения человека к миру – природе, предметам, другим людям, задаёт нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к жизни. А реклама, в свою очередь, является зеркалом этих процессов. С другой стороны, реклама, являясь мощным инструментом воздействия на читателя, может формировать мировоззрение, пропагандировать стиль жизни, апеллируя к ценностям, значимым для потребителя. Например, 300 лет назад не существовало автомобилей и значит, такой ценности не было. Сегодня же автомобиль – значимая материальная ценность, артефакт современного общества. Если для человека важен престиж, то он будет стремиться окружить себя роскошными и брендовыми предметами и, скорее всего, такой человек приобретет престижный автомобиль.

Система ценностных ориентаций, являясь психологической характеристикой зрелой личности, выражает содержательное отношение человека к социальной действительности и в этом качестве определяет мотивацию его поведения, оказывает существенное влияние на все стороны его деятельности. Как элемент структуры личности ценностные ориентации характеризуют внутреннюю готовность к совершению определенной деятельности по удовлетворению потребностей и интересов, указывают на направленность ее поведения. Каждое общество имеет уникальную ценностно-ориентационную структуру, в которой отражается самобытность данной культуры.

Список литературы

1. Розенталь Д. Э. Язык рекламных текстов: учеб. пособие для фак. журналистики вузов. – М.: Высш. школа, 1981.
2. Симонов П. В. Что такое эмоция?: учеб. пособие. – М.: Наука, 1966.
3. Современная философия науки: Знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. Хрестоматия. – 2-е изд., перераб. и доп. / сост. Печенкин А.А. – М.: Логос, 1996.

4. Сурженко Л. В. Ценности личности: философский и психологический анализ понятия // Научный журнал КубГАУ. – 2011. – № 65(01). – С. 1–11. – [Электронный ресурс]: <http://ej.kubagro.ru/2011/01/pdf/18.pdf>
5. Леонтьев Д. А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // Психологическое обозрение. – 1998. – № 1. – С. 13–25.
6. Наумова И. Ф. Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. – М.: Наука, 1988.
7. Automobile 08.2011 // Automobile magazine. – 2010. – Р. 6–121. – [Электронный ресурс]: <http://magazinesdownload.com/category/Automobile.aspx>
8. Car and driver 07.2010 // Automobile magazine. – 2010. – № 1. – Р. 22. – [Электронный ресурс]: <http://magazinesdownload.com/category/Automobile.aspx>
9. Car and driver 08.2010 // Automobile magazine. – 2010. – № 2. – Р. 2–135. – [Электронный ресурс]: <http://magazinesdownload.com/category/Car-and-Driver.aspx>
10. Car and driver 09.2010 // Automobile magazine. – 2010. – № 3. – Р. 6. – [Электронный ресурс]: <http://magazinesdownload.com/category/Car-and-Driver.aspx>
11. Outside 10.2011 // Magazine. – 2010. – Р. 19. – [Электронный ресурс]: <http://magazinesdownload.com/category/Outside.aspx>
12. Road and track 04.2010 // Automobile magazine. – 2010. – Р. 2–10. – [Электронный ресурс]: <http://magazinesdownload.com/category/Road-and-Track.aspx>
13. Road and track 06.2010 // Automobile magazine. – 2010. – Р. 24–36. – [Электронный ресурс]: <http://magazinesdownload.com/category/Road-and-Track.aspx>
14. Road and track 07.2010 // Automobile magazine. – 2010. – Р. 2. – [Электронный ресурс]: <http://magazinesdownload.com/category/Road-and-Track.aspx>
15. Road and track 08.2010 // Automobile magazine. – 2010. – Р. 2–122. – [Электронный ресурс]: <http://magazinesdownload.com/category/Road-and-Track.aspx>
16. Road and track 09.2010 // Automobile magazine. – 2010. – Р. 47–131. – [Электронный ресурс]: <http://magazinesdownload.com/category/Road-and-Track.aspx>
17. Road and track 10.2010 // Automobile magazine. – 2010. – Р. 24–119. – [Электронный ресурс]: <http://magazinesdownload.com/category/Road-and-Track.aspx>
18. Road and track 05.2011 // Automobile magazine. – 2011. – Р. 3–120. – [Электронный ресурс]: <http://magazinesdownload.com/category/Road-and-Track.aspx>

Плеоназмы в индивидуальном лексиконе (экспериментальное исследование)

В статье описываются результаты психолингвистического эксперимента, направленного на выявление использования в речи некоторых распространенных плеоназмов. Дается качественный и количественный анализ полученных данных, устанавливается, что не все плеоназмы одинаково хорошо распознаются и употребляются в языке. Анализируются речевые ошибки, допущенные испытуемыми в ходе проведения эксперимента.

The article is dedicated to the description of the results of psycholinguistic experiment, aimed at revealing the usage of some widespread pleonasms in speech. The received data is presented in the form of qualitative and quantitative analysis, from which it is clear, that not all pleonasms are equally well recognized and used in the language. The faults of speech, made by the subjects in the course of the experiment, are analyzed.

Ключевые слова: психолингвистический эксперимент, плеоназм, речевая избыточность, речевая ошибка, индивидуальный лексикон, психолингвистическое значение, личностный смысл.

Key words: psycholinguistic experiment, pleonasm, speech redundancy, fault of speech, individual vocabulary, psycholinguistic meaning, personal meaning.

Человеческая речь не лишена ошибок. А. А. Леонтьев отмечает, что под общее название речевых ошибок обычно подводятся явления, различающиеся по своему генезису, но объединяемые “признаком неадекватности речевого действия по тем или иным параметрам, обуславливающим это речевое действие” [5, с. 79]. Живой язык содержит множество отклонений от нормы, требующих изучения. Согласно В. П. Белянину, к таким отклонениям (речевым ошибкам) относят паузы, колебания, исправления, повторы и замещения, а также оговорки [1, с. 69]. Также одним из отклонений от нормы в лингвистике являются плеоназмы, традиционно понимаемые как избыточные выразительные средства, используемые для передачи лексического или грамматического смысла высказывания. Распространенность плеоназмов в лексиконе человека обуславливает актуальность нашего исследования, цель которого – выявить причины речевой избыточности.

В качестве плеоназма мы, вслед за энциклопедией “Русский язык”, рассматриваем “оборот речи, основанный на употреблении в словосочетании или предложении семантически близких, часто логически избыточных слов” [8, с. 344]. Теоретическая значимость нашего исследования обусловлена вкладом в психолингвистическую теорию значения и в изучение строения индивидуального лексикона. Практическое значение исследования заключается в возможности использования его результатов в лексикографии и практике преподавания русского и иностранного языков. Под индивидуальным лексиконом мы, вслед за А. А. Залевской, понимаем “динамическую функциональную систему, самоорганизующуюся вследствие постоянного взаимодействия между процессом переработки и упорядочения речевого опыта и его продуктами” [2, с. 154]. Следует отметить, что выбор того или иного слова, словосочетания в конкретной речевой ситуации во многом зависит именно от принятой в той или иной сфере общества системы норм и оценок, а также от личности человека. Мы полагаем, что и допускаемые в речи отклонения от нормы, в том числе речевая избыточность, связаны с особенностями индивидуального лексикона. Согласно А. А. Залевской, динамика трактовки речевой ошибки сводится “к переходу от рассмотрения ее как интересного казуса и/или недопустимого нарушения прескриптивного правила к признанию естественности речевых ошибок и важности анализа механизмов ошибки как инструмента научного исследования процессов и механизмов функционирования языка у пользующегося им человека” [3, с. 6]. В случае с речевой избыточностью (и плеоназмами) на функционирование и употребление этих языковых явлений в речи влияют такие психологические понятия, как значение и личностный смысл. А. Н. Леонтьев определяет значение как “то, что открывается в предмете и явлении объективно: в системе объективных связей, отношений, взаимодействий. Значение отражается, фиксируется в языке и приобретает благодаря этому устойчивость” [6, с. 387]. Знание или незнание значения слова, как и понимание того, что в него вложено, с нашей точки зрения, определяет употребление слова в том или ином контексте, в связке с другими словами. Кроме того, в ситуациях речевого общения, во время мыслительного процесса у каждого человека определенные слова и сочетания слов связаны с личностным смыслом. Заметим, что В. П. Белянин понимает личностный смысл как “переживание субъективной значимости предмета, действия или события, которое оказалось в поле действия ведущего мотива”. Оно является одной из главных образующих сознания и осознается как “значение для меня” [1, с. 104]. Здесь также уместно выделить психолингвистическое значение, понимаемое С. В. Лебедевой как “упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка”

[4, с. 86]. Психолингвистическое значение тем самым представляет собой объем семантических компонентов, актуализируемых отдельно взятым словом в сознании носителя языка.

Чтобы определить, как личностный смысл и психолингвистическое значение обуславливают употребление в речи плеоназмов, а также проследить степень узнаваемости и распознаваемости некоторых известных и широко распространенных в речи плеоназмов, нами был проведен психолингвистический эксперимент.

В рамках эксперимента испытуемым предлагались бланки с данными вразброс компонентами 20 сочетаний, являющихся плеоназмами. Задачей испытуемых было обозначить, какие слова из второй колонки могут сочетаться со словами из первой колонки, то есть соотнести первый и второй компоненты предложенных в таблице словосочетаний. Время для проведения эксперимента не ограничивалось. Все принимавшие участие в эксперименте студенты справились с заданием в среднем за 15-20 минут.

Участники эксперимента – студенты трех факультетов Курского государственного университета: студенты второго курса факультета ИВТ, третьего курса факультета иностранных языков и второго курса факультета филологии. В эксперименте принимали участие по 10 студентов с каждого факультета. Материалом для проведения эксперимента послужили взятые нами словосочетания, а именно:

ОСНОВНОЙ ЛЕЙТМОТИВ, ПЕРЕЖИТОК ПРОШЛОГО, ПРЕЙСКУРАНТ ЦЕН, ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ, БУКЕТ ЦВЕТОВ, ГЛАВНАЯ СУТЬ, ДРУГАЯ АЛЬТЕРНАТИВА, ИНТЕРАКТИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ, ИСТИННАЯ ПРАВДА, НАРОДНЫЙ ФОЛЬКЛОР, МЕСТНЫЙ АБОРИГЕН, НЕОБЫЧНЫЙ ФЕНОМЕН, ОТВЕТНАЯ РЕАКЦИЯ, ОТСТУПАТЬ НАЗАД, УСТАНОВЛЕННЫЙ ФАКТ, СВОБОДНАЯ ВАКАНСИЯ, НАИБОЛЕЕ ОПТИМАЛЬНЫЙ, ХРОНОМЕТРАЖ ВРЕМЕНИ, ПЕРВАЯ ПРЕМЬЕРА, СМЕШИВАТЬ ВМЕСТЕ.

Данные словосочетания (плеоназмы) были взяты из списка избыточных выражений (плеоназмов) на сайте Википедия. Мы считаем, что выбранные нами словосочетания принадлежат к числу наиболее распространенных и известных широкому кругу носителей языка.

По результатам эксперимента из 10 бланков, использованных для проведения эксперимента на факультете ИВТ, испорчен один, на факультете иностранных языков испорченных – четыре, на факультете филологии испорчен один бланк. В таблице 1 приведем данные о количестве сочетаний, состав которых соответствует словарному значению.

Таблица 1

Исходные словосочетания	Число испытуемых, выбравших данное словосочетание		
	Факультет ИВТ	Факультет иностраннных языков	Факультет филологии
Основной лейтмотив	9	6	4
Хронометраж времени	10	8	3
Информационное сообщение	10	8	7
Другая альтернатива	7	6	2
Ответная реакция	10	10	8
Народный фольклор	10	8	6
Установленный факт	9	8	9
Пережиток прошлого	10	7	8
Первая премьера	9	3	1
Интерактивное взаимодействие	10	4	4
Истинная правда	9	10	10
Прейскурант цен	10	9	9
Отступать назад	10	8	9
Главная суть	8	4	1
Букет цветов	10	10	10
Наиболее оптимальный	10	8	10
Необычный феномен	7	4	4
Свободная вакансия	10	8	6
Местный абориген	9	7	6
Смешивать вместе	10	8	6

Таким образом, мы видим, что наибольшее число испытуемых (далее – ии.) (максимальное из 30 возможных) выбрало сочетание *букет цветов*. Также почти все студенты предложили такие сочетания, как *ответная реакция*, *установленный факт*, *истинная правда*, *прейскурант цен*, *отступать назад*, *наиболее оптимальный*. Это указывает на то, что именно в этих сочетаниях из всех предложенных наблюдается наибольшая “близость” их компонентов и сочетаемость этих слов, что было показано выбором этих сочетаний почти максимальным числом ии.. Наверняка почти у каждого из нас первая ассоциация со словом *букет* будет существительное *цветы*, и словосочетание это прочно закрепилось в языковом сознании, что подтвердили результаты эксперимента. Как в устной речи, так и в разных письменных источниках мы можем встретить сочетания *истинная правда* (часто на какое-либо высказывание или утверждение можно услышать краткий комментарий – Это истинная правда!), *ответная реакция* (употребление данного словосочетания характерно, например, для полити-

ческой сферы), *установленный факт* (это сочетание слов нередко встречается в научной среде), *прейскурант цен* (широко распространено в описании самых различных сфер услуг – медицинских, юридических, бытовых), *отступить назад* (нередко можно столкнуться с этим словосочетанием как в прессе, так и в повседневной разговорной речи), *наиболее оптимальный* (сочетание слов, которое легко можно встретить в различных объявлениях, сферах услуг, прессе, политической речи, на форумах сети Интернет и т.д.), которые, несмотря на явную речевую избыточность, тоже основательно вошли в лексикон и употребляются многими носителями языка как нечто само собой разумеющееся. Не так отчетливо были замечены и выбраны ии. словосочетания *основной лейтмотив*, *хронометраж времени*, *интерактивное взаимодействие*, *местный абориген*, *свободная вакансия*, *смешивать вместе*. Вероятно, это указывает на меньшую степень закрепленности в сознании и речи носителей языка указанных сочетаний. Также можно предположить, что не все ии. были знакомы с истинным значением компонентов данных словосочетаний, представляющих собой заимствованные слова. Например, *лейтмотив* – слово иностранного происхождения (немецкое Leitmotiv), обычно обозначает “мотив (тему), повторяющийся на протяжении всего музыкального произведения; руководящую, основную мысль, неоднократно повторяемую и подчеркиваемую” [7, с. 223]. *Интерактивный* происходит от английского слова interactive (взаимодействующий) и, соответственно, в его значении уже заложено понятие “взаимодействие”. Слово хронометраж пришло к нам из французского языка (chronométrage), а французское понятие в свою очередь восходит к греческим словам chrónos — время и metréo — измеряю. Сочетания, выбранные наименьшим числом, – *другая альтернатива*, *первая премьера*, *главная суть*, *необычный феномен* – не были увидены многими участниками эксперимента с одной стороны по причине их не столь широкого употребления и распространенности в языке, а с другой стороны, вероятно, потому, что первые компоненты этих плеоназмов, представляют собой прилагательные, которые могут сочетаться с большим числом существительных, и различные варианты этих сочетаний и были продемонстрированы испытуемыми наряду с исходными сочетаниями (каждое из них было “распознано” хотя бы одним ии. с каждого факультета).

Итак, участники эксперимента указали большое число словосочетаний, отличных от исходных, проявив во многих случаях свое языковое видение (иногда индивидуальное). Приведем полученные в ходе эксперимента новые словосочетания, а в скобках укажем общее число ии., выбравших данные варианты: *Основной феномен* (4), *основной факт* (11), *оптимальный хронометраж* (3), *информационное взаимодействие* (9), *другая суть* (7), *другая вакансия* (11), *другая правда* (6), *другая премьера* (8),

народный феномен (5), установленный феномен (6), пережиток времени (8), первая вакансия (5), первая реакция (14), первая альтернатива (2), первая суть (1), интерактивное сообщение (14), оптимальный преискуронт (3), главная реакция (2), главная альтернатива (9), главная премьера (11), букет цен (1), необычный лейтмотив (4), необычный абориген (5), необычный факт (12), необычный фольклор (4), свободная альтернатива (5), свободная премьера (1), свободная правда (1), местный феномен (7), местный факт (1), местный фольклор (5), смешивать фольклор (2), истинная суть (5), хронометраж прошлого (8), другая реакция (7), народный лейтмотив (1), отступить вместе (6), главная вакансия (2), главная правда (1), истинная реакция (2), местный лейтмотив (3), смешивать суть (2), ответная правда (1), ответная вакансия (1), ответная альтернатива (1), народный факт (1), смешивать факт (2), смешивать лейтмотив (1), установленный лейтмотив (1). Многие из данных сочетаний вполне можно встретить в речи, различных письменных источниках, но плеоназмами эти словосочетания уже не являются. Часть сочетаний была составлена представителями всех факультетов и более чем одним человеком, другая же часть представлена лишь единично, что указывает на некоторую долю случайности появления данного сочетания и то, что вряд ли оно используется в языке и речи, а выбрано было ии. по причине каких-то особых когнитивных процессов или ассоциаций, возникших в сознании ии. в процессе проведения эксперимента. К таким сочетаниям относятся: *первая альтернатива, первая суть, букет цен, свободная премьера, свободная правда, местный факт, народный лейтмотив, главная вакансия, главная правда, истинная реакция, местный лейтмотив, ответная правда, ответная вакансия, ответная альтернатива, народный факт, установленный лейтмотив* и крайне странные словосочетания с глаголом *смешивать* – *смешивать фольклор, смешивать суть, смешивать факт и смешивать лейтмотив*. С другой стороны, мы получили словосочетания, составленные довольно большим числом ии., многие из которых наверняка нередко можно встретить в языке – *основной факт, основной феномен, информационное взаимодействие, другая суть, другая вакансия, другая премьера, первая реакция, интерактивное сообщение, главная премьера, необычный факт, местный фольклор, оптимальный преискуронт, истинная суть*. Возможно, такие сочетания, как *основной факт, основной феномен, интерактивное сообщение, главная премьера* были составлены ии. под влиянием средств массовой информации. Стоит отметить, что с некоторыми прилагательными был составлен целый ряд новых словосочетаний – 5 с *другая*, 4 с *первая*, 5 с *главная*, 4 с *необычный*, 3 с *народный*, 3 со *свободная*, 3 с *ответная*, 4 с *местный*. Как мы уже упоминали выше, это указывает на способность данных прилагательных сочетаться с большим количеством существительных благодаря

своим в некоторой степени обобщающим, абстрактным значениям. Интересен тот факт, что некоторые ии. составили словосочетания *пережиток времени* и *хронометраж прошлого* вместо исходно данных *пережиток прошлого* и *хронометраж времени*. Это можно объяснить тем, что ии. или не встречались с исходными сочетаниями, или же, слышав и читав про них в каких-либо источниках, не уловили суть и смысл значения, тем самым составив не соответствующие норме сочетания. Можно предположить также, что им полностью неясен смысл слов *пережиток* и *хронометраж*, поскольку представить себе *пережиток времени* и *хронометраж прошлого* довольно сложно. Аналогичным образом были созданы и новые сочетания *информационное взаимодействие* и *интерактивное сообщение* (вместо исходных *информационное сообщение* и *интерактивное взаимодействие*). Однако в данном случае созданные ии. новые сочетания смысла не утрачивают, а тоже вполне имеют право на существование в языке, особенно принимая во внимание то, что мы живем в эру развитого информационного общества, где можно встретить и *информационное взаимодействие*, и *интерактивные сообщения*. Такие сочетания, как *необычный факт*, *местный феномен*, *местный фольклор*, *истинная суть*, *отступить вместе*, должно быть, были составлены ии. по причине смысловой близости, прослеживаемой между компонентами этих сочетаний. Действительно, *фольклор* может ассоциироваться с каким-то определенным *местом*, *местностью*, *суть* с чем-то *истинным*, *правильным*, а *отступление* восприниматься как коллективный процесс.

Проведенный психолингвистический эксперимент показал, что многие из предложенных нами в рамках эксперимента плеоназмов знакомы испытуемым, что указывает на их довольно широкое употребление в языке. Это позволило сделать вывод о том, что подобные выражения, заключающие в себе элемент речевой избыточности, устоялись в языке и многими воспринимаются как норма. В то же время тот факт, что испытуемые не увидели некоторые плеоназмы, но вместо этого предложили большое число других сочетаний, говорит также и о том, что не все плеоназмы широко употребляются в речи и далеко не у всех носителей языка они на слуху, даже те, которые принадлежат к числу наиболее известных. Однако можно сделать заключение, что плеоназм как языковое явление прочно закрепился в языке и речи и каждый из нас, часто не задумываясь, время от времени употребляет плеонастические сочетания. Наше исследование по изучению причин употребления в речи плеоназмов будет продолжено с привлечением новых испытуемых и поиском новых методов исследования.

Список литературы

1. Белянин В. П. Психолингвистика. – М.: Флинта, Московский психолого-социальный институт, 2009.
2. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2000.
3. Залевская А. А. Речевая ошибка как инструмент научного исследования // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 9. – С. 6-22.
4. Лебедева С. В. “Синонимы или проксонимы?” – Курск: Курский государственный университет, 2002. .
5. Леонтьев А.А. Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1970.
6. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. 3-е изд. – М., 1974.
7. Лёхин И.В., Петров Ф.Н. Краткий словарь иностранных слов. – М., 1952.
8. Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997.

**Роль изобразительно-выразительных средств в реализации
прагматической установки в заголовках текстов
немецкоязычных СМИ**

В статье рассматриваются особенности языковой реализации прагматической установки в текстах немецкоязычных СМИ. Целью предлагаемой статьи является обозначение явления прагматической установки; анализ изобразительно-выразительных средств, служащих для ее реализации в заголовках газетных текстов, и определение роли концептуальной метафоры.

This article is devoted to the peculiarities of linguistic realization of pragmatic attitude in the texts of German mass media. The aims of this article were to define the phenomenon of pragmatic attitude, to consider expressive means used for its realization in the headlines of the news texts and to find out among them the role of conceptual metaphor.

Ключевые слова: прагматическая установка, заголовок, воздействующие средства, оценочность, изобразительный прием, фигура речи, троп, концептуальная метафора.

Key words: pragmatic attitude, headline, effecting means, estimate, representational device, figure of speech, trope, conceptual metaphor.

Термин «прагматическая установка» не обладает однозначностью. Заимствованный из психолингвистики, этот термин употребляется в стилистике как синоним выражения «цель сообщения». И. Р. Гальперин определяет прагматическую установку как «цель сообщения, которая в значительной мере предопределяет идентификацию лингвистических характеристик. Эта установка лежит в основе отбора языковых единиц и их комбинаторики» [3, с. 280]. Есть и другое понимание этого термина – как направленности текста, преимущественной его роли в коммуникации с точки зрения отправителя.

В данной работе под прагматической установкой текста мы понимаем реализацию в отдельном, конкретном взятом тексте намерений адресанта определенным образом воздействовать на получателя. Установка присутствует в тексте и может быть с помощью анализа извлечена из него, хотя сама по себе свойством текста как явления письменной речи не является и задается конкретному тексту извне намерением отправителя.

Критерием определения установки текста служит прагматическая информация его заголовка, потому что в отличие от заголовков текстов других функциональных стилей газетный заголовок является, прежде всего, репрезентацией целого текста и, как правило, содержит важнейшую фактуальную и прагматическую информацию.

Заметим, что не все газетные заголовки имеют прагматическую направленность: 45% всех обследованных заголовков не имеют никаких воздействующих средств и просто сообщают тему и основную информацию. Мы исследовали такие немецкие газеты, как «Die Welt», «Frankfurter Allgemeine» (FA), «Süddeutsche Zeitung» (SZ). Выбор данных изданий объясняется территориальным критерием, то есть данные газеты издаются в разных частях ФРГ: Северной Германии, Центральной Германии и Южной Германии соответственно. Доля заголовков с воздействующими средствами примерно одинакова для данных изданий. Кроме того отметим, что выбранные нами газеты относятся к качественной прессе. Для сравнения мы проанализировали также некоторые выпуски иллюстрированного журнала «Der Spiegel», который относят к желтой прессе.

При анализе заголовков газетных текстов мы заметили, что авторы для привлечения внимания читателей часто прибегают к использованию изобразительно-выразительных средств. В языкознании изобразительные приемы принято делить на тропы и фигуры речи (стилистические фигуры).

Троп (от греч. *tropos* — поворот, оборот речи) — изобразительный приём, состоящий в употреблении слова или выражения в переносном значении [1]. В основе тропа во многом лежат те же смысловые механизмы, которые создают переносное значение слова. Но цель тропа не в том, чтобы просто создать новое значение, а в том, чтобы украсить речь, сделать её более выразительной. К тропам относятся сравнение, метафора, гипербола, олицетворение, эпитет и перифраза. Фигура речи — это особое синтаксическое построение, служащее для усиления выразительности речи [1]. К ним относятся антитеза, градация, оксюморон, риторический вопрос, риторическое восклицание, риторическое обращение, лексический повтор, синтаксический параллелизм и эллипсис.

Исследуя газетные тексты, мы пришли к выводу, что авторы чаще используют такие приемы, которые способствуют созданию оценки описываемого явления или предмета действительности и привлекают внимание читателей.

Одним из таких приемов является образное сравнение. Рассмотрим следующий заголовок: *Ein Leben wie im Film* (FA 9.12.2010). Такое сравнение может вызвать у адресата разнообразные образы из множества сфер человеческой жизнедеятельности и пробудить интерес к прочтению всей статьи. Трудно представить, какое удивление ожидает читателя, когда он осознает, что данный материал посвящен открытию новой бактерии. Этот заголовок еще раз доказывает, что журналисты часто прибегают к использованию различных приемов для привлечения внимания читателей.

К таким приемам относятся также олицетворения. Они служат для создания ярких, выразительных картин чего-либо, усиления передаваемых мыслей, чувств. Олицетворение — это разновидность метафоры, основанная на переносе признаков живого существа на явления природы, предме-

ты и понятия. Например, в следующем заголовке автор приписывает неодушевленной программе свойство, присущее живому человеку: *Windows lebt* (FA 30.01.2010).

Одним из самых распространенных приемов является антитеза. В антитезе происходит сравнение двух явлений, для чего чаще всего используются слова с противоположным значением – антонимы. Например: *Gute Kunden, schlechte Kunden* (*Der Spiegel* Nr.17/21.4.08). В данном заголовке присутствие распространенных антонимов *gut – schlecht* вызывает у читателя два противоположных образа клиентов. Один – позитивный, возможно, это представительный хорошо одетый человек, что свидетельствует о его достатке, а другой – негативный, например, прижимистый скупердяй. Ниже в подзаголовке приводится расшифровка данного сопоставления. Дело в том, что информация об обеспеченных клиентах быстро распространяется в мире торговли, более того, создаются специальные свидетельства об их платежеспособности. Такое нововведение может сократить количество ошибок при выдаче кредитов.

Прагматический (воздействующий) эффект употребления антитезы бесспорен. Этот прием побуждает читателя осмыслить и оценить информацию, сделать на ее основе определенные выводы. Так, например, в статье *Stolz und Scham* помещен следующий текст: *Die EU bekommt in Brüssel ein Haus der Geschichte – nach einer Idee des ehemaligen Parlamentspräsidenten Hans-Gert Pöttering. Das Museum soll sich nicht den Säulenheiligen Europas, sondern dem „täglichen Leben der Menschen“ widmen.* (FA 25.1.2012). Резкость и контраст сопоставления понятий обращают на себя внимание и в результате вызывают у читателя определенные эмоции. Данный пример заставляет задуматься о необходимости появления музея истории, в котором будут представлены результаты деятельности человека в повседневной жизни. Если читатель проанализирует это событие, а именно ответит на вопрос, что же есть особенного в нашей жизни, что можно выставить в музее, то поймет, что это не только предметы гордости, но и стыда. Читатель может даже осознать возможность влияния этого музея на мировоззрение и поведение будущего поколения.

Таким образом, антитеза помогает адресанту прояснить мысль, сделать ее более четкой и добиться перлокутивного эффекта косвенным способом, позволяет адресату самому сформулировать некую идею.

Сопоставление противоположных понятий с особой силой действует на воображение читателей, вызывает у них яркие представления о названных предметах и событиях, например: *Innen Restauration, außen Revolution* (SZ 26.1.2012). В данном заголовке присутствуют два противопоставления: *innen – außen, Restauration – Revolution*, что может навести читателя на мысль, что внутри некоего общества складывается спокойная ситуация, а

именно поддерживается спокойное существование граждан благодаря процессам реформирования, а снаружи этого сообщества происходят противоположные события, а именно революция. Столкновение противоположных понятий озадачивает читателя и побуждает к прочтению всей статьи.

Кроме того, в данном примере мы не можем не заметить фонетический прием для привлечения внимания читателя – рифму. Рифма привлекает внимание, оставаясь в то же время средством усиления оценочности, задаваемой словами. В результате проведенного нами исследования были зарегистрированы такие приемы, как рифма и аллитерация. Под рифмой мы понимаем вид эпифоры, то есть повтор последних звуков. Лексическая функция рифмы заключается в том, что она выделяет слова и тем самым усиливает ассоциативную сферу заголовка, например: *Kleiner ist feiner* (SZ 1.3.2010). Прочитав, такой заголовок, читатель может представить ассоциативный ряд к данным рифмованным словам или задать вопрос, что же с уменьшением размеров может быть привлекательным. Так достигается цель адресанта – привлечь внимание к статье. Кроме того, использование таких распространенных слов и легкой рифмы может привести к ее запоминанию, а впоследствии оказать влияние и на поведение читателя. Дело в том, что в данной статье речь идет о последних достижениях в мире техники, а именно компьютеров. Поэтому при выборе и покупке нового ноутбука читатель может даже вспомнить эту рифму.

В заголовке *Torpediert oder sabotiert* (SZ 29.3.2010) также применяется рифма для привлечения внимания читателей, а использование специальной военно-морской лексики лишь способствует усилению воздействующего потенциала заголовка. Прочитав его, читатель поймет, что в данной статье затрагивается серьезный политический вопрос, и возможно, захочет ознакомиться с содержанием статьи, а также с мнением и оценкой автора.

В газетных заголовках применяется также оксюморон. В его основе лежит антонимичность, о которой мы уже упоминали, описывая случаи употребления антитезы. В отличие от нее оксюморон – это фигура речи, состоящая в соединении двух антонимических понятий, которые, казалось бы, логически сочетаться не могут. Например: *Große kleine Liga* (FA 30.01.2010). Такое оригинальное сочетание привлекает внимание читателя и служит одновременно для реализации основного значения и контекстуально-эмоционального. Оксюмороны так же, как и другие стилистические приемы, обычно используются для более яркой характеристики предметов, явлений, фактов окружающей действительности, также они способны иногда вскрывать внутренние противоречия, заложенные в самих явлениях и фактах действительности. Из приведенного выше примера мы понимаем, что спортивное соревнование местного масштаба приобрело мировую известность и приравнивается к событиям вселенской важности. Читатель

подвергается эмоциональному воздействию заголовка и знакомится с содержанием всей статьи, где автор описал происходящие события и выразил свое мнение по отношению к ним. Следовательно, мы пришли к выводу, что одной из функций оксюморонов является функция выражения личного отношения автора к описываемым явлениям.

В последнее время в текстах немецкоязычных СМИ часто встречается прием иронии. И. Р. Гальперин в своей работе «Очерки по стилистике английского языка» определяет иронию как стилистический прием, посредством которого в каком-либо слове появляется взаимодействие двух типов лексических значений: предметно-логического и контекстуального, основанного на отношении противоположности (противоречивости). Стилистический эффект создается тем, что основное предметно-логическое значение слова не уничтожается контекстуальным значением, а сосуществует с ним, ярко проявляя отношения противоречивости [2, с. 459]. О.С. Ахманова дефинирует иронию как троп, состоящий в употреблении слова в смысле обратном буквальному с целью тонкой или скрытой насмешки; насмешка, нарочито облеченная в форму положительной характеристики или восхваления [1]. Эти два определения удачно дополняют друг друга.

Ирония представляет для нашего исследования большой интерес, потому что благодаря иронии автор может маскировать негативное отношение к описываемому предмету или явлению, хотя адресат воспринимает подлинный смысл таких высказываний. Например: *Der ach so unschuldige Herr Jain* (SZ 02.02.2012). Данный заголовок ярко демонстрирует тонкую насмешку автора. Читатель понимает, что слово *unschuldig* употреблено с иронией. Благодаря этому приему адресант может скрыть социальную оценку даже при кажущейся объективированной подаче факта. На примере следующего заголовка мы видим резко неодобрительную оценку автора: *Rente mit 80? Früh genug!* (SZ 02.02.2012). В данном случае мы понимаем, что содержание статьи будет касаться увеличения пенсионного возраста. Конечно, такое событие может вызвать негодование и возмущение читателя. Эти эмоции и отражены в данном заголовке. Этому способствуют также вопросительный и восклицательный знаки. Кроме того, позиция автора по этому вопросу тоже четко определена. Отрицательная оценка адресанта в отношении этого события влияет на формирование определенной точки зрения у читателя, побуждает его к каким-либо действиям. Таким образом, происходит реализация прагматической установки.

Наряду с перечисленными приемами авторы статей иногда употребляют и градацию. Ее сущность заключается в расположении элементов высказывания (текста) в порядке их возрастающей или убывающей семантической и/или эмоциональной значимости. Принято выделять два

вида градации: восходящую (нарастающую) и нисходящую. Первый вид называют еще климаксом, а второй антиклимаксом. Под климаксом мы понимаем фигуру речи, состоящую в таком расположении частей высказывания, что каждая последующая часть оказывается более насыщенной, более выразительной и впечатляющей чем предыдущая. Примером климакса может служить следующий заголовок: Spalten. Schollen. Schluchten (SZ 29.04.2010). Особенностью этого заголовка является то, что каждое последующее высказывание сильнее в эмоциональном отношении, чем предыдущее. Целью употребления приема восходящей градации является эмоциональное воздействие на читателя. В данном примере этот эффект также усиливается за счет аллитерации, повторения звука «ш».

Антиклимакс – это фигура речи, состоящая в расположении слов в убывающем порядке от семантически более существенных к менее существенным. Мы можем проследить такую градацию на следующем примере: Das Ziel: töten, entführen, plündern (SZ 29.03.2010). В этом предложении части высказывания расположены от наиболее значительных и впечатляющих к менее сильным в эмоциональном отношении. Так глагол «убить» является самым впечатляющим по значению и стоит перед глаголами «похитить, ограбить». При помощи градации автор может выразить индивидуальное оценочное отношение к тем или иным фактам, событиям действительности.

Таким образом, объективный стилистический прием градации может быть использован чрезвычайно субъективно и выступать в числе других стилистических приемов как средство выявления индивидуального миропонимания и мироощущения автора.

Для усиления воздействующей функции заголовка авторы иногда используют в одном предложении сразу несколько приемов, например: Diese Koalition hat keinen Plan, keine Werte, keine Orientierung (Die Welt 05.02.2010); So reden viele, so schrieb nur einer (FA 30.01.2010). В данном случае анафора (единоначатие), то есть повторение слова so в начале частей высказывания служит для усиления представленного образа, а антитеза помогает лучше передать противоречие и выражает авторский взгляд на описываемый образ. Бесспорно, что такое сочетание приемов дополняет друг друга и усиливает эмоциональность высказывания, что в свою очередь интригует читателя и усиливает его желание узнать, кто же скрывается за этим образом.

Для реализации прагматической установки в заголовках газетных текстов авторы прибегают к использованию средств иносказания. Одним из таких средств является метафора. Такие ее достоинства, как краткость, информативность, содержательная насыщенность, имплицитный характер передачи информации, привлекают и удерживают внимание читателей.

Метафора оказывает влияние на ассоциативное мышление читателя, является эффективным средством воздействия на сознание адресантов, а также служит средством выражения личной позиции автора. Традиционно под метафорой понимают слово или выражение, которое употребляется в переносном значении на основе сходства двух предметов или явлений по какому-либо признаку. Но в современном языкознании принято различать концептуальную метафору (КМ) и стилистическую (СМ). Феномен метафоры универсален и проявляется на разных уровнях: на уровне языковой системы как способа расширения словарного состава языка, как результат словообразовательного процесса; на уровне узуса в речи (это явление на практике часто и называют концептуальной метафорой); на уровне речи в оригинальных индивидуальных реализациях.

В практике лексико-стилистических исследований метафоры 1 и 3 видов соответственно именуются мертвая (языковая) и живая (авторская) [4, с. 3-11]. Примером языковой метафоры может послужить следующий заголовок: *Auf Flügeln der Liebe* (*Der Spiegel* 29/14.7.08). Авторскую метафору демонстрирует такой заголовок: *Komm, sei mein Dinosaurier-Gefühl* (*FA* 30.01.2010).

Особое внимание следует уделить концептуальной метафоре, которая основана на обнаружении сходных признаков у двух концептов, принадлежащих достаточно удаленным друг от друга ментальным сферам и на взаимодействии одного концепта с другим. Данный вид метафоры еще не утерял следы образности, но функционирует при этом как известное средство референции, альтернативной номинации, осмысление которой не требует особых усилий со стороны читателя, поскольку она отражает привычное и естественное для носителя языка способ метафорического мышления, принятого в речевом обиходе. КМ воспринимается всеми пользователями языка автоматизировано и в отличие от СМ не требует активной интерпретационной деятельности. Основные черты и особенности функционирования КМ в газетном тексте подробно изучены в работах В. Л. Наер, Н. Э. Аловой, А. А. Барченкова, В. В. Воронкова, Л. Д. Петровой, М. М. Сизова. Кроме того системы концептуальных метафор в сфере политики и экономики описала в своей работе Е.О. Шибанова и пришла к выводу, что концептуальные метафоры структурируют текст статьи и обеспечивают ее прагматическое воздействие. Прагматическая функция концептуальных метафор в узком смысле проявляется в их способности вырабатывать определенное отношение к конкретной проблеме, анализируемой в статье. В широком смысле – это способность метафорических концептов создавать стереотипное видение некоторого объекта или явления в сфере экономики или в сфере политики [5]. Таким образом, использование концептуальных метафор в газетных текстах обусловлено их

способностью выражать оценку и, как следствие, обеспечить прагматическое воздействие.

Рассмотрим реализацию концептуальной метафоры в заголовках текстов немецкоязычных газет. Одним из способов образования КМ является детерминологизация. Зачастую термины общественно-политической сферы помогают интерпретировать действительность на концептуальном уровне. Информация, представленная в термине, рассматривается как специальное знание, которое фиксируется в понятийном представлении носителей языка и вводится в языковое сознание. Как только термин выходит за рамки своего употребления, в семантике слова происходят определенные изменения. В результате взаимодействия с лексикой других функциональных стилей термин наполняется новым лексическим значением, расширяет свой семантический объем, получает от контекста определенные семантические и стилистические приращения, обусловленные тематикой текста и личным пониманием текста автором. Естественно, что не все термины способны стать КМ. Существуют определенные требования, которым этот термин должен удовлетворять: термин должен быть общеизвестным и хорошо понятным практически любому человеку; называемый данным термином предмет или явление должны обладать ярко выраженными отличительными чертами.

Метафорическому переосмыслению подвергаются термины разных областей. Нами был зарегистрированы примеры из области военной терминологии: *Politisches Minenfeld* (*Der Spiegel* 29/14.7.08). Термин *Minenfeld* теряет свое значение, выходит из своей сферы употребления и используется в тех случаях, когда речь идет о какой-либо опасной ситуации, где любое движение или просто необдуманное слово может привести к серьезным и непоправимым последствиям. Другой пример также демонстрирует смену своего значения: *Ein Anwalt vergiftet das Klima* (*FA* 29.04.2011). Слово отравлять приобретает новое значение: обострять, нагнетать и употребляется в ситуации для придания негативной оценки представленному лицу, в данном случае адвокату. Таким образом, автор статьи заведомо создает у читателя отрицательное отношение к главному герою и реализует прагматическую установку.

Как известно, в немецком политическом дискурсе постоянно присутствуют медицинские термины в переносном значении. Зачастую читатель даже не осознает их значения в первоначальной сфере употребления, а именно этим имплицитным характером содержания информации и привлекательны данные термины для большинства авторов. КМ, основанные на медицинских терминах, достаточно редко выступают в качестве стилистически нейтральных элементов. Как правило, политические метафоры получают определенную окраску, чаще негативную. Причиной этого явля-

ется особенность обозначаемых дефиниций, то есть экстралингвистическая база медицинской терминологии, например: Ostsee droht der Kollaps (Der Spiegel 17/21.4.08). Термин Kollaps, обозначающий острую сосудистую недостаточность, имеет стойкую ассоциацию с очень неблагоприятной ситуацией, а именно с пиком ее развития, поэтому и приобретает новое значение «кризиса», что в свою очередь создает отрицательную оценку.

Прагматическое воздействие подобных оценочных метафор объясняется тем, что читателям хорошо известны первичные значения данных терминов, поэтому образ становится особенно действенным. Приведем еще один пример метафоры с медицинским семантическим компонентом в немецком политическом дискурсе: Kranke Geschäfte (Der Spiegel 17/21.4.08). В данном заголовке, употребляя медицинский термин «больной», автор доводят до читателя мысль, что многие владельцы магазинов в охоте за прибылью серьезно рискуют своим здоровьем и нуждаются в лечении.

Актуальность и высокая частотность употребления медицинской метафоры в заголовках газетных текстов объясняются ее семантическим компонентом. Когда журналист говорит о кризисных проблемах общества, болезненно сказывающихся на каждом, то охотно использует метафоризированные медицинские термины. С их помощью как нельзя лучше можно выразить свою личную позицию и попытаться воздействовать на сознание адресата.

В заголовках немецкоязычных газетных текстов метафорическому переосмыслению подвергаются также и спортивные термины. В политической деятельности при помощи спортивной метафоры подчеркиваются такие ее характеристики, как конкуренция, соперничество, борьба, азарт. Приведем несколько заголовков с употреблением метафор, основанных на спортивной терминологии: Neuling startet holprig an die Börse (SZ 05.02.2010); Es gibt ein Kopf-an-Kopf-Rennen (Der Spiegel 32/ 4.8.2008). В спортивной терминологии существует такое понятие, как «финиш голова в голову», который в результате метафоризации употребляется в политике для описания борьбы с небольшой разницей в количестве голосов. На наш взгляд, этот пример ярко характеризует особенности политического устройства и помогает читателю быстро восстановить ассоциативный ряд и представленные в статье события. Можно также предположить, что для описания предвыборных кампаний журналисты очень часто обращаются к использованию метафор, образованных на основе спортивной терминологии. Ведь именно они помогают передать соревновательность, остроту момента, переживания кандидатов и воссоздать полную картину происходящих событий.

Подводя итоги вышесказанному, следует подчеркнуть, что все приведенные примеры обладают большой воздействующей силой и убедительно

доказывают эффективность привлечения терминов разных областей к построению политических метафор. Их использование в газетной публицистике увеличивает информативную ценность сообщения и приводит к реализации важных ее функций – убеждения и эмоционального воздействия.

В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что использование изобразительно-выразительных средств не только украшает речь, но и усиливает ее воздействие на читателей, помогает более точно и ярко выразить авторское отношение к поставленной проблеме. Хорошо продуманный подбор средств и точное словоупотребление способствует реализации прагматической установки.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1969.
2. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. – М., 1958.
3. Гальперин И. Р. О принципах семантического анализа стилистически маркированных отрезков текста // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С. 267-289.
4. Наер В. Л. Концептуальная и стилистическая метафора: общее и различное // Вестник МГЛУ. – 2003. – № 474. – С. 3-11.
5. Шибанова Е. О. Метафорические и концептуальные системы в сфере экономики и политики (на материале англоязычной прессы): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1999.

Политический дискурс в фокусе текстовой диалогичности

В статье раскрываются особенности политического дискурса с позиции диалогичности текста, основные положения которой восходят к идеям М. М. Бахтина. Внимание фиксируется на диалогической природе дискурса, проявляющейся в регулярных ссылках на даты и события, рассматриваемые как его хронотопы. Анализ проводится на материале еженедельника Moscow News.

The article deals with typical features of political discourse from the viewpoint of text dialogics, going back to Bachtin's ideas. Attention is paid to the dialogic nature of political discourse revealed through regular references to dates and events understood in the article as chronotopes. The analysis is based on the weekly Moscow News.

Ключевые слова: диалогика текста, политическая лингвистика, политический дискурс, антропоцентризм, языковое пространство, хронотоп, переключки голосов, диалогически активные точки

Key words: dialogics of the text, political linguistics, political discourse, anthropocentrism, lingual room, chronotope, interchange of the opinions, dialogically active points.

В настоящее время политическая лингвистика стала важнейшей отраслью языкознания. В разработке её проблематики весьма эффективной может оказаться теория диалога в концепции М. М. Бахтина. Понимание диалога в его трактовке в принципе отлично от традиционного толкования, поскольку тот мыслится как явление, обладающее фундаментальными свойствами универсальности. Диалог в этом случае основывается на признании того факта, что высказывание (если оно рассматривается не изолированно, а по отношению к другим высказываниям) оказывается лишь звеном в цепи речевой коммуникации, с одной стороны, впитывая в себя предшествующие звенья этой цепи, а с другой, являясь на них реакцией. В то же время высказывание связано не только с предшествующими, но и с последующими звеньями речевого общения в том смысле, что всякое высказывание строится с учетом возможных ответных реакций [2, с. 248].

Как представляется, политическая коммуникация – и политический дискурс в том числе – в полной мере соответствуют бахтинскому пониманию диалога, который, к тому же, в состоянии послужить удобной позицией для их рассмотрения. Их взаимное соответствие обусловлено тем, что многочисленные ссылки на мнения политиков, упоминание конкретных политических решений, событий и действий составляют значительную

часть политической коммуникации и играют важную роль в формировании определенной политической позиции читателя.

Уже сама речь, как установил Э. Косериу [11, с. 24], является политически нагруженной, так как является знаком солидарности с другими членами общества, употребляющими тот же язык. Политическая нагруженность используемого политиками дискурса имеет более и менее активные зоны, которые легко выявляются с позиции бахтинского диалога. В данном случае допустимо ввести понятие диалогически активных точек, которые наиболее часто становятся средоточием мнений. В их число в первую очередь войдут антропонимы и хронотопы, большей частью временные, но, вероятно, и локальные.

В настоящей статье рассматриваются хронотопы-даты, встречающиеся в речи политиков, к которым они апеллируют достаточно часто и которые, как они (возможно, вполне справедливо) полагают, хорошо известны их оппонентам и всем прочим потребителям политического дискурса. Таким образом, здесь изначально присутствует в скрытой форме идея диалога, когда говорящий (в частности, автор политической статьи) строит высказывание в полной уверенности в осведомленности своих партнеров по коммуникации об определенной внеязыковой информации.

В англоязычной политической коммуникации подобные хронотопы-даты (понимаемые как диалогически активные точки) имеют вполне определенный денотативный спектр и состав. Если обратиться к газете *Moscow News* (представляющей, помимо прочего, лингвокультурологический срез политического дискурса), то можно отметить следующие особенности в использовании политиками дат и ссылок на те или иные события нашей истории. Авторы, среди которых немало англоязычных журналистов, проявляют исключительную избирательность в упоминании такого рода дат, одновременно с этим избегая вносить в их состав какое-либо разнообразие. Данное обстоятельство представляется весьма иллюстративным с точки зрения того, каким образом представители иноязычной культуры выстраивают диалогику политической коммуникации с отечественным реципиентом.

Нередко политики упоминают в своей речи определенные даты и события для отождествления их с конкретной политической ситуацией в стране и мире политики, для оценки деятельности политических лидеров ушедших эпох и для поднятия своего рейтинга. В этом, в свою очередь, состоит предназначение политического дискурса – внушить гражданам, потребителям политического дискурса, необходимость политически грамотных поступков, а также модель определенной оценки того или иного политика, действия, события.

Важно отметить, что употребление дат и событий в политических текстах тесно соприкасается с другой бахтинской теорией, а именно с теорией хронотопа. Центральной, по мнению М. М. Бахтина, является аксиологическая направленность пространственно-временного единства, функция

которого (как можно заключить, и в политическом тексте) заключается в выражении личностной позиции и смысла: «вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопа» [1, с. 491]. Иными словами, смыслы, которые содержатся в политических текстах, могут быть определены только через их пространственно-временное выражение. Не менее важным является тот факт, что собственными хронотопами обладают и автор, и политический текст, и воспринимающий его читатель. Данное понимание текста является одной из форм проявления диалогичности, так как хронотопы не могут быть упорядочены в единую рационализированную систему монологического типа. В конечном итоге теория хронотопа выходит на центральную бахтинскую тему текстового диалогизма.

В текстах еженедельника *Moscow News* особый интерес вызывает анализ корреспондентами характера упоминаемых ими событий и фактов. Они все тревожные и напряженные. Иностранные авторы, апеллируя к ним, выдают собственный политический настрой, с которым они пишут о России. Таким образом, даты и события становятся диалогически активными точками, которые сосредоточивают в себе мнения авторов.

Самым ярким примером использования временного хронотопа в политических статьях газеты *Moscow News* являются события, так или иначе касающиеся периода Второй Мировой войны. Они выступают в качестве диалогической опоры, так как мнение, мысли и позиция автора в политическом дискурсе в значительной степени формируются благодаря обращению к историческим событиям прошлого и настоящего. Приведем несколько примеров: «A child of Holocaust survivors – Finkelstein’s father was on a death march in Auschwitz and his mother was a survivor of the Majdanek death camp – he challenges anyone who tries to use his deceased parents’ memory for geopolitical advantage when invoking the Nazi genocide against the Jews» [13, p. 3].

В данном примере автор Питер Лавелле описывает деятельность своего еврейского коллеги, дающего правдивую информацию об израильско-палестинских конфликтах. На фоне борьбы за правду в современных СМИ упоминается событие Второй Мировой войны, непосредственно затронувшее семью еврейского журналиста и повлиявшее на всю его дальнейшую судьбу, – холокост. Таким образом, автор вступает в диалог с читателем, заставляя его согласиться с его мнением по поводу страшного преступления против еврейского народа.

Другой пример исторического события времен Второй Мировой войны несет в себе политический подтекст: «This is especially evident against the background of the extremely liberal approach Western scholars reveal in relation to, say, President Viktor Yushchenko’s attempts to build Ukrainian national consciousness on a narrative of eternal confrontation with Russia. Neither Israel nor Poland, countries whose nationals were killed by the

troops of Stepan Bandera – recently declared a national hero of Ukraine – reacted to Yushchenko’s glorification of this Nazi collaborator» [9, p. 2].

В данном примере присутствует модель построения диалога «лицом к лицу». Автор обращается не только к читателю, но и к правительству Польши и Израиля, чей народ пострадал от преступника Бандеры, воевавшего в рядах фашистской армии. Здесь речь идет об употреблении антропонима, символизирующего временной хронотоп 1941 года.

В другом примере события, характеризующие преступления со стороны советских и фашистских лидеров, употребляется через обращение к именам собственным: «Many still remember the epoch that can tell us a lot about blood and power – the epoch of Stalinhitler, or, on the opposite side, Hitlerstalin [10, p. 3].

В данном случае обращает на себя внимание образование производных лексем. Характеризуя эпоху холокоста и репрессий тридцатых годов и периода начала Великой Отечественной Войны, автор употребляет дериваты Stalinhitler и Hitlerstalin, не видя принципиальной разницы между жестокостью двух предводителей воюющих стран.

В одном из примеров был отмечен целый ряд лексем, описывающих события эпохи Второй Мировой войны: «The show made Welles famous, but a side effect of crying wolf came three years later: When the Japanese Air Force attacked Pearl Harbor in December 1941, many Americans didn’t believe it was really happening – and some wondered if it wasn’t another Orson Welles production» [22, p. 2]. Примечательно, что статья принадлежит американцу Тиму Уоллу. Журналист упоминает события с розыгрышем американского населения в ходе постановки шоу на радио «Война миров». В статье отмечено, что в год постановки этого шоу американцы по-настоящему поверили в захват США марсианами. Далее автор повествует о том, что подобный случай сыграл злую шутку в 1941 году, когда каждый житель Америки отказывался верить во внезапный удар японской авиации по военной базе Перл-Харбор 7 декабря 1941 года. Данный контекст подразумевает и еще одну дату – 8 декабря 1941 – официальную дату вступления США во Вторую Мировую войну. И, наконец, упоминание о шоу Орсона Велса происходит в контексте ложной информации о смерти действующего президента Грузии Михаила Саакашвили, освещенной на грузинском телевидении.

Предпринятый анализ текстового упоминания событий Второй Мировой войны позволяет прийти к выводу, что этот период характеризуется в основном через текстовые упоминания конкретных участников данных событий (антропонимы) и названий мест военных действий (топонимы). Это обуславливается, в первую очередь, лингвокультурной направленностью авторских обращений. На первом месте, особенно у англоязычных авторов, находятся, прежде всего, личности и временные хронотопы, так как с

их помощью дается оценка политических событий, затрагивающих сферу российской действительности, но отраженных в англоязычной культуре.

В ходе исследования был зафиксирован целый комплекс примеров, описывающих сталинские репрессии 30-х годов. Важно заметить, что эти события характеризовались либо номинацией, либо конкретной датой. В одном из примеров упоминается массовый расстрел советских офицеров в 1937-1938: «The mass purging of the Soviet general staff in 1937-38 – paved the way for the 1941 invasion» [21, p. 2]. В данном примере исторические даты вступают в диалогические отношения при выделении автором причинно-следственных связей между сталинскими репрессиями и вторжением гитлеровских войск.

В другом примере также идет упоминание даты и названия события: «The Soviet Union won the war despite Stalin, not because of him. Let's just recall the repressions in the years before the war. There was terror in the army – up to 40,000 servicemen were arrested and shot in 1937-38» [4, p. 5].

В следующем примере 1937 год называется уже непосредственно в прямом значении, но без указания преступлений: «The good memories ended abruptly in 1937. Her father, like so many others, was booted out of the Communist Party and lost his position in society before he even realized what happened» [12, p. 13]. В данном примере англоязычным автором Олафом Коэнсом описываются эмоции обычного человека, переживающего чувство страха. Потеря уважения со стороны Коммунистической партии и арест друзей и знакомых напоминают читателю о жестокой правде Советской истории.

В другом примере события 1937 года упоминаются в контексте событий современности, связанных со скандалом после смерти юриста Сергея Магнитского в следственном изоляторе: «Zherebenkov, a former investigator himself, attributes these problems to a systemic lack of care towards people under investigation: "The attitudes haven't changed since 1937», he said. «It is believed that once law enforcement has accused him, then he is already guilty“» [6, p. 3]. В данном примере 1937 подразумевает плохое отношение к заключенным со стороны медицинских сотрудников современных исправительных колоний и признание человека виновным без судебных разбирательств.

Еще одним примером употребления даты 1937 является статья, посвященная отставке мэра Москвы Юрия Лужкова: «But the most striking evidence of an unprecedented political conflict was Luzhkov's angry letter to Medvedev, directly accusing him of hypocrisy over his democratic talk and «undemocratic sacking»: «Fear to express one's opinion in our country has existed since 1937», Luzhkov wrote in the letter, dated Monday, which was published by liberal magazine the New Times late on Tuesday» [14, p. 3]. В данном примере Лужков намекает на незаконность решения президента

Медведева отправить его в отставку. Таким образом, Лужков сравнивает политику современного руководства государства с политикой Сталина.

В одном из примеров упоминается оба вышеупомянутых события – 1937 год и годы Великой Отечественной войны: «Just why Moscow Mayor Yury Luzhkov is so heels-dug-in determined that the city honor Josef Stalin in this year's Victory Day festivities is a real poser – the riddle wrapped in a mystery inside an enigma of recent Russian political life...

Virginia may also offer some useful perspective here. McDonnell, the state's new Republican governor, recently issued a proclamation recognizing April as Confederate History Month, honoring «the sacrifices of the Confederate leaders, soldiers and citizens» [19, p. 3].

В данном примере диалогика текста входит в рамки диалога культур. Марк Титер сообщает о событии, связанном с годовщиной жертв Гражданской войны 1861-1865 годов, которое удивило мировую общественность фактом почтения памяти жертв только «белого» населения. В этом смысле автор обращается к Лужкову, намеревавшемуся вывесить 9 мая плакаты с портретом Сталина, с призывом учесть все те страшные моменты, которые предшествовали войне (массовые репрессии).

В качестве своеобразного итога следует отметить, что от сталинских репрессий пострадало не только население СССР, но и американские журналисты Moscow News, работавшие в СССР в 30-е годы: «As a newspaper created by and for Americans working in the Soviet Union, The Moscow News was at the centre of one of the 20th century's most underreported tragedies: the entrapment and repression of thousands of American émigrés during the Great Purges» [8, p. 12]. Обращает на себя внимание наименование политического события Great Purges (Большая Чистка). Важно отметить, что автор сознательно пропускает год кровавой даты, делая акцент на эмоциональной составляющей.

В ходе исследования было обнаружено упоминание событий, связанных с терроризмом. В основном были упомянуты события российской действительности. В одном из примеров описывается длительная история противостояния российского руководства и кавказских террористов: «Questions of national self-determination and independence for various Russian republics, mainly in the North Caucasus, have been a sore point for decades. In the case of Chechnya, the conflict between separatists and Russian authorities has been going on in one form or another for two centuries.

But never in the history of these conflicts – as with the struggle by Russian Narodniks and anarchists in the 19th and early 20th centuries – has anything been achieved by terrorist attacks.

Instead, the assassination of Tsar Alexander II and other officials in Imperial Russia was used to justify repression» [24, p. 2].

На фоне чеченских событий 1990-2000 годов упоминаются бунты народников и анархистов XIX-XX веков, а также убийства прогрессивного

императора Александра Второго. Автор напоминает читателю о том, что терроризм в той или иной форме существует уже на протяжении двух веков. В данном примере присутствует элемент интертекстуальности – размышление автора с целью эффективного воздействия на реципиента.

В другом примере диалогический характер приобретает дата 1999 года: «Those two have instead confined themselves to variations of Putin's 1999 anti-terrorist line. This time Putin has called for «dragging them from the sewers», while Medvedev has mentioned «grinding them to dust»» [15, p. 2]. Дело в том, что 1999 год – год избрания Путина председателем правительства РФ, начала Второй Чеченской компании и знаменитого обещания Путина «мочить террористов в сортире». Поэтому 1999 год становится переломным моментом в новейшей истории России.

После взрывов метро в марте 2010 года в российской прессе много раз обыгрывалась еще одна страшная дата в истории человечества – взрыв башен-близнецов 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке: «And this is possible – just look at New York. When the Twin Towers were hit on the 11th of September in 2001, New Yorkers could trust their public servants – policemen, firemen and other emergency workers – to risk their own lives to rescue the victims» [21, p. 2]. Журналист Moscow News Тим Уолл упоминает это событие в контексте циничного поведения московских таксистов, увеличивших цены на проезд в несколько раз после взрывов на станции Лубянка. Он отмечает, что все жители Америки (простые рабочие, пожарные, полицейские) рисковали своей жизнью в надежде спасти раненых после взрыва в Нью-Йорке. Лингвокультурные элементы диалога обнаруживаются здесь наиболее очевидно, так как автор делает акцент на разных моделях общечеловеческой культуры, призывая отечественного читателя забыть о своей личной выгоде и проявить милосердие, сочувствие и доброту в минуты страшной трагедии.

В ходе исследования был отмечен ряд событий, упоминающих проявления фашизма, национализма и расизма. В одном из примеров, описывающих нападение скинхедов на иностранца в Москве, автор упоминает исторические события времени господства фашизма в некоторых европейских странах: «The phrase «people's friendship» was not always an empty phrase, but translated into real support – in the case of Republican Spain, where Soviet soldiers and international volunteers fought side-by-side against Franco's fascism in the 1930s.

As we prepare to commemorate the defeat of Hitler's fascism in World War II, we mark the colossal sacrifice made by the 26 million Soviet people who died in that war» [25, p. 2]. Помимо упоминания имени всемирно известного фашиста Гитлера автор вводит в текст статьи информацию о менее известном представителе данного политического течения. В наши дни не каждому российскому читателю известно о том, что Франко Баамонде Франсиско был главой испанского государства (каудильо) в 1939-1975 го-

дах и вождем Испанской фаланги в 1935-1937 годах, а также возглавил фашистский мятеж против Испанской республики.

В другом примере о проявлениях фашизма дополнительную коннотацию приобретает дата рождения фашистского лидера Адольфа Гитлера: «That attack in early March – and a fatal attack in Barnaul last month – fed fears that Russia’s radical racist fringe was preparing another string of attacks on foreigners in the run-up to Hitler’s birthday on April 20» [5, p. 1]. В современном мире этот день отмечается не только почтением памяти диктатора, но и массовыми беспорядками на улицах России и некоторых других стран Европы. Подобным образом эта дата упоминается в другом контексте: «”Because of increased police vigilance, April 20 has been considered a safe day for foreigners“, said Galina Kozhevnikova, deputy director of Sova, an anti-racist monitoring organization» [3, p. 3]. В данном примере 20 апреля расценивается как безопасный день для иностранных жителей нашей страны на том основании, что в этот день привлекается большое количество полицейских для борьбы с выступлениями нацистов.

В одном из примеров, где дана информация о борьбе с нелегальной миграцией и националистическими проявлениями, упоминаются события древнейших времен: «Forget the famously controversial importation of foreigners and foreign ideas under the Greats (Peter and Catherine) and the un-Greats (the Bolsheviks of the late 1920s-early 30s). Does anyone doubt there was resistance to Russia’s original modernization-via-foreigners – the fabled invitation to the Varangian Norsemen by the medieval East Slavs to «come and reign over us» because «there is no order in our land?

Yes, this country was effectively organized by immigrants; and surely great numbers of pre-Russians who got here before them, from Pechenegs to Polovetsians, resented the newcomers’ appearance – because that is what people who already are someplace tend to do when pushy arrivistes show up. It is human nature» [17, p. 3]. Данный пример маркирован обширной лингвокультурной информацией и переключкой голосов. Во-первых, упоминается политика Петра I и Екатерины Великой, которая во многом опиралась на западные идеи, и политика коммунистов, полностью отказавшихся следовать западным идеям. Во-вторых, иностранный автор Марк Титер напоминает о вторжениях варягов, половцев и печенегов, сыгравших важную роль в объединении русского княжества. В связи с этим автор призывает видеть и положительные моменты в процессе современной миграции.

Следующей датой, часто упоминаемой в текстах газеты Moscow News за 2010 год, является 1917 год. В одном из примеров эта дата приобретает отрицательную коннотацию: «It is a battleground between church and state which dates back to the immediate aftermath of the 1917 revolution, and pits Russia’s soul against its heritage» [16, p. 6]. В данном примере англоязычным автором Энди Поттсом интерпретируется событие, связанное с началом

противостояния русской церкви с властью. Автор подчеркивает, что именно в 1917 году началась эта жестокая борьба, повлекшая за собой массовые расправы со священниками и уничтожение многих святынь.

В другом примере упоминается имя собственное политика Александра Керенского, возглавлявшего Россию в 1917 году: «First off, note that Medvedev was not the first Russian head of state to drop by Stanford and find himself engagingly diverted. Alexander Kerensky, leader of the Provisional Government in 1917, came to the university later in life – and ended up teaching and lecturing there for several decades» [18, p. 3].

Следует обратить внимание на тот факт, что Медведев является первым действующим президентом России, посетившим Университет Стэнфорда. Автор сознательно называет год переломной эпохи в России (1917), когда во главе правительства стоял Керенский. Поэтому здесь скрывается уважение и доверие к действующему президенту России Медведеву со стороны американца Марка Титера.

В следующем примере 1917 ассоциируется уже с современным политическим состоянием России: «”Should we approach the federal election in a situation where the ruling party has lost its clout already, but the opposition is not ready to offer any adequate alternative, we might find ourselves in another 1917“, Pavlovsky said» [23, p. 2].

Известный российский политический эксперт Глеб Павловский описывает состояние нынешней политической системы как нестабильное. По его мнению, отсутствие конкуренции в выборной компании и многолетнее доминирование одной политической партии могут привести к событиям, идентичным революции 1917 года.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что исторические даты (как временные хронотопы) в рамках политического дискурса в полной мере демонстрируют, по выражению М. М. Бахтина, «вступление в сферу смыслов». Они маркируют семантические, смысловые и прагматические грани политической коммуникации, формируя её наиболее активные диалогические точки. В этом смысле показателен репертуар упоминаемых дат, заключающий в себе характерные для того или иного исторического периода информативные вехи, ориентируясь на которые автор и реципиент могут успешно совершать диалогическое общение.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа // Вопросы литературы и эстетики. – М.: 1975. – С. 490-493.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979.
3. Antonova N. Father stabbed on Hitler’s birthday // Moscow News. – 2010. – № 14 F. – P. 3.
4. Arutunyan A. Stalin posters divide Moscow // Moscow News. – 2010. – № 6. – P. 5.
5. Arutunyan A. Racism on the retreat // Moscow News. – 2010. – № 10. – P. 1.
6. Arutunyan A. More prison deaths coming // Moscow News. – 2010. – № 16 F. – P. 3.

7. Arutunyan A. What did the Romanovs do for us // Moscow News. – 2010. – № 19 F. – P. 1-2.
8. Arutunyan A., Wall T. Lost in Stalin's Russia // Moscow News. – 2010. – № 52. – P. 12.
9. Babich D. A time to listen / Dmitry Babich // Moscow News. – 2010. – № 4. – p. 2.
10. Babich D. Tear down that allegorical // Moscow News. – 2010. – № 14. – P. 3.
11. Coseriu E. 1987 – Lenguaje y polttica // M. Alvar ed. El lenguaje politico. – Madrid, 1987. – P. 9–31.
12. Koens O. A simple hello vs. Hitler's jaw // Moscow News. – 2010. – № 20 F. – P. 13.
13. Lavelle P. Challenging today's media hegemony avelle // Moscow News. – 2010. – № 4. – P. 3.
14. Nikishenkov O. The rise and fall of Yury Mikhailovich // Moscow News. – 2010. – № 51. – P. 3.
15. Nikishenkov O. New blasts rock Dagestan // Moscow News. – 2010. – № 11 F. – P. 3.
16. Potts A. Moscow's famous cathedrals prompt an unholy row // Moscow News. – 2010. – № 19. – P. 6.
17. Teeter M. What have the Vikings ever done for us? // Moscow News. – 2010. – № 17. – P. 3.
18. Teeter M. From Stanford to Skolkovo // Moscow News. – 2010. – № 26. – P. 3.
19. Teeter M. The way we weren't // Moscow News. – 2010. – № 15. – P. 3.
20. Wall T. Posters are not the way // Moscow News. – 2010. – № 6. – P. 2.
21. Wall T. Clean up the streets // Moscow News. – 2010. – № 8 F. – P. 2.
22. Wall T. The boy who cried war // Moscow News. – 2010. – № 9. – P. 2.
23. Wall T. A lack of alternatives // Moscow News. – 2010. – № 9 F. – P. 2.
24. Wall T. A terrorist dead end // Moscow News. – 2010. – № 11. – P. 2.
25. Wall T. A cowardly racist attack // Moscow News. – 2010. – № 14 F. – P. 2.

Семантические особенности номинации в английском и русском социолектах наркоманов

В статье подводятся итоги изучения семантических особенностей английского и русского социолектов. В работе рассмотрены выявленные в указанных социолектах семасиологические (лексико-семантические группы, синонимия) и ономасиологические (метафора и метонимия, оноματοпея) особенности и их продуктивность.

The paper provides an overview of semantic features in English and Russian drug addicts' sociolects. The author presents semasiological (lexico-semantic groups and synonyms) and onomasiological (metaphor and metonymy, onomatopoeia) features of the named sociolects. It is complemented by productivity.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, синонимия, метафора, метонимия, синекдоха, оноματοпея.

Key words: lexico-semantic group, synonymy, metaphor, metonymy, synecdoche, onomatopoeia.

Настоящая статья продолжает исследование особенностей номинации в английском и русском социолектах наркоманов. Цель статьи – дать представление о семантических особенностях указанных субстандартов.

Семантические особенности представлены семасиологическими (лексико-семантические группы и синонимические ряды) и ономасиологическими (метафорический и метонимический переносы наименования, оноματοпея) особенностями. Рассмотрим их подробнее.

Семасиологические особенности

Взаимосвязи слов в лексической системе языка основываются на парадигматических и синтагматических отношениях. В широком смысле парадигматика – это система языка, совокупность лингвистических классов парадигмы. К парадигматике относятся группировки слов в системе языка, основой которых выступает оппозиция (синонимия, антонимия, гипонимия, паронимия, гнездо слов, семья слов, лексико-семантическая группа, а также наиболее общая группировка слов – поле). Лексическая парадигматика – парадигматические отношения между лексемами. Ей противопоставлена лексическая синтагматика, которая отражает синтагматические отношения между лексемами. В широком смысле синтагматика определяется как отношение между последовательно расположенными единицами языка [2, с. 112-113].

Согласно лингвистическому энциклопедическому словарю, лексема представляет собой слово, рассматривающееся как единица словарного со-

става языка в совокупности его конкретных грамматических форм и выражающих их флексий, а также возможных конкретных смысловых вариантов; абстрактная двусторонняя единица языка, представляющая совокупность форм и значений одного слова во всех его употреблениях и реализациях; характеризуется как формальным, так и смысловым единством [3, с. 257].

Семантические группировки слов детально описываются в теории семантического поля, которое определяется как «совокупность слов различных частей речи, объединенных общностью выражения одного понятия» [1, с. 4]. Мы используем термин лексико-семантическая группа.

В английском и русском социолектах наркоманов выделяются следующие общие лексико-семантические группы (многозначные социолектизмы принадлежат сразу к нескольким лексико-семантическим группам):

1. Лексико-семантическая группа, обозначающая виды наркотиков (английский язык: асе – марихуана; русский язык: антрацит – общее название сухих кристаллических наркотиков).

2. Лексико-семантическая группа, обозначающая формы наркотических веществ (английский язык: A-bomb – марихуана и героин, сформированные в сигарету; русский язык: диск – наркотик в таблетированной форме).

3. Лексико-семантическая группа, обозначающая приготовление наркотиков (она включает в себя слова со значением как действия по приготовлению наркотических веществ, так и приспособления, места, компонентов, материалов и людей, занимающихся этим видом деятельности) (английский язык: brewery – место приготовления наркотических веществ; русский язык: агрегат – весы любого типа, чаще всего рычажные, для взвешивания наркотиков и ингредиентов для их изготовления).

4. Лексико-семантическая группа, обозначающая оборудование для приёма наркотиков (английский язык: artillery – оборудование для инъекции наркотиков; русский язык: агрегат – медицинский шприц для введения наркотиков).

5. Лексико-семантическая группа, обозначающая действия по употреблению наркотиков (английский язык: back up – подготовка вены для инъекции; русский язык: бахаться – делать инъекцию наркотика).

6. Лексико-семантическая группа, обозначающая распространение наркотиков (как сам процесс, так и людей, занимающихся этим видом деятельности) (английский язык: bagboy – продавец наркотиков; русский язык: алик – продавец амфетамина).

7. Лексико-семантическая группа, обозначающая состояние наркотического опьянения и наркотической зависимости (английский язык: baby – лёгкая героиновая зависимость; русский язык: атама – состояние сонливости после приема наркотика).

8. Лексико-семантическая группа, обозначающая самих наркоманов (английский язык: bedbugs – наркоманы; русский язык: абрикос – (малолетний) наркоман, употребляющий наркотик в таблетированной форме).

9. Лексико-семантическая группа, обозначающая анатомические термины (английский язык: channel – вена, в которую вводится наркотик; русский язык: арык – вена, в которую производится инъекция).

Следующие лексико-семантические группы нами были обнаружены только в английском социолекте наркоманов:

1. Лексико-семантическая группа, обозначающая представителей правопорядка: Man – полицейский.

2. Лексико-семантическая группа, обозначающая цену за дозу наркотика: Abe – количество наркотиков на сумму \$5.

3. Лексико-семантическая группа, обозначающая деньги: Cod – большая сумма денег.

В ходе исследования рассматривались синонимические ряды. Синонимические ряды, выявленные в обоих социолектах: *абстинентный синдром* (английский язык: agonies – абстинентный синдром; русский язык: абстак – абстиненция, абстинентный синдром; *амфетамин* (английский язык: aimies – амфетамин; русский язык: амфа – амфетамин); *гашиш* (английский язык: black powder – черный гашиш в порошкообразной форме, gram – гашиш; русский язык: аршин – гашиш); *героин* (английский язык: antifreeze – героин; русский язык: белый – героин); *кокаин* (английский язык: angie – кокаин; русский язык: кокс – кокаин); *курить марихуану* (английский язык: bast – курить марихуану; русский язык: пыхать, пыхнуть – курить марихуану); *ЛСД* (английский язык: acid – ЛСД; русский язык: дот – ЛСД); *марихуана* (английский язык: airplane – марихуана; русский язык: азиатка – марихуана); *наркоман* (английский язык: chaser – наркоман, периодически употребляющий крэк; русский язык: анашист – наркоман, курящий анашу); *наркотик* (собирает.) (английский язык: blanks – низкокачественные наркотики, jive – наркотики; русский язык: беда – наркотики, бешеные – общее название наркотиков); *торговец наркотиками* (английский язык: bagboy – продавец наркотиков; русский язык: банкир – торговец наркотиками, бастурман – торговец наркотиками из Средней Азии); *опий* (английский язык: Aunti – опиум; русский язык: гара-хан – опий); *экстези* (английский язык: Elaine, lucky Charmz, number 9 – экстези; русский язык: е, ешка – экстези).

Синонимические ряды, выявленные только в английском социолекте наркоманов: *Depressant* (Backwards, bam, bambs, bank bandit pills, Barbies, beans, black beauties, block busters, blue, blue birds, blue bullets, blue devil, blue dolls, blue Heavens, blue tips, busters, chorals, Christmas rolls, etc.); *Fentanyl* (Apache, China girl, China town, China White, dance fever, friend, goodfellas, great bear, he-man, jackpot, King ivory, murder 8, poison, Tango & Cash); *Methamphetamine* (Batu – курительный метамфетамин, chalk –

метамфетамин, Christine – метамфетамин в кристаллической форме, crank, crink, Cris, Cristina – метамфетамин, Cristy – курительный метамфетамин, Crypto, crystal, crystal meth – метамфетамин, El Gato Diablo – метамфетамин в кристаллической форме, fire – метамфетамин, Hipron – курительный метамфетамин, Hot ice – курительный метамфетамин, ice – метамфетамин, Kaksonjae – курительный метамфетамин, L.A. glass, L.A. ice – курительный метамфетамин, meth, quill, speed – метамфетамин, super ice – курительный метамфетамин, wasted water, white cross, yellow bam – метамфетамин); MDMA (Adam, baby slits–МДМА, booty juice – раствор МДМА, chocolate chips, clarity, decadence, doctor, E, essence, euphoria, Kleenex, love doctor, love potion #9, roll, rolling, running, slits, speed for lovers, X-ing–МДМА); Marijuana cigarette (African woodbine, amp joint – сигарета с добавлением марихуаны и другого наркотика, binky, blanket, bob, bomber, cancelled stick, catnip, climb, cripple, Earth, fatty, finger, gasper, gasper stick, good butt, goof butt, gyve, happy cigarette, hay butt, hot stick, j, jay, joint, joy stick, ju-ju, kick stick, Mari, Megg, mighty mezz, mooters, nail, number, pack of rocks, panatella, prescription, rockets, spliff, straw, twist, twistum, zol – сигарета с марихуаной).

Синонимические ряды, выявленные только в русском социолекте наркоманов: аптека (драга, драгстер, драгстор, калечка, каличная, калечная, калька); галлюцинации (глюк, глюка, глюкалово, глюква, мультики – галлюцинации в виде подвижных маленьких человечков и зверюшек, напминающие мультипликационные фильмы); шприц (агрегат, аппарат, баян, дурмашина, заноза, игла, игляк, кобыла, кубовик, лайба, лаибочка, машина, насос, обруч, пипетка, пырляк, саморуб, самосвал, телега, трактор, тройка, шира, ширка).

Ономасиологические особенности

Метафорический перенос наименования. Метафора – самое популярное и эффективное средство реализации эстетического приема отстранения, своего рода заимствование, семантический экзотизм среди привычных и нейтральных номинаций. При этом заимствуются не слова или значения, а образы, и не из чужих лексических систем, а из собственной общепотребительной и общедоступной лексико-семантической системы. Чтобы понять оценочную экспрессию заимствования, экзотизма, надо знать его смысл, чтобы почувствовать выразительность жаргонной метафоры, надо понять её образность [4, с. 88].

Среди исследованного материала выделяются:

1) метафора на основе сходства по форме (в английском языке а) реальное сходство: African woodpine (африканский плющ пятилистный) – марихуана, tea (чай) – марихуана, weed (сорняк, сорная трава) – марихуана; б) приписываемое сходство: black bomber (черный бомбардировщик) – капсула амфетамина весом 20 мг, dominoes (домино) – капсулы Durophet (торговая марка препарата) весом 12 мг, prick (шип, колючка, игла) – сига-

рета с каким-либо наркотиком, чаще всего с марихуаной, snar (кнопка для одежды) – ампула амфетамина, завернутая в ватный диск, yellow jacket (желтый пиджак) – капсула Nembutal (торговая марка препарата); в русском языке а) реальное сходство: камень – гашиш; кристалл – метамфетамин; солома – 1. марихуана низкого качества, 2. высушенный и измельченный опиумный или масленичный мак; б) приписываемое сходство: дорога, дорожка – 1. вена, 2. сплошные следы на вене от систематических уколов; лаврушка – анаша; палочка – доза опия в свернутом трубочкой целлофане);

2) метафора на основе сходства по содержанию (в английском языке а) реальное сходство: bust (разорение) – рейд, организованный полицией, corporation cocktail (букв. корпоративный коктейль) – молоко, насыщенное каменноугольным газом, hash tea (букв. гашишный чай) – «варево» из трав с примесью каннабиса; б) приписываемое сходство: buzz (жужжание) – дрожь, возбужденное состояние из-за действия наркотического вещества, flash (вспышка) – эффект, получаемы при приеме кокаина, реже метедрина, flip (щелчок) – доза героина, horrors (ужасы) – острый психоз, вызванный воздействием амфетамина, депрессия после отказа от амфетамина, симптом, наблюдаемый при отказе от героина, trip (путешествие) – опыт употребления наркотиков, viper (гадюка) – человек, употребляющий наркотические вещества, преимущественно марихуану; в русском языке а) реальное сходство: коктейль – совокупность проглатываемых таблеток, содержащих наркотические вещества; кусок – доза наркотика; б) приписываемое сходство: золотуха – передозировка наркотиков; кайф-базар – притон наркоманов; паровоз, паровозик – способ курить, при котором один человек берет в рот папиросу с травой (горящим концом внутрь) и пускает дым, чтобы могли затянуться другие участвующие; поцелуй – один грамм наркотика;

3) метафора на основе сходства функций (в английском языке а) реальное сходство: guide (гид) – человек, имеющий некоторый опыт употребления наркотических веществ, при этом более здравомыслящий, чем те, кто пробует наркотики впервые, kef (кайф) – марихуана, operator (оператор) – продавец наркотиков; б) приписываемое сходство: blue velvet (букв. голубой бархат) – болеутоляющее и антигистаминное средство, gage (мера) – марихуана, сигарета с марихуаной, gun (ружье) – шприц; в русском языке а) реальное сходство: кролик – самый зависимый из всех членов группы наркоманов, которого за «долги» используют для испытания действия самодельных препаратов; мул – специально подготовленный агент, проглатывающий пакетики-контейнеры с наркотиком для переноса через границу; б) приписываемое сходство: аршин – стакан как единица измерения количества наркотика; банкир – торговец наркотиками; кровельщик – сильнодействующий гашиш.

Только в английском социолекте наркоманов выделен следующий вид метафоры: метафора на основе качественных характеристик (black and tan (черный и желтовато-коричневый цвет) – амфетамин, blue (синий цвет) – таблетка амфетамина, purple heart (букв. пурпурное сердце) – таблетка декседрина, применяемая как наркотик, snow (снег) – морфин.

Метонимический перенос наименования. Метонимия (в традиционном понимании) – «это троп или механизм речи, состоящий в регулярном или окказиональном переносе имени с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию. Основой метонимии могут служить пространственные, событийные, понятийные, синтагматические и логические отношения между различными категориями, принадлежащими действительности и ее отражению в человеческом сознании, закрепленным значениями слов, - между предметами, лицами, действиями, процессами, явлениями, социальными институтами и событиями, местом, временем и т.п. Использование метонимии может быть либо конситуативно свободным, либо наталкиваться на семантические, синтаксические и ситуативные ограничения. Следовательно, необходимо различать: 1) собственно лексическую метонимию, 2) конструктивно (синтаксически и семантически) связанную метонимию, 3) ситуативно обусловленную метонимию, которую по функции можно назвать идентифицирующей» [3, с. 300].

В исследуемом материале выявлены:

1) каузальная метонимия, представляющая причинно-следственные отношения между объектом и субъектом, действием и объектом, инструментом и объектом и т.д.:

M1: [объект → действие]: английский язык: dropper (пипетка) – вводить наркотик, gravity (подливка) – вводить наркотик;

M2: [объект 1 → объект 2]: английский язык: bag (сумка) – упаковка для наркотика, bale (кипа, тюк) – марихуана, bar (брусок) – марихуана, bundle (сверток) – героин, chuck (пища) – голод, наступающий после приема наркотика, gee («кусоч», «штука», тысяча долларов) – опиум, gimmick (хитроумное приспособление) – устройство для введения наркотика внутривенно, sandwich (сэндвич) – два слоя кокаина, между которыми слой героина; русский язык: пятка, пяточка, пятуля – окуроч папиросы с анашой (обычно закручивается, чтобы не высыпалась трава);

M3: [действие → объект]: английский язык: blasted (разрушенный) – наркотическое опьянение, stash (копить, припрятывать) – укромное место для хранения наркотиков; русский язык: грызло – молотые высушенные головки мака (чтобы грызть), колики – наркотики, вводимые внутривенно, нюхта, нюхара – кокаин;

M4: [действие 1 → действие 2]: английский язык: babysit (быть приходящей няней) – помогать кому-либо при первом употреблении наркоти-

ка, blast (дуть, продувать) – курить марихуану, connect (связываться) – покупать наркотики, cook (готовить) – смешивать героин с водой, dabble (заниматься чем-либо любительски) – время от времени употреблять наркотики, eat (есть) – принимать «кислоту» или галлюциногенные грибы, kick (ударять, пинать) – резко отказаться от наркотиков, shot (выстрел) – вводить наркотик внутривенно; русский язык: взмедитнуть – умеренно употребить наркотик, впрыскивать, втереть, двинуть – вводить наркотик внутривенно, подсесть – пристраститься к наркотикам, рассыпать – употреблять кокаин;

M5: [субъект 1 → субъект 2]: английский язык: body packer, body stuffer (букв. «упаковщик тела») – лицо, использующее свое тело как контейнер для перевозки наркотиков;

M6: [объект → действие → объект]: английский язык: bomb (бомба) – крэк, cliffhanger (захватывающий приключенческий фильм) – РСР, demo (демонстрация) – образец крэка, dolls (куклы) – депрессант, energizer (батарея марки «Энерджайзер») – РСР, infinity (бесконечность) – ЛСД, обладающая длительным эффектом, nose (нос) – героин;

M7: [результат → действие → объект]: английский язык: backwards (движение назад) – депрессант, dream (сон) – кокаин, dreams (сны) – опиум, euphoria (эйфория) – МДМА (метилендиоксиметамфетамин);

M8: [субъект → действие → объект]: английский язык: crank (чудак) – метамфетамин, dreamer (мечтатель) – морфин, madman (сумасшедший) – РСР;

M9: [объект → действие → субъект]: английский язык: buffer (буфер) – женщина, занимающаяся проституцией в обмен на наркотик;

M10: [инструмент → действие → объект]: русский язык: ацетонка – очищенный при помощи ацетона наркотик, бинты – млечный сок мака, используемый как наркотик (сок собирают на марлю);

M11: [объект → действие 1 → действие 2]: русский язык: лесенка, лестница – постепенное снижение дозы наркотика;

2) атрибутивная метонимия, или перенос наименования на основе смежности признаков объектов номинации:

M1: [признак → объект]: английский язык: bad (плохой) – крэк, black (черный) – опиум, марихуана, brown (коричневый) – героин, марихуана; русский язык: белое – амфетамин, белый, беляк – кокаин, беляшка – морфий, грязно – сырец гашиша, грязнуха – недоброкачественный наркотик кустарного производства, зеленое – высококачественный сырец гашиша, чернота, чернуха, чернушка – опий-сырец;

3) антропонимия, или приобретение именем собственным значения имени нарицательного:

M1: [имя собственное → имя нарицательное]: английский язык: Adam – МДМА, Alice – ЛСД, Bart Simpson – ЛСД, Belushi – кокаин и героин, Bernice – кокаин, Budda – марихуана, Cristina – метамфетамин, Harry,

Helen – героин, Henry, Henry VIII – кокаин, Jane – марихуана, Johnson – крэк, Juan, Juanita, Mary, Mary Ann, Mary Jane, Mary Jonas, Meggie – марихуана, San Pedro – мескалин, Santa Marta – марихуана, Scott – героин, Scottie – кокаин; русский язык: Борис – клей «БФ» (используемый наркоманами), Герасим – героин, Демидыч, Дёмик – димедрол, Джейн – марихуана, Дима, Димка – димедрол, Катюха, Катюша, Катя – кодеин, Люся – ЛСД, Мария – опий, морфий, Маруська – марихуана, Марфа – морфин, морфий, Марфутка – марихуана, Марфуша, Марфушка – морфин, морфий, Мериджейн – марихуана;

4) синекдоха как вид метонимии, основанный на партитивных связях одного предмета с другим. При синекдохе происходит расширение значения, если модель [часть → целое], и сужение значения при модели [целое → часть]:

M1: [часть → целое]: русский язык: игла, игляк – шприц;

M2: [целое → часть]: русский язык: каннабис – гашиш.

5) ономотопея – название действия или явления с помощью звуковой ассоциации: английский язык: blow – вдыхать кокаин, huff – наркотическое вещество, употребляемое путем вдыхания, puff – курить марихуану, sniff – вдыхать кокаин, snort – вдыхать кокаин; русский язык: запых – затяжка сигаретой с гашишем, пахтить – курить гашиш, пых – курение сигарет, папирос с наркотическим веществом, пыхалово – курение наркотиков; наркотики для курения, пыхальщик – наркоман-курильщик, пыхать – курить наркотики, пыхнуть – покурить анаши, пыхтун – паркоман-курильщик, хехекать – употреблять наркотики, хи-хи – находиться в состоянии легкого наркотического опьянения, шмыганье – введение наркотиков внутривенно, шмыгать – делать себе инъекции наркотика, шу-шу – донос в милицию на своего конкурента по сбыту наркотиков.

6) смешанные типы переносов, выявленные в английском языке: антропонимия + метафора: Bernie's flakes, Bernie's gold dust – кокаин; атрибутивная метонимия + метафора: blue birds, blue bullets – депрессант, mad scientist – лицо, занимающееся приготовлением крэка; локальная метонимия + метафора: Acapulco gold – марихуана из северо-западных районов Мексики, African bush – марихуана, African woodbine – марихуана, California cornflakes – калифорнийский кокаин, Cambodian red – марихуана из Камбоджи, Florida snow – кокаин; синекдоха + метафора: mouth worker – наркоман, принимающий наркотики перорально.

Итак, проведенный семантический анализ английского и русского социолектов наркоманов позволяет нам сделать следующие выводы: семантические особенности английских и русских социолектизмов представлены лексико-семантическими группами и синонимическими рядами, метафорическими и метонимическим переносом наименования, ономотопеями. В обоих субстандартах выделяются общие лексико-семантические группы и группы, характерные только для английского со-

циолекта наркоманов. Отличительной особенностью английского и русского социолекта наркоманов является наличие общих синонимических рядов, наиболее продуктивными из которых являются: 1) марихуана, 2) наркоман. Также присутствуют синонимические ряды, характерные для каждого из социолектов: в английском языке – 1) депрессант, 2) фентанил, 3) метамфетамин, 4) МДМА, 5) сигарета с марихуаной; в русском языке – 1) аптека, 2) галлюцинации, 3) шприц. Что касается переносов наименования, то наибольшей продуктивностью в английском социолекте наркоманов обладают следующие семантические модели: метафора на основе сходства по содержанию (36,6%) и каузальная метонимия (52,1%). Наименьшей продуктивностью обладают метафора на основе качественных характеристик и атрибутивная метонимия; в русском социолекте наркоманов наиболее продуктивны модели: метафора на основе сходства по форме (46,9%) и антропонимия (29,5%). Наименее продуктивны: метафора на основе сходства функций (26,54%) и синекдоха (4,9%).

Список литературы

1. Вердиева З. Н. Семантические поля в современном английском языке. – М.: Высш. шк., 1986.
2. Дунаевская Т. А. Структурные и семантические особенности экспрессивно-коллоквиальной лексики в современных английском и русском языках: дисс... канд. филол. наук. – Череповец: ЧГУ, 2005.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990.
4. Химик В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. – СПб.: Фил. ф-т СПбГУ, 2000.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 811.112.2

М. Г. Петеленкова

Время в немецком языке и культуре

В каждой культуре складывается своя система ценностей, в том числе свое отношение ко времени. Различные элементы культуры находят свое отражение в языке. В данной статье речь идет о том, как принятое в культуре отношение ко времени отражается в немецком языке, в частности, в его фразеологизмах, пословицах и поговорках.

Every culture has its own value system including its own attitude to time. Diverse elements of the culture are reflected in the language. This article concerns the attitude to time and first of all its reflection in the German language especially in German idioms, proverbs and sayings.

Ключевые слова: пословицы, поговорки, паремии, фразеологизмы, время, культура, немецкий язык, система ценностей.

Key words: Proverbs, sayings, paremiology, idioms, time, culture, German, value system.

Со времен В. Гумбольдта лингвисты разных стран, поколений, научных школ обращались в своих исследованиях и размышлениях к вопросу о том, как языком отражается и передается из поколения в поколение культура народа. В. Гумбольдт отмечал, что «различные языки являются для наций органами их оригинального мышления и восприятия» [3, с. 324] и что «их различие не только различие звуков и знаков, но и различие самих мировоззрений» [4, с. 82]. С. Г. Тер-Минасова в качестве эпиграфа к своему пособию «Язык и межкультурная коммуникация» приводит слова британского филолога Д. Кристала: «Cultures are chiefly transmitted through spoken and written languages. Encapsulated within a language is most of a community's history and a large part of its cultural identity» [8, с. 37]. Резюмируя, В.Н. Телия указывала на то, что «американская этнолингвистика и европейское неогумбольдтианство, исходя из постулата о том, что каждый язык отражает реальный мир по-своему, полагают, что различие языковых картин мира предопределяет, в свою очередь, духовное и культурное своеобразие соответствующих языковых коллективов» [7, с. 229].

Взгляд народа на окружающий мир и самого себя фиксируется языком и передается из поколения в поколение, отображаясь, быть может, наиболее полно и образно во фразеологическом и паремиологическом фонде языка. Знаменитый исследователь русской культуры И. М. Снегирев

писал, что «ни в каком употреблении речи столько не обнаруживается характер и образ мыслей народа, или лучше сказать, весь народ, как в своих пословицах, в коих он обличает себя» [6, с. 76]. А «фразеологизмы возникают в национальных языках на основе такого образного представления действительности, которое, отображает обиходно-эмпирический, исторический или духовный опыт языкового коллектива, который безусловно связан с его культурными традициями» [7, с. 214].

Одной из типичнейших черт немецкого характера считают пунктуальность. Об этом свидетельствуют результаты опросов и публикации в прессе. В данной статье речь пойдет не о чертах национального характера, а о том, как принятое в культуре отношение ко времени отражается в немецком языке, в частности в его фразеологизмах, пословицах и поговорках.

При анализе паремий и фразеологических единиц указанной тематики выявились две наиболее обширные тематические группы: 1) рано, 2) быстро. И если первая группа представлена в основном паремиями, то ко второй группе относится существенное и при этом почти равное количество фразеологизмов и паремий. Здесь следует вспомнить также о том, что вторую из названных групп А. Д. Райхштейн относил к «наиболее фразеологичным группам» немецкого языка [5, с. 58].

В каждой из этих двух групп выделяются тематические подгруппы. Так в первую группу входят подгруппы: а) своевременно; заблаговременно; раньше, чем другие (*Wer zuerst (in die Mühle) kommt, mahlt zuerst. Je früher die Zucht, je besser die Frucht. Но: Je früher reif, je früher faul. Früh gesattelt, spät geritten.*), б) слишком рано (*Besser (eine Stunde) zu früh als (eine Minute) zu spät. Но: Allzufrüh kommt auch unrecht. Dem Hahn, der zu früh kräht, dreht man den Hals um.*), в) вставать рано утром (*Früh auf und spät nieder bringt verlornes Gut wieder. Früh zu Bett, früh wieder auf macht gesund und reich in Kauf. Но: Früh aufstehen macht nicht eher tagen. ФЕ: mit den Hühnern aufstehen, in aller Frühe*). При этом заблаговременное или просто раннее действие в паремиях, как правило, оценивается положительно (ср. устар. *zu guter Zeit* – заблаговременно), но слишком раннее чаще порицается.

В своем интервью журналу «Zeit» В. Мидер заметил, что пословица *Morgenstund hat Gold im Mund* – звучавшая, однако, в оригинале как *Morgenstund hat Brot im Mund* – долгое время была самой популярной в Германии, а именно до тех пор, пока пришедшее лишь в XX веке из английского языка изречение *Der frühe Vogel fängt den Wurm* (*The early bird catches the worm*) не стало новым лидером [10]. Прокомментировавшие интервью читатели журнала, подтверждают это лидерство: более трети комментариев содержат разнообразные трансформации этой паремии (так называемые антипословицы).

Ко второй из упомянутых выше групп можно отнести подгруппы а) спешить / не спешить (*Eil bringt im Kriege Heil. Tu recht und eile, doch rat*

mit Weile. Die zu sehr eilen, haben spät Feierabend. Wer's eilig hat, der gehe langsam. ФЕ: *auf Trab sein, etw. übers Knie brechen, jmdm. Feuer unter dem Hintern machen; etw. hat/ mit etw. hat es Zeit*), б) длиться долго/ недолго (*Rom wurde auch nicht an einem Tag erbaut. Lübeck ist in einem Tage gestiftet, aber nicht in einem Tage gebaut. Was lange währt, wird endlich gut.* ФЕ: *ewig und drei Tage, von kurzer Dauer sein*), в) действовать или происходить быстро/ медленно (*Schnelle Wohltat ist doppelt wert. Langsame Gabe verliert den Dank. Besser eine kluge Antwort langsam als eine dumme schnell. Schnell und gut sitzen nicht unter einem Hut.* ФЕ: *wie der Blitz, in null Komma nichts, von der schnellen Truppe sein, den müden Heinrich spielen, in die Länge ziehen*). Поспешность и опрометчивость в большей части паремий порицаются, но часто подчеркивается, что иногда очень важно действовать быстро. Таким образом, неудивительно, что для выражения быстроты действия в немецком языке существует значительное количество фразеологизмов, и лишь некоторые из них посмеиваются над поспешностью (*den Stall wittern, im Schweinsgalopp, mit Siebenmeilenstiefeln*).

Среди паремий можно выделить и другие не столь обширные, как упомянутые, и все же достаточно широко представленные тематические группы: опоздание, опаздывать (*Besser spät als gar nicht. Но: Ein wenig zu spät ist viel zu spät. Wer nicht kommt zur rechten Zeit, der muss sehen, was übrig bleibt.*); откладывать, переносить (*Aufgeschoben ist nicht aufgehoben. Der Morgen ist weiser als der Abend. Но: Aufschieb ist ein Tagedieb. Eine Viertelstunde Verzug bringt oft jahrelangen Aufschub.*); всему свое время (*Man soll herbsten, solange Herbstzeit ist. Unzeitige Wohltat hat keinen Dank. Gutes braucht seine Zeit.*); со временем все возможно (*Ein Tag kann bringen, was ein Jahr nicht bringen mag. Zeit bringt alles, wer warten kann. Mit Zeit und Weile kommt man nach Rom. Niemand weiß, was der Morgen bringt.*). Непунктуальность в паремиях часто описывается как качество, которое в первую очередь вредит самому опаздывающему; перенесение чего-либо на более поздний срок обычно оценивается негативно. Многие паремии подчеркивают важность того, что любому действию, процессу, явлению отведено свое время, и такой порядок вещей должен соблюдаться. Со временем – как говорят пословицы – возможно все: со временем можно достичь поставленной цели, добиться определенного результата, время приносит и плохое, и хорошее.

В.Н. Телия, описывая русскую фразеологию, отмечала, что «время, запечатленное в идиомах, – это часто соматически измеренные реакции (*во мгновение ока, и глазом не моргнул* и т.п.) или вневременные ситуации (типа *когда рак на горе свиснет, без году неделя* и т.д.), или ситуации эмпирически «измеренные» (*битый час, задним числом*), или же «времена», осмысленные на фоне мифологических или религиозных текстов (*во время оно, от Адама* и т.п.)» [7, с. 162]. В немецком языке

среди фразеологизмов, связанных с переживанием времени, его восприятием или времяпрепровождением, также можно отметить выражения, содержащие соматические компоненты (*jmdm. auf den Fuß treten, jmdm. auf die Zehen treten; auf Adlersflügeln, im Handumdrehen*); описывающие невозможные в реальности временные ситуации (*wenn Ostern und Pfingsten auf einen Tag fallen*); или ситуации, продолжительность которых измеряется «внутренними часами», временем не реальным, а воспринятым (*für Zeit und Ewigkeit, jeden Augenblick, mit dem Glockenschlag, wie im Fluge*); выражения мифологического или религиозного характера (*seit undenklichen Zeiten, das goldene Zeitalter, seit Adams Zeiten*).

«Вневременные ситуации» и сопоставление времени с движением частей тела для немецкой фразеологии, видимо, менее характерно, чем для русской, хотя слово *Augenblick* уже само по себе является «соматически измеренной реакцией». И если русские «идиомы не измеряют время, но характеризуют его» [7, с. 162], то немецкие стремятся охарактеризовать его через измеряемое; их образной основой чаще оказывается возможный в реальности отрезок или момент времени (*seit Jahr und Tag, es ist fünf [Minuten] vor zwölf, in zwölfster Stunde, in Minutenschnelle, in Sekundenschnelle*). Интересно было бы также сопоставить образную мотивацию фразеологизмов с образами, лежащими в основе некоторых немецких композитов, например: *Schnecken tempo, Affenzahn, Affengeschwindigkeit, Kriech tempo, Schrit tempo* и др. Не случайно ведь Дуден называет такого рода слова идиомами: «Idiom: eigentümliche Wortprägung, Wortverbindung oder syntaktische Fügung, deren Gesamtbedeutung sich nicht aus den lexikalischen Einzelbedeutungen ableiten lässt (z. B. Angsthase = sehr ängstlicher Mensch)» [9].

Различие в подходах к самому понятию фразеологизм в русской и немецкой фразеологии затрудняет проведение сравнительного анализа немецких и русских идиом. Так, в приведенной выше цитате В.Н. Телия упоминает русский фразеологизм *битый час*, аналогичное немецкое выражение *eine geschlagene Stunde* в словаре Дуден приводится, но как фразеологизм не отмечено. А.Д. Райхштейн справедливо утверждал, что не следует классификацию фразеологических единиц одного языка слепо применять к другим языкам, не учитывая их особенностей [5, с. 19]. Но все же следовало бы выработать по возможности единый подход к объекту исследования, выделить в составе фразеологии некоторые константы, свойственные если не всем языкам, то, по крайней мере, большой их группе (например, языкам индоевропейским) и позволяющие в каждом языке выделить единицы, образующие ядро фразеологии.

А.Д. Райхштейн также указывал на большую регулярность немецкого фразеологического состава по сравнению с русским языком, на повторяемость в составе немецких фразеологических единиц одних и тех

же компонентов и редкость уникальных элементов [5, с. 129]. Эта регулярность, системность проявляется как в структуре «временных» фразеологизмов, так и в заключенных в них образах. Закономерно, что наиболее часто в идиомах данной тематики встречается компонент *-zeit-*: *es ist allerhöchste Zeit, zu nachtschlafender Zeit, jmdm./ sich die Zeit mit etw. vertreiben, die fünfte Jahreszeit*. Другие многократно повторяющиеся компоненты – *-tag-*, *-lang-*, *-kurz-*, *-stund-*, *-schritt-*, *-leb-*, *-schnell-*: *ewig und drei Tage, am Sankt-Nimmerleins-Tag, dem lieben Gott den Tag stehlen, die längste Zeit, von kurzer/ nicht von langer Dauer sein, auf lange/ kurze Sicht, binnen kurzem, die Stunde X, im Eilschritt, im Sturmschritt, im Sauseschritt, auf Lebenszeit, mein Lebtag nicht, auf die Schnelle, in Sekundenschnelle, mit Blitzesschnelle*. Из предлогов наиболее часто встречаются *in, auf, zu, von, seit, vor*.

Анализируя концепт «время» в метафорах художественных текстов, С.А. Баруздина выделила распространенные в современном немецком языке метафорические модели времени: а) пространственная метафора (время – круг, время – линия, время – контейнер), б) биологическая метафора (антропоморфная метафора, флористическая метафора, зооморфная метафора), в) экономическая метафора (время – деньги, время – ограниченный ресурс, время – ценность), г) психологическая метафора (время – движение), д) деструктивная метафора (время – враг), е) квалитативная метафора (время – качество) [2, с. 114 ff.].

Эти же образы прослеживаются в поговорках и фразеологизмах немецкого языка. Время – пространство: *Man vergisst viel Leid in vierundzwanzig Stunden. Damit hat es/ das hat noch gute Wege. Auch Morgenland ist Sorgenland*. ФЕ: *im Augenblick, im Moment, in aller Frühe, hier und da/ dort, in/ vor Urzeiten*. Пространственная метафора чаще встречается среди фразеологизмов, чем среди поговорок.

Время – живой организм: *Der Morgen ist weiser als der Abend. Der beste Prediger ist die Zeit. Die Zeit ist des Menschen Lehrmeisterin. Zeit frisst Berg und Tal, Eisen und Stahl. Die Zeit heilt alle Wunden. Zeit bringt Rosen*. ФЕ: *über etw. wächst Gras, die Zeit totschlagen*. В поговорках немецкого языка время очень часто выступает как некий живой всемогущий организм: *Zeit ist ein gnädiger Gott. Zeit gibt und nimmt alles*. С растением или животным время сравнивается редко, но зоонимы и фитонимы в поговорках временной тематики встречаются часто: *Gute Bäume tragen zeitig. Frühe Saat trägt oft, späte selten. Der frühe Vogel fängt den Wurm. Die Vögel, die zu früh singen, holt am Abend die Katze*. ФЕ: *mit den Hühnern aufstehen*. В некоторых случаях время сопоставляется и с неодушевленными «предметами»: *Der Zug ist abgefahren. Bis dahin fließt noch viel Wasser den Berg hinunter. Auf Regen folgt Sonnenschein*. ФЕ: *es ist [die] [aller]höchste Eisenbahn, anno Tobak*.

Время – ценность: *Zeit ist Geld. Wer das Leben liebt, vergeudet die Zeit nicht. Kein größerer Dieb ist als der Schlaf: Er raubt uns das halbe Leben. Der Angler wartet Stunden, der Narr ein Leben.* ФЕ: *dem lieben Gott den Tag stehlen.* Время часто характеризуется как величайшая ценность, которую нужно беречь, которой нужно дорожить: *Zeit gewonnen, viel gewonnen; Zeit verloren, viel verloren.*

Время – движение: *Auf den Winter folgt ein Sommer, aber alte Leute werden nie wieder jung. Die Uhr bleibt stehen, die Zeit nicht. Die Zeit hat Flügel.* ФЕ: *einen Sprung.* Время чаще рассматривается в паремиях не в своем течении, а как определенный отрезок (сейчас, сегодня, завтра, раньше чем..., позже чем... и т.п.), и на этот отрезок времени приходится какое-то действие. Если же время описывается как движение, то оно сопоставляется либо с природными циклами (то есть воспринимается как движение по кругу), либо сопоставляется с человеческой жизнью, имеющей свое начало и конец.

Время – враг: *So gern wir alle würden alt, wenn's erst kommt, ist's jedem zu bald.* ФЕ: *der Zahn der Zeit.* Как враг время воспринимается редко, и в таких случаях иногда указывается и на его созидательное начало: *Zeit gedenkt und vergisst aller Dinge. Zeit macht und tötet die Leute.*

Время – качество: *Heute ist die beste Zeit.* Что касается качественной метафоры, то в паремиях оценивается скорее не само время, а то, что с ним соотносится, то, что занимает определенный промежуток времени; характеризуется также и отношение ко времени: *Was lange währt, wird endlich gut. Gut handeln ist besser als schnell handeln. Gut Ding will Weile haben. Was zu spät kommt, ist keine Wohltat. Wer der Zeit nicht tut ihr Recht, der fährt in Geschäften schlecht.*

Анализируя количественное соотношение фразеологизмов и паремий, относящихся к разным тематическим группам, а также их содержание, можно констатировать, что в них отражается определенная система ценностей, в которой время занимает одну из важнейших позиций. Время – это всемогущий Бог, который может созидать и разрушать, который щедр к тем, кто его ценит и бережет время. И если следовать правилам: рано вставать, не тратить время попусту, меньше спать, больше заниматься делом, не опаздывать, не откладывать дела на завтра и не торопиться, – бог Время тебя вознаградит: *Wer der Zeit dient, dient wohl. Wer die Zeit ehrt, den ehrt sie wieder.* Когда высказывания, пришедшие в немецкий язык из других культур, совпадают с этой системой ценностей, они надолго закрепляются в языке и со временем становятся поговорками: *Zeit ist Geld. Pünktlichkeit ist die Höflichkeit der Könige. Wer zu spät kommt, den bestraft das Leben.*

Система ценностей той или иной культуры может меняться, и эти изменения неизбежно отразятся в языке. Завершить статью хочется словами В.Н. Телия: «Культура – это своеобразная историческая память

народа. И язык, благодаря его кумулятивной функции хранит ее, обеспечивая диалог поколений не только из прошлого в настоящее, но и из настоящего в будущее» [7, с. 226].

Список литературы

1. Байер Х. Немецкие пословицы и поговорки. – М.: Высшая школа, 1989.
2. Баруздина С. А. Лингвокультурный концепт «Время» в метафорических репрезентациях: на материале немецкого языка: дисс. ... канд. филол. наук. – Смоленск, 2008.
3. Гумбольдт фон В. О влиянии различного характера языков на литературу и духовное развитие // Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. под ред., с предисл. Г. В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1984. – С. 324-326.
4. Гумбольдт В. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. – М.: Просвещение, 1964. – Ч. 1. – С. 73-104.
5. Райхштейн А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии: (Для ин-тов и фак. иностр. яз.). – М.: Высш. школа, 1980.
6. Снегирев И. М. Словарь русских пословиц и поговорок. Русские в своих пословицах. – М.: Терра, 1997.
7. Телия В. Н. Русская фразеология: Семант., прагмат. и лингвокультурол. аспекты. – М.: Языки рус. культуры, 1996.
8. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие для студентов, аспирантов и соискателей по специальности «Лингвистика и межкультур. коммуникация». – М.: Слово/Slovo, 2000.
9. DUDEN. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache (2000). Hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. Die CD-ROM basiert auf der 3, völlig neu bearbeiteten und erweiterten Auflage der Buchausgabe in 10 Bänden. – Mannheim, 1999.
10. ZEIT ONLINE. Ist das jetzt spruchreif? – [Электронный ресурс]: www.zeit.de/2011/47/Sprichwoerter-Interview-Mieder

Источники

11. <http://de.wiktionary.org/>;
12. <http://sprichwort-plattform.org/sp/Sprichwort>,
13. <http://www.alle-sprichwoerter.de>,
14. <http://bk-luebeck.eu/sprichwoerter.html>,
15. http://de.wikiquote.org/wiki/Deutsche_Sprichw%C3%B6rter,
16. <http://planetsenior.de/sprichwoerter>.

Translation Model Parameters Revised: Text, Discourse, and Communication*

В статье анализируется наметившийся в настоящее время сдвиг парадигмы в моделировании процесса перевода, подходы к моделированию процесса перевода. Текст, дискурс и коммуникация рассматриваются как параметры моделирования процесса перевода. Описана авторская дискурсивно-коммуникативная модель перевода, позволяющая установить взаимосвязь параметров текста, дискурса и коммуникации и переводческих решений, образующих стратегию перевода.

The article addresses an existing paradigm shift in and approaches to translation modelling. Text, discourse, and communication are regarded as the basis for translation modelling. An original discourse and communication translation model described in the paper establishes a link between textual, discursive, and communicative parameters and decisions made by the translator that build up the translation strategy.

Ключевые слова: модель перевода, метод моделирования, сдвиг парадигмы, дискурсивно-коммуникативная модель перевода, институциональный дискурс, стратегия перевода.

Key words: translation model, modelling method, paradigm shift, discourse and communication translation model, institutional discourse, translation strategy.

1. Introduction

Definitions of a model vary in different scientific areas. A model is viewed as a deductive system, an interpretation of a formal system, an abstract notion for a reference standard, a set of general phenomenal features, or a general plan for describing a system. A model is defined as a visualized or materially realized system that reflects or reproduces an object, substituting it and providing new information about the object. A model is always a specific structure, more or less illustrative, finite, and available for observation or action [21]. A model can only be a model of something if there is someone who perceives it as such, and who recognizes the appropriate relation between model and prototype. The modelling operation therefore involves three components: a prototype, a model, and a human subject [20, p. 154].

A modelling method suggests researching objects of cognition basing on their models; creating and studying models of existing objects and phenomena

© Волкова Т.А., 2012

* Публикация осуществляется при финансовой поддержке РФНФ, грант 12-34-01206 а2 (целевой конкурс поддержки молодых ученых 2012 года, проект «Моделирование процесса перевода: интеграция подходов в современной лингвистике»). (Published with financial support of the Russian Foundation for Humanities (12-34-01206 а2, Translation Modelling: Integrating Approaches in Modern Linguistics)).

(organic and nonorganic systems, engineering devices, constructed objects, and various physical, chemical, biological, and social processes) in order to define or enhance their features, streamline their development and management processes, etc. [16, p. 381]. Modelling an object is seen as an integral active research program that includes a sequence of methods and techniques used for a systematic presentation of a subject field (subjects) to gain information that cannot be gained using a descriptive approach. Modern linguistics widely uses the modelling method, as well as applied methods and models of particular segments of explored linguistic or cultural reality. It appears that active and systematic approaches may form the basis for establishing *model linguistics* as a paradigm of linguistic reality modelling [4].

Models range from iconic or diagrammatic representations (known as analogue models) to conceptual and theoretical models. Neither model nor prototype need to be physical realities: they can be abstract, mental or hypothetical entities [20, p. 154]. Researchers also describe hypothetical models, reproducing models [17, 18; 11], and explanatory models [10]. Explanatory models can essentially be used when no linguistic results similar to those produced by human action are expected. Models of this type should provide noncontradictory explanations of linguistic mechanisms in general, if language is modelled, and explanations of particular segments of a modelled phenomenon, if these segments are modelled. The value of reproducing models lies in producing a result similar to that caused by human action [10, p. 21].

Theoretical, or conceptual, models are hypothetical constructs which are derived from an established field of knowledge and then tentatively projected onto a new, wholly or partly unknown domain [20, p. 155]. Analogue models are used to represent those characteristics of a prototype which are considered relevant in a given context. They serve an intellectual and pedagogic purpose in visually foregrounding pertinent features while ignoring others [ibid.].

2. Translation Modelling: a Paradigm Shift

Theo Hermans considers the relevance of models in the context of translation from four different angles: (a) the use of theoretical models as heuristic tools in translation studies, (b) the use of diagrammatic or analogue models to represent certain aspects of translation, (c) the view of translating as a modelling activity, and (d) the relation between models and norms [20, p. 154-155].

A translation model is viewed as a tentative description of a sequence of intellectual operations that a translator performs in order to translate the source text in whole or in part [8]. A linguistic model of translation process describes it as a sequence of source text (ST) transformations that should theoretically produce the desired result and create the target text (TT). Any translation model is hypothetical since there is no direct evidence that a translator acts exactly as the model suggests. However, when the translation result predicted in the model

coincides with the result produced by the translator, this proves the explanatory power of the model [7, p. 36-37].

Translation process comprises at least two stages: understanding the source text and selecting a translation variant. These steps form the transition from the source text to the target text. Translators often do not realize what guided them through the process and made them choose a particular variant, and their actions are often intuitive. This, however, does not mean that the choice is completely random or accidental. It is determined, to a large extent, by the mechanisms used to create a message in the source and target languages. Translation theory tries to explore the transition from the source text to the target text and find out what regular patterns form the basis for translator's actions [8]. To the extent that translating involves a process of decision making which takes place in a communicative context, the activity is governed by norms. Norms may be regarded as social regulation mechanisms which make certain choices and decisions by the translator more likely than others [20, p. 156].

As Lev L. Nelyubin puts it, a translation model (a model of translation activity) comprises four levels outlining the main stages of the creative process of translation. The first level can be described in terms of identification and initial understanding of words and general structure of the text. The next level of translator's actions suggests more explicit factors of deeper understanding and making sense both of particular text units (words, phrases, and phraseological unities) and larger segments (sentences, utterance-length unities, and text as a whole). A set of translator's actions aimed at reproducing the sense and style of the source text using the means of the target language can be referred to the third level of the model. The fourth self-check level is the final assessment performed by the translator [12, p. 114-115].

Christiane Nord suggests that the translation process includes interpretation of the translation brief, source-text analysis and comparison with target-text profile, decision on translation strategy and procedures, and production of target text and quality control [14, p. 117]. The results of the interpretation of the brief are compared to the material offered by the source text, and the result of this comparison leads to a decision with regard to the appropriate translation strategy. Drawing on her/his transfer competence and creativity, the translator then will put this strategy into practice, producing a suitable target text, before a phase of quality control will check whether the target text really meets the requirements of the brief. This process may entail quite a few changes with regard to wording or syntax or even the overall construction of the text [ibid.].

Translation models reveal certain functional aspects of linguistic mechanism of translation. Even though a translator can achieve the necessary result in some way other than suggested by any of the known translation models, understanding the functions of these models may help the translator complete the challenging translation tasks [8]. Most translation models have limited

explanatory power and therefore do not claim to be the basis for a real translation of a text with the necessary level of equivalence. The tasks of a model lie in describing the sequence of actions that meet a given translation challenge under given conditions. A translation model outlines the translation process in general, provides a general direction of the translator's thought, and describes the consecutive stages of moving from the source text to the target text. A more detailed description of the translation process can be developed through describing the types of intellectual operations that the translator uses to find the needed translation variant. It is suggested that there is an immediate connection between the ST and TT units, and the source unit can produce the target unit through certain transformations. Viewing the translation process as the transformation of ST units into TT units is metaphoric [ibid.].

As Yury N. Marchuk rightfully points out, the emergence of machine translation and a heuristic approach to translation produced a special perspective on the problem of collecting data from a text required for the formal process of translation. Numerous models of human translation are not easily formalized [11]. For example, almost each model defines the stages of translation activity, but it is quite difficult to draw the formal lines between the stages. How can we describe the translation strategy as an algorithm, a sequence of differentiated actions, each performed on particular data and producing a particular result? How can we specify the mentality of a (possible) receiver? What are the parameters to accurately and consistently assess translation adequacy taking into account all the possible conditions in which the translation functions? A list of these questions remains open [ibid.].

Translation modelling issues are explored by different authors (V.V. Andriyanov, V.N. Bazylev, L.S. Barkhudarov, V.G. Gak, Yu.I. Gurova, V.V. Gusev, S.V. Yevteyev, O. Kade, V.N. Komissarov, A.N. Kryukov, E.Yu. Kunitsyna, J.C. Catford, L.L. Latyshev, M. Lederer, A.G. Minchenkov, R.K. Minyar-Beloruhev, E. Nida, C. Nord, I.I. Revzin, Ya.I. Retsker, V.Yu. Rozentsveig, A.P. Sedykh, D. Seleskovitch, E.A. Selivanova, S.V. Tyulenev, A.V. Fedorov, L.G. Fedyuchenko, M.Ya. Zwilling, A.D. Shveitser, A.F. Shiryaev, et al.). In describing various translation models authors refer to them as hermeneutic, dialogic, informative, cognitive and heuristic, communicative, constellational, linguistic and culturological, ludic, psycholinguistic, semantic, semiotic, situational and denotative, transformational, functional and pragmatic (dynamic). Researchers also put forward an empathetic model in working out a translation strategy and suggest using frames in analyzing the source text structure, describe linguistic and cultural translation patterns based on the preferred structural and functional models of representing reality in different languages, a model of social regulation of translation activity, communication of translation, a concept of interpretative and generative discourse, etc.

It is admitted that the terms “theory” and “model” are used almost interchangeably. In some cases a model is quite rightfully regarded as a result of the theory applied [11] (cf. information translation theory, communicative and functional translation theory, cultural translation concept, psycholinguistic translation theory, semantic and semiotic translation model, semantic translation theory, regular equivalents theory, equivalence levels theory, transformational translation model, transformational translation theory [12, 13]). A model, like a theory, is created to describe a particular scientific subject field [4]. On the other hand, a scope of a theory is a complex of statements connected by the laws of logic and special scientific laws that “immediately” reflect regular, necessary, and universal links and relations inherent to reality. A scope of a model is represented as a set of some typical situations, structures, schemata, and complexes of idealized objects that implement these regular links and relations. Reflecting reality (an object) in a simplified and abstract way is a property that a theory and a model have in common. Turning this reflection into a separate specific and therefore more or less evident system is a property that distinguishes a model from a theory [21, p. 15].

Foundations of a model may include equivalence, correspondence, shift, deconstruction, function, and discourse [2]. Researchers come to the conclusion that a translation model based on interlingual comparison can hardly be regarded as a full-fledged cognitive basis for working out a translation strategy. Linguistic models should be set against those based on activity-oriented translation perceptions [6]. Natalia L. Galeeva suggests that in a variety of translation theories or models a substitutional and transformational approach and an activity-oriented approach have ontologized and acquired a status of a relatively complete “translation worldview”. The approaches vary in their relation to agent and activity. Substitutional and transformational ontology is mainly focused on streamlining the search for transformations and substitutions. In activity-oriented ontology translation is not restricted to manipulating various linguistic means, but is the speech activity in itself performed according to the program determined by the original [5, p. 18].

Comparing traditional (structural) and cognitive and activity-oriented (personally oriented) trends in translation studies, researchers point out a number of differences concerning their scope (studying the limits of language sign variations in source and target texts v. exploring the nature of translation activity), objectives (achieving adequacy in translation v. creating a target text suitable for communication), and a research object definition (partial v. integral, translation units v. translation strategy). The methods that are used differ, too: monoparadigmatic v. polyparadigmatic, methods based on lexical and grammatical equivalence v. methods based on discourse analysis, substitutional and transformational approach v. cognitive approach, and formal analysis v. interpretative analysis [2].

As Susan Bassnett puts it, central to the many theories of translation articulated by non-European writers are a redefinition of the terminology of faithfulness and equivalence, the importance of highlighting the visibility of the translator, and a shift of emphasis that views translation as an act of creative rewriting [3, p. 6].

Activity-oriented translation theory is defined as a psychotypical / interpretative theory [22]. Since constructing a translation object is a complex process that requires intellectual efforts of a translator, a concept of reflection in translation activity is introduced. Reflection is viewed as the basis for activity-oriented translation theories, and translation is perceived as a reflexive activity, a complex intellectual activity, and a process fully dependent on the translator's competence as a translating personality [2]. Translating in itself can be seen as a modelling activity in that the result of the operation, i.e. the translated text, commonly claims, explicitly or implicitly, to represent an anterior discourse in a way comparable to the representational function of models [20, p. 156].

3. Discourse and Communication Translation Model

The basis for the *discourse and communication translation model* [23] is formed by a two-level structure of translation strategies included in the general scheme of text, discourse, and communication interrelation. As Yury E. Prokhorov puts it, text and discourse exist in the structure and content of communication [19]. Elaborating further, he concludes that text and discourse are not characterized by a genus-species relation. Discourse is not an intermediate link between a system and a text, it is not a text taken together with its extralinguistic parameters, nor is a text viewed as discourse less the extralinguistic parameters. Text and discourse are referred to as "figures of communication" [ibid, p. 33]. Communication consists of three unmergeable but indissolubly linked components that include a material figure of reality, which serves as a framework and a basis for communication, an introverted figure of text, which determines the content and language parameters of communication, and an extroverted figure of discourse, which determines the content and speech parameters of communication participants interaction [ibid, p. 34-35].

In the discourse and communication translation model (fig. 1) linguistic (stylistic, lexical and semantic, syntactic, and pragmatic) peculiarities of source text, its discursive characteristics (text authorship, addressness, and narrative), discourse nodal points (for more on the term see [9]), discourse constitutive features (goals, values, chronotopos, linguistic expression, topic and participants of discourse, and interdiscursivity), communicative functions, typical features and strategies define decisions made by the translator and build up translation microstrategies on the textual level and translation macrostrategies on discursive and communicative levels.

extralinguistic or based on some structural and semantic features of language units [8].

Exploring text, discourse, and communication features, defining the corresponding translation difficulties, and streamlining decisions made by the translator to work out translation strategies in the discourse and communication translation model can in this respect be viewed as translation operations. A scope of the model application includes various kinds of institutional discourse and a range of relevant texts. The model has been used to analyze diplomatic, political, legal, scientific, teaching, touristic, and mass media discourse, discourse of negotiation and discourse of advertising, and to define the basic features of relevant texts and work out translation strategies, as well as explore interdiscursivity in various kinds of institutional discourse. The model has also been applied to interpreting a guided tour, to conference interpreting preparation, and to teaching consecutive interpreting [23].

A complex analysis of the source text according to the model allows the translator to define linguistic, background, sociocultural and other data that cause translation difficulties, and find possible solutions. The discourse and communication translation model is explanatory in character and provides a range of parameters for working out a translation strategy.

4. Conclusions

It should be noted that textual features and the way they influence the translation process are considered in a number of existing theories. Elements of the discourse and communication translation model correlate with certain pre-translation analysis components put forward by Irina S. Alekseeva: collecting extralinguistic text data (author, receiver, time of creation and publication, intertextual relations, and information about the source), information composition and density, translation brief, translation dominants, and text genre [1]. Olga V. Petrova describes the following components of pre-translation analysis: text topic, source text (communicative) goal, target text goal, receiver, text composition, and genre and stylistic characteristics of a text [15]. In the framework of the discourse and communication translation model analyzing linguistic features of a text and functions of communication allows us to determine information composition and density, text genre, and text function. A translator receives a translation brief from the client and/or determines it by analyzing lexical and semantic, pragmatic, and other features of text, its discursive characteristics, discourse nodal points and constitutive features, typical features of communication, communicative functions and strategies in order to get an idea of source text and target text goals.

However, the interaction between discourse parameters (discourse nodal points, discourse goals and values, chronotopos, topic and participants of discourse, interdiscursivity, and linguistic expression of discourse formed by the textual characteristics) and communication parameters (functions, typical features, and strategies of communication) are apparently not reflected in

existing translation models. The discourse and communication translation model predicts possible translation difficulties, establishes a link between textual, discursive, and communicative parameters and decisions made by the translator that build up the translation strategy and determine the translation result (target text), thus giving researchers and translators new information about the translation process.

Researching interdiscursivity takes textual, discursive and communicative parameters to a new level of interaction in the translation process, giving additional opportunities for working out a translation strategy. The discourse and communication translation model provides the following parameters for interdiscursivity analysis: field (topic), tenor (participants), goals, values, and nodal points of discourse, linguistic features and discursive characteristics of a relevant text (mode of discourse), typical features, functions, and strategies of communication.

In the long term the discourse and communication translation model provides theoretical and methodological background for integral translation modelling based on text, discourse, and communication interrelation, which in its turn can serve as a basis for systematizing existing translation models and interdisciplinary approaches to translation process modelling. Broadening the scope of the discourse and communication translation model application by using new data provides detailed characteristics of other kinds of institutional discourse and allows the translator to work out translation strategies for a range of relevant texts.

References

1. Alekseeva I.S. Professional Translator Training: textbook of translation and interpreting for translators and trainers. – St. Petersburg: Soyuz Publishing, 2001 (In Russian).
2. Alekseeva L.M. Translation as a Reflexive Activity / L.M. Alekseeva // Vestnik of Perm University. Russian and Foreign Philology. – Perm: Perm State University, 2010. – Issue 1. – P. 45-51 (In Russian).
3. Bassnett S. Translation Studies. – London-New York: Routledge, 2002.
4. Belousov K.I. Theory and Methodology of Polystructural Text Synthesis: monograph. – Moscow: Flinta: Nauka, 2009 (In Russian).
5. Galeyeva N.L. Basics of Activity-Oriented Translation Theory. – Tver: Tver State University Publishing, 1997 (In Russian).
6. Gusev V.V. Empathetic Model in Working out a Translation Strategy // Vestnik of Moscow State Linguistic University. – Moscow: Moscow State Linguistic University, 2003. – Issue 840: Translation as Cognitive Activity. – P. 26-41 (In Russian)
7. Komissarov V.N. Modern Translation Studies: textbook. – Moscow: ETS, 2002 (In Russian).
8. Komissarov V.N. Translation Theory (Linguistic Aspects): textbook for institutes and faculties of foreign languages. – Moscow: Higher School Publishing House, 1990 (In Russian).
9. Laclau, E. and Mouffe, C. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. – London: Verso, 1985.

10. Marchuk Yu.N. Computer Linguistics: textbook. – Moscow: AST: Vostok-Zapad, 2007 (In Russian).
11. Marchuk Yu.N. Translation Models: textbook for students of higher education institutions. – Moscow: Academia Publishing, 2010 (In Russian).
12. Nelyubin L.L. Explanatory Dictionary of Translation Terms. – Moscow: Flinta: Nauka, 2003 (In Russian).
13. Nelyubin L.L., Knyazeva E.G. Translation Didactics: textbook. – Moscow: Flinta: Nauka, 2009 (In Russian).
14. Nord C. Jack of All Trades, Master of None? // Vestnik of Nizhny Novgorod State University. – Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistic University, 2009. – Issue 4. – P. 114-121.
15. Petrova O.V. Model of Pre-Translation Text Analysis // Methodical Background for Translator Training: Nizhny Novgorod Experience: monograph. – Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistic University, 2007. – P. 38-42 (In Russian).
16. Philosophical Encyclopedic Dictionary / Chief Editor: Ilyichev L.F., Fedoseyev P.N. et al. – Moscow: Soviet Encyclopedia, 1983 (In Russian).
17. Piotrovsky R.G. Engineering Linguistics and Linguistic Theory. – Leningrad: Nauka (Leningrad Branch), 1979 (In Russian).
18. Piotrovsky R.G. Linguistic Automation and Its Verbal and Cognitive Grounds: textbook / R.G. Piotrovsky. – Minsk: Minsk State Linguistic University, 1999 (In Russian).
19. Prokhorov Yu. E. Reality. Text. Discourse: textbook. – Moscow: Flinta: Nauka, 2006 (In Russian).
20. Routledge Encyclopedia of Translation Studies / Edited by Mona Baker. – London and New York, 2001.
21. Shtoff V.A. Modelling and Philosophy. – Moscow; Leningrad: Nauka (Leningrad Branch), 1966 (In Russian).
22. Sorokin Yu.A. Interpretative or Activity-Oriented Translation Theory? // Linguistic Consciousness and World Image: collected works / Executive Editor: N.V. Ufimtseva. – Moscow: Institute of Linguistics Russian Academy of Sciences, 2000. – P. 107-115 (In Russian).
23. Volkova T. A. Discourse and Communication Translation Model: monograph / T.A. Volkova. – Moscow: Flinta: Nauka, 2010 (In Russian).

К вопросу о передаче национально-культурной коннотации фразеологизмов с именами собственными

В статье рассматриваются особенности перевода фразеологизмов с именами собственными, указывается на важность передачи не только заключенного в них сообщения, но и информации о культуре, традициях, истории народа (национально-культурную коннотацию). Определяется, что культурная информация не образует нового значения выражения, а лишь расширяет его основной смысл, привнося дополнительные оттенки значения в рассматриваемые единицы.

While translating phraseological units with proper names it is important to transfer the message contained in them but also the information about culture, traditions, history of people (national and cultural connotation). It doesn't form a new meaning of the expression; it only expands the primary one, introducing the additional nuance to examining units.

Ключевые слова: национально-культурная коннотация, фразеологический эквивалент, фразеологический аналог, калька, нефразеологический перевод, эквивалентный перевод.

Key words: a national-cultural connotation, a phraseological equivalent, phraseological analog, a calque, not phraseological translation, equivalent translation.

В переводческой практике при анализе приемов передачи национально-культурных коннотаций фразеологизмов с именами собственными необходимо обратить внимание на следующие факторы, определяющие выбор данных приемов: общую тональность текста, интенцию автора, функции фразеологизма с именем собственным в тексте, функции национально-культурной коннотации фразеологизма, трудности при ее передаче и др. В зависимости от совокупности перечисленных факторов в конкретной ситуации перевода выбирается тот или иной способ передачи фразеологической единицы. Поэтому иногда одно и то же выражение в разных контекстах может передаваться по-разному. В других же случаях вообще может не оказаться ни фразеологического эквивалента, ни фразеологического аналога, тогда фразеологизм передается описательно или совсем не передается.

Для анализа проблемы передачи национально-культурных коннотаций фразеологизмов с именами собственными нами из фразеологических словарей французского языка А.Г. Назаряна (1965, 1968) и с сайта <http://ru.wikipedia.org> методом сплошной выборки был выбран список из 260 фразеологизмов, содержащих имена собственные (далее – ИС).

Фразеологизмы, в состав которых входят имена собственные мифологических персонажей, нам пришлось отклонить, так как они принадлежат к

общеввропейскому культурному фонду и не содержат национально-культурной коннотации. Подобные фразеологические единицы стали интернациональными и имеют фразеологические эквиваленты практически во всех европейских языках.

Чтобы продемонстрировать использование выбранных нами лексических единиц в прессе и проанализировать способ их передачи на русский язык, мы при помощи поисковых систем Internet в статьях электронных версий французских газет и журналов (*le Monde*, *le Figaro*, *le Nouvel Observateur*, *le Point* и др. на сайтах *inopressa.ru*, *inosmi.ru*, *rianovosti.ru*), а также в статьях печатного издания журнала *Label France* нашли 74 статьи на французском языке, в которых используются фразеологизмы с ИС из составленного нами списка. Необходимо отметить, что не все ФЕ, включенные в исходный список, были найдены в статьях периодических изданий. Предположительно, это может быть связано с тем, что фразеологизмы данного типа являются малоупотребительными (отчасти и потому, что сами носители французского языка уже забыли происхождение той или иной ФЕ и, таким образом, редко употребляют ее в разговоре). Также причина еще может заключаться в том, что данный тип фразеологизмов обладает яркой стилистической окраской: он может принадлежать, например, к высокому стилю, либо, наоборот, к разговорному и не всегда соответствовать газетно-журнальному стилю. А тенденция современных СМИ заключается в общедоступности, ориентированности на «среднего» читателя.

При анализе рассматриваемых ФЕ мы использовали такие основные приемы перевода ФЕ, предложенные В.Н. Комиссаровым, как фразеологический аналог, фразеологический эквивалент и кальку. Каждый из перечисленных приемов по-разному и в разной степени передает заключенную в ФЕ коннотацию, что было нами рассмотрено на конкретном языковом материале.

Так, в 19% от общего количества проанализированных примеров фразеологизм французского языка удастся заменить фразеологизмом, существующим в русском языке (то есть найти фразеологический аналог). Примером может служить следующее предложение, где сохраняется образность текста, и перевод становится более понятным иностранному реципиенту. Например: «*C'est déshabiller Pierre pour habiller Paul*», *s'insurge la Confédération syndicale des familles (CSF), critiquant ainsi la volonté du gouvernement de récupérer les économies faites sur les allocations familiales pour notamment augmenter l'allocation de mode de garde*» (Это будет как с *Тришкиным кафтаном*, возмущается Профсоюзное объединение семей, критикуя, таким образом, намерение государства использовать средства, сэкономленные на пособиях на детей, чтобы повысить пособия по уходу за ребенком) [3].

Интенция автора статьи при использовании фразеологизма – указать на факт бесполезности такого нововведения (ведь в результате ничего не

изменится) – сохранена и в тексте перевода. Национально-культурная коннотация заключается в том, чтобы подчеркнуть видимость реформ, хотя на самом деле все остается по-прежнему. Данную национально-культурную коннотацию можно отнести к виду оценочных коннотаций; ее роль заключается в выражении неодобрения по отношению к действиям со стороны правительства.

Дословно *c'est déshabiller Pierre pour habiller Paul – раздеть Пьера, чтобы одеть Поля*. Смысл выражения – решить одну проблему, создав при этом другую, и в данном контексте предлагается увеличить пособия по уходу за ребенком за счет сокращения пособий семьям с детьми. По одной из версий, данная ФЕ намекает на тот факт, что деньги, принадлежащие церкви св. Павла (Вестминстер, Лондон), направлялись на реконструкцию собора св. Петра (Рим). То есть, помогая сохранить один собор, другой оставляли без средств на реставрацию.

Фразеологического эквивалента данному французскому выражению в русском языке нет. Калька сделала бы перевод громоздким и непонятным читателю. Вариант со сноской, объясняющей дословный перевод, на наш взгляд, также неудачен – язык СМИ должен быть красочным, образным, точным. Важна также и краткость, лаконичность (для экономии времени читателя и места на странице газеты). Переводчик использовал фразеологический аналог *Тришкин кафтан*, близкий по значению оригиналу. Фразеологизм возник из басни И. А. Крылова. В ней высмеивались помещики, закладывающие по нескольку раз свои имения в Опекунский совет. Уже в составе басни это выражение стало фразеологизмом со значением «дело, когда устранение одних недостатков влечет за собой новые недостатки». Ее герой Тришка, чиня продранные локти кафтана, обрезал рукава, а чтобы надставить рукава, обрезал полы, сделав кафтан таким, «которого длиннее и камзолы». Такой прием (фразеологический аналог) решает возникшую при переводе проблему – донести до русскоговорящих читателей отношение автора к описываемой проблеме. Несмотря на то, что национально-культурная коннотация подменяется (русский фразеологизм основан на другом образе), перевод сохраняет стиль языка оригинала и его образность. Ведь оба фразеологизма относятся к разговорному стилю. А, значит, задача перевода была выполнена, и перевод эквивалентен оригиналу.

Таким образом, в приведенном примере фразеологический эквивалент частично передает национально-культурную коннотацию. Красочность языка оригинала сохраняется, но образ используется другой. Это объясняется тем, что у каждого народа своя культура, история и свои герои. И если для одной национальности тот или иной литературный персонаж, та или иная историческая личность олицетворяют какое-нибудь человеческое качество, у другой национальности то же самое качество может основываться на другом образе, ассоциироваться с другим именем.

В ходе нашего анализа было выявлено, что французские ФЕ с ИС имеют в русском языке фразеологический эквивалент (8% от общего количества проанализированных примеров). Например, «*Tout a été soigneusement calculé, préparé, organisé. Fidel a roulé les Américains dans la farine du début à la fin. Et nous, les Cubains, ne sommes tous que des moutons de Panurge* («Все было тщательно просчитано, подготовлено, организовано. Фидель от начала до конца водил американцев за нос. А мы, кубинцы, – всего лишь *Панургово стадо*») [5].

Выражение пришло из романа французского писателя эпохи Возрождения Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль»: Панург плыл на корабле с купцом Дендено, который вез стадо баранов. Поссорившись с купцом, Панург купил у него одного барана и бросил его в море; остальные бросились за ним и утонули [2]. Таким образом, автор хотел подчеркнуть тот факт, что кубинцы оказались в руках своего правительства марионетками, которые ничего не решают и делают только то, что им говорят. Национально-культурная коннотация состоит в том, чтобы мысленно отослать читателя к данному произведению, подчеркнуть негативную характеристику, которую дает автор тем, о ком он пишет. Это позволяет отнести данную национально-культурную коннотацию к виду эмоциональных коннотаций. Ее роль – отразить факт эмоционального переживания субъектом определенного явления действительности. При помощи ФЕ автор статьи показывает, что ему не безразлично то, о чем он пишет. Он пытается привлечь внимание читателей, заставить их задуматься над поднятой проблемой.

Проблема передачи ФЕ с ИС заключается в сохранении национально-культурной коннотации и в передаче смысла выражения, а также отношения автора к проблеме. В данном случае фразеологический эквивалент является эквивалентным приемом перевода, полностью передающим национально-культурную коннотацию, так как русские читатели знакомы с данным литературным произведением, а, значит, поймут намек на отрывок из романа (то есть национально-культурная коннотация будет передана). А если и не знают точно источник происхождения фразеологизма, все равно у русскоговорящих реципиентов данная ФЕ будет вызывать те же негативные эмоции, что и у носителей языка при прочтении оригинала. Наличие фразеологического эквивалента делает излишним употребление в переводе кальки или поиска фразеологического аналога.

В этом случае фразеологический эквивалент полностью передает национально-культурную коннотацию. При передаче фразеологизмов переводчик в первую очередь пытается его найти, так как при этом достигается наибольшая точность оригиналу. Однако необходимо убедиться, что эквивалент принадлежит к тому же стилю языка и вызывает те же эмоции. Ведь в силу особенностей национального характера и менталитета читатели перевода могут по-другому воспринимать поступки человека, литературного персонажа.

В целом, необходимо отметить, что наибольшее количество фразеологических эквивалентов насчитывают ФЕ с ИС литературных персонажей. Возможно, потому, что литературные произведения (особенно классические) переводятся на различные языки, и имена их персонажей знакомы многим.

При анализе ряда других примеров нами было отмечено, что даже если в русском языке нет фразеологического эквивалента, иностранному реципиенту будет понятна калька ФЕ (23% от общего числа проанализированных примеров). Например: «Mais, en finance aussi, la globalisation est un fait, et la mondialisation des marchés est le corollaire de celle des émetteurs et des investisseurs. A quoi bon *dresser des lignes Maginot?*» (Но также и в финансах, глобализация – это факт, и интернационализация рынков – это следствие глобализации эмитентов и инвесторов. Зачем же *возводит линию Мажино?*) [5].

Линия Мажино – система французских укреплений на границе с Германией от Бельфора до Лонгюйона. Была построена в 1929 – 1934 годах (затем совершенствовалась вплоть до 1940 года), названа по имени военного министра Андре Мажино [2].

Таким образом, национально-культурная коннотация состоит в отсылке читателя к этому историческому факту, что позволяет метафорично охарактеризовать ситуацию на международных рынках: правительство пытается возвести преграды иностранным инвесторам, пытаясь избежать оттока капитала за границу. Однако, по мнению автора статьи, разумнее было бы не бороться с глобализацией, а приспособиться к ней, стараясь извлечь выгоду из сложившейся ситуации. Данную национально-культурную коннотацию можно отнести к виду эмоциональных коннотаций. Отсюда, ее роль – акцентировать внимание на эмоциональном переживании субъектом определенного явления действительности (показать, что автор за глобализацию, за международные рынки и за присутствие иностранных инвесторов и международных компаний в стране). Также в отрывке содержится некий призыв избежать возможных ошибок.

Проблема передачи ФЕ с ИС заключается в том, чтобы передать метафорический образ того, что происходит с международной экономикой. На наш взгляд, в данном случае калька является эквивалентным приемом передачи фразеологизма, так как этот исторический факт известен русским читателям и поэтому у реципиентов перевода не возникнет проблем с пониманием смысла выражения. При этом частично передается национально-культурная коннотация. Фразеологического эквивалента данному выражению в русском языке нам найти не удалось. Фразеологический аналог (например, *вставлять палки в колеса*) тоже был бы приемлемым вариантом перевода. При этом сохранилась бы метафоричность, образность языка, однако национально-культурная коннотация не была бы передана. Калька

же передает и смысл, и коннотацию. Видимо это и определило выбор переводчика.

Итак, подводя итог, можно сказать, что, при передаче ФЕ с ИС используются следующие приемы перевода, предложенные В.Н. Комиссаровым: фразеологический аналог, фразеологический эквивалент, калька. Однако мы считаем необходимым добавить еще один прием, который не нашел отражения в классификации В.Н. Комиссарова, но встретился нам в ходе работы – нефразеологический перевод. Особенно часто он применяется в тех случаях, когда нет возможности подобрать фразеологический эквивалент или фразеологический аналог к иностранной ФЕ, а создание кальки является неуместным. Поэтому переводчик жертвует образностью текста, пытаясь как можно точнее передать его смысл. В таких ситуациях переводчик вынужден опустить ФЕ, описательно объясняя ее значение. В качестве примера можно привести следующую фразу и ее перевод: «La Fédération joue un rôle évident mais *il faut rendre à César ce qui lui appartient*: les belles performances des professionnels français dépendent de leurs qualités exceptionnelles» (Роль Французской Федерации здесь несомненна, но *следует отдать* спортсменам *должное*: прекрасные результаты французских профессионалов определяются их превосходным уровнем) [6]. По нашему мнению, используя фразеологизм с именем собственным, автор хотел заострить на этом месте внимание читателей, сделать акцент на данном факте (*rendre à César ce qui lui appartient* дословно – *отдать Цезарю-Цезарево*). К тому же это позволяла сделать общая тональность статьи (образный, красочный язык). Данный фразеологизм обладает довольно яркой коннотацией: он означает – признать заслуги, относиться с подобающим уважением. По нашему мнению, национально-культурная коннотация заключается в том, что, автор в данной статье хотел сравнить достижения французских спортсменов с военными достижениями римского императора Цезаря. Данную национально-культурную коннотацию можно отнести к виду оценочных коннотаций. Роль коннотации – показать свое восхищение результатами спортсменов.

Функция фразеологизма – украшательная, с его помощью автор выражает свое отношение, но ключевой информации не несет. Таким образом, проблема передачи ФЕ с ИС заключается в том, что в русском языке калька выглядела бы громоздко и неуместно (язык русских СМИ менее метафоричен по сравнению с французскими), а аналога или эквивалента обнаружить не удалось. Видимо поэтому в данном случае переводчик предпочел передать смысл, пожертвовав при этом национально-культурной коннотацией, воспользовавшись нефразеологическим переводом, который не позволяет передать национально-культурную коннотацию. На наш взгляд, такой вариант перевода действительно более удачен и благозвучен, хотя и калька была бы понята и воспринята русскими читателями.

Так, имена собственные «не только образуют свою собственную систему, но и интегрированы в лексическую систему языка в целом, поэтому они по-разному функционируют в разных языковых системах и соответствующих социумах» [7, с. 6]. Например, имена известных людей, писателей, библейских персонажей и литературных героев являются достоянием всего человечества. В то же время другие имена по разным причинам могут иметь иной культурный и языковой «вес», чем для остальных народов. Имена собственные в составе фразеологизмов участвуют в создании национально-языковой картины мира. «Имена литературных героев, исторических личностей образуют в разных языках совершенно несхожие центры ассоциативных созвездий» [7, с.156]. На основе имен способны возникать яркие национально обусловленные когнитивные концепты, что находит объяснение в традициях и культуре народов и в потребности языка заполнить определенные семантические лакуны. Отсюда, имена собственные и фразеологизмы сами по себе уже обладают коннотацией. Вдвойне наполненными дополнительной культурной информацией будут фразеологизмы, в состав которых входят имена собственные, так как в подобном типе фразеологических единиц на имени собственном строится метафорический образ, который и составляет их коннотацию. Такие имена собственные становятся нарицательными, и уже не просто называют объект, а характеризуют его.

Таким образом, необходимо отметить, что выбор приема передачи фразеологизма с именем собственным зависит от функции данной ФЕ, от функции национально-культурной коннотации ФЕ, от интенции автора, от общей тональности текста, от аудитории, для которой предназначен перевод, а также от опыта и знаний переводчика. Поэтому, очень часто одно и то же выражение может передаваться по-разному, и каждый раз это должен быть эквивалентный перевод, отвечающий всем требованиям. На наш взгляд, при передаче иностранной ФЕ с ИС на русский язык, переводчику необходимо добиться, чтобы перевод вызывал у реципиентов подобные эмоции, что и в оригинале. Фразеологический эквивалент позволяет полностью передать национально-культурную коннотацию, но встречается редко (8% случаев), так как ФЕ с ИС – такие единицы, которые присущи определенному народу и в культуре другого не встречаются. При использовании фразеологического аналога (19% случаев) национально-культурная коннотация либо передается частично, либо подменяется: часто в другом языке можно найти метафорические выражения с тем же значением, но основанные на другом образе. С помощью кальки (23% случаев) национально-культурную коннотацию удастся передать лишь частично. Важно, чтобы в переводе она не затрудняла восприятие текста и была понятна читателям. Нефразеологический перевод и вовсе не позволяет ее передать, хоть и встречается в большинстве примеров (50%). Это можно объяснить тем, что главная задача переводчика – передать смысл. И если не удастся найти аналог или эквивалент фразеологизму, то переводчик прибегает к этому способу.

Список литературы

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. – М.: Академия, 2004.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М., 1980.
3. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. – М., 2002.
4. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. ВУЗов. – М.: Академия, 2001.
5. Назарян А. Г. Образные сравнения французского языка. Фразеологизмы. – М.: Наука, 1965.
6. Назарян А. Г. Почему так говорят по-французски. – М.: Наука, 1968.
7. Рылов Ю. А. Очерки романской антропонимии. Монография. – Воронеж: ЦЧКИ, 2000.
8. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. – М.: АСТ, 2007.

Интернет-источники

9. www.lingvo.ru
10. <http://ru.wikipedia.org>
11. <http://www.nouvelobs.com>
12. <http://www.lepoint.fr>
13. <http://www.lesechos.fr>
14. <http://www.liberation.com>
15. <http://www.lemonde.fr>
16. <http://www.lefigaro.fr>

Обучение иноязычной лексике учащихся старших классов на основе ролевых игр проблемной направленности

В статье рассматриваются особенности использования педагогической технологии «Ролевая игра проблемной направленности» в процессе обучения иноязычной лексике учащихся старших классов средней общеобразовательной школы на материале английского языка.

This article describes the main aspects of using the educational Role-play technology in the process of teaching English vocabulary in the senior class at secondary school.

Ключевые слова: ролевая игра, лексический материал, лексический навык, функция игры, рефлексия, речевое взаимодействие.

Key words: role play, lexical material, lexical skill, game function, reflection, and verbal interaction.

Успешное решение образовательных задач, которые выдвигает Государственный образовательный стандарт по иностранным языкам, возможно при тщательном отборе современных педагогических технологий. Они должны быть нацелены: а) на максимальную активность обучаемых; б) на речевое взаимодействие; в) на достижение функциональной грамотности во владении иностранным языком; г) на использование в специализированной области знания и специализированных видах деятельности; д) на развитие креативности; е) на получение реального речевого продукта; ж) на приращение знаний, навыков и умений. Кроме того, в рамках данных технологий необходимо сформировать у учащихся рефлексивные навыки и умения для выработки индивидуальной траектории развития языковой компетенции.

Овладеть лексическим навыком в неязыковой среде весьма трудно. Урок английского языка следует рассматривать как конкретную ситуацию, в которой учитель и учащиеся вступают в определенные социальные отношения друг с другом, где учебный процесс – это взаимодействие всех присутствующих. Наиболее эффективным способом превратить урок в ситуацию реального общения могут стать ролевые игры проблемной направленности. Это «проигрывание в процессе взаимодействия участников игры

определенной ситуации с целью показа в игровой форме разных возможных способов решения проблемы и возможных последствий такого решения. В процессе ролевой игры ее участники «проживают» ситуацию, принимая на себя роли персонажей, попавших в эту ситуацию» [10].

Ролевая игра проблемной направленности способствует развитию чувства социального употреблению иностранного языка. Собеседники не только стараются использовать обрабатываемые структуры, но и четко интерпретируют ситуацию общения, учитывая известную из опыта информацию, и выбирают наиболее эффективные лингвистические средства для общения.

Практически всё учебное время в ролевой игре отведено на речевую практику, где и говорящий и слушающий максимально активны, так как они должны понять реплику партнера, соотнести ее с ситуацией, и правильно отреагировать.

Ролевые игры положительно влияют на формирование познавательных интересов учеников, так как, принимая роль персонажа, им необходимо детально ознакомиться с лексическими особенностями участника возникшей ситуации с учетом его социокультурной принадлежности.

Таким образом, методисты выделяют следующие основные функции ролевой игры:

а) мотивационно–побудительная функция проявляется в том, что игра является моделью межличностного общения, она вызывает потребность в общении, стимулирует интерес к участию в общении на иностранном языке;

б) обучающая функция проявляется в выборе языковых средств, развитии речевых навыков и умений, моделировании общения учащихся в различных речевых ситуациях;

в) воспитательная функция ролевой игры обеспечивается воспитанием сознательной дисциплиной, трудолюбием, взаимопомощью, активностью подростка, готовностью включаться в разные виды деятельности, самостоятельностью, умением отстаивать свою точку зрения, проявить инициативу, найти оптимальное решение в определенных условиях;

г) ориентирующая функция выполняется через направление учащихся на планирование собственного речевого поведения и поведения собеседника, развитие умения контролировать свои поступки, давать объективную оценку поступкам других;

д) компенсаторная функция обеспечивается возможностью участников выйти за рамки своего контекста деятельности и расширить его.

е) рефлексивная функция осуществляется через аналитическую деятельность учащихся, в процессе которой старшеклассники оценивают адекватность используемого лексического материала и его эффективность при воздействии на собеседника.

Для существенного достижения учебных целей ролевая игра проблемной направленности на занятиях по иностранному языку должна соответствовать следующим требованиям:

1. игра должна повышать мотивацию учения, ее следует проводить на основе вполне адекватных жизненных ситуаций общения, чтобы они были узнаваемы для учащихся (подготовка к фестивалю, выпуск школьного журнала, организация благотворительной ярмарки, решение проблемы в семье подростка);

2. ролевую игру необходимо тщательно подготовить с точки зрения содержания и формы, здесь обязательно наличие проблемной ситуации и необходимость поиска способов выхода из нее, что обеспечит активность учащихся;

3. ролевая игра должна объединять участников общей идеей;

4. игру следует организовать таким образом, чтобы учащиеся могли эффективно использовать отработываемый языковой материал;

5. учителю необходимо установить контакт с ребятами для создания благоприятной, доброжелательной атмосферы на занятии.

Выполняя все требования к ролевым играм, учитель сможет помочь ученику достичь на уроке высоких результатов в освоении требуемого лексического материала.

На основе примера по теме «Career choice», взятого из учебника «Enjoy English – 11» (М.З. Биболетова, Е.Е. Бабушис, Н.Д. Снежко, стр. 77, упр. 5), проанализируем основные этапы использования технологии ролевой игры проблемной направленности для развития лексических навыков говорения.

1. Этап подготовки включает в себя тщательную разработку плана и сценария игры. В данной ситуации можно поднять проблему выбора выпускником школы дальнейшего профессионального образования. Учителю необходимо иметь общее описание процедуры игры и четко сформулированные легенды героев, на основе которых ученики смогли бы определить свою цель участия в игре. Предполагается наличие следующих героев ролевой игры: teenagers, parents, teachers, university students, career officers. Следует различать цели учителя и ученика. Если перед учителем стоит цель создать условия для развития лексического навыка ученика, то для старшеклассника это может быть выражение позиции в решении поставленной проблемы от лица своего героя. Например, в данной ролевой игре целью подростка является убедить своих «родителей» в правильности его профессионального выбора, а цель «работника центра по профориентации» – правильно соотнести желания «ребенка» и его «родителей» с тенденциями современного рынка труда. На каждом уроке в соответствии с принятыми ролями учащиеся обсуждают проблему. Каждый из участников продумывает высказывания, построенные на основе специально отобранной лексики с учетом своей роли, поэтому описания легенд героев учитывают вокабуляр, который зависит от возрастного, социального и

профессионального статуса каждого из них. Здесь было бы уместно использовать упражнения на перефразирование: а как бы то же самое сказал «студент университета» или «учитель», то есть тот или иной участник ситуации. Кроме того, учащимся необходимо снабдить набором фраз речевого этикета. Им предлагаются соответствующие статьи из журналов, ссылки на подходящие сайты в Интернете, чтобы расширить информацию, необходимую для обсуждения в ходе игры.

2. Отработав необходимый информационный и лексический материал, можно переходить к следующему этапу – проведению игры. На этом этапе учащиеся разыгрывают предложенную ситуацию, выполняя роли в соответствии со своими легендами и оперируя ранее усвоенной информацией. Каждый из них стремится достичь своей цели. Надо помнить, что это не простое воспроизведение заученных диалогов или полилогов. Важно настроить учеников на импровизацию с привлечением собственного жизненного опыта, но в рамках заданной ситуации.

3. На этапе анализа и обобщения учитель и учащиеся обмениваются мнениями, стараются проанализировать положительные и неудачные результаты состоявшейся игры, обсудить альтернативные варианты решения поставленной проблемы, сопоставить разыгранную ситуацию с реальной. Нельзя забывать, что образовательный смысл ролевой игры проблемной направленности заключается в формировании и дальнейшем совершенствовании лексических навыков, необходимых в реальных условиях, поэтому важно также нацелить учеников на рефлексию данного аспекта. Именно на данном этапе необходимо развивать и совершенствовать умение старшеклассников анализировать пути и способы их собственной работы по рациональному запоминанию и закреплению лексического материала. Рефлексия поможет обучающимся осмыслить закрепленные лексические единицы, переопределить цели дальнейшей работы с ними, скорректировать свой образовательный путь.

В своих исследованиях А.Н. Шаповалов подчеркивает важность для преподавателя иностранного языка создания специальной рефлексивной образовательной среды [12]. Он рассматривает рефлексивную образовательную среду как определенную систему условий развития личности. Такие условия позволяют личности обучающегося исследовать себя самого, следить за выполнением своих действий с иноязычным словом, корректировать выполняемые действия (если они были выполнены неправильно), управлять речевыми действиями, управлять воздействием с помощью языковых и речевых действий на собеседника, фиксировать в определенной форме результаты познания такой деятельности.

Психологическое своеобразие юношеского возраста предполагает успешность в развитии рефлексии учебной деятельности старшеклассников. При ведении заключительного этапа ролевой игры проблемной направленности учителю необходимо нацелить учеников на выявление и осознание их личностных результатов в освоении лексического материала, способов и путей их достижения, так как без понимания способов своего умения,

механизмов познания учащиеся не смогут присвоить тех знаний, которые они добыли. «Без рефлексии нет учения», утверждает В. В. Краевский. «Освоение происходит только тогда, когда в дело включается направляемая рефлексия, за счет которой и выделяются сами схемы деятельности – способы решения практических задач или рассуждения. Образовательная деятельность представляет собой «челночное» движение чередующихся детальностей – предметной и рефлексивной» [7].

При грамотном использовании, технология ролевая игра проблемной направленности сможет помочь организовать учебную деятельность на уроках иностранного языка в старших классах средне общеобразовательной школы таким образом, чтобы старшеклассники смогли эффективнее расположить новые лексические единицы в системе ранее приобретенных для быстрого их извлечения из памяти. Благодаря ей учащиеся активно накапливают продуктивный и рецептивный словарь, постепенно развивают умение употреблять новую лексику, запоминать ее, переводить на уровень долговременной памяти и самостоятельно вести рефлексивную деятельность в отношении совершенствования языковых навыков.

Список литературы

1. Абанина Н. В. Ролевые игры на уроках в младших классах с углублённым изучением немецкого языка // Иностранные языки в школе. – 1997. – № 1. – С. 27-30.
2. Аппатова Р. С. Учебно-ролевая игра как средство интенсификации обучения групповому общению: автореф. дисс. ...канд. пед. наук.– М., 1987.
3. Беляев Б. В. Психологическая характеристика устной речи на иностранном языке // Методическая мозаика. Приложение к журналу «Иностранные языки в школе». – 2006. – № 8. – С. 4-14.
4. Биболетова М. З., Бабушис Е. Е., Снежко Н. Д. Английский язык с удовольствием / Enjoy English: Учебник для 11 кл. общеобраз. учреждений. – 2-е изд, испр. – Обнинск: Титул, 2010.
5. Вайсбурд М. Л. Использование учебно-речевой ситуации при обучении устной речи на иностранном языке. – Обнинск: Титул, 2001.
6. Калимулина О. В. Ролевые игры в обучении диалогической речи // Иностранные языки в школе. – 2003. – № 3. – С. 17-20.
7. Краевский В. В., Хуторской А. В. Основы обучения: Дидактика и методика. Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2007.
8. Ливингстоун К. Ролевые игры в обучении иностранным языкам. – М.: Высш. шк., 1988.
9. Мильруд Р. П., Максимова И. Р. Современные концептуальные принципы коммуникативного обучения ИЯ // Иностранные языки в школе. – 2000. – № 4. – С. 9-15.
10. Полат Е. С. Современные педагогические технологии. – Обнинск: Титул, 2010.
11. Семёнова Т. В., Семёнова М. В. Ролевые игры в обучении иностранным языкам // Иностранные языки в школе. – 2005. – №1. – С. 16-18.
12. Шамо́в А.Н. Когнитивная парадигма в обучении лексической стороне иноязычной речи. Монография. – Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2009.
13. Ladousse J. P. Role Play. – Oxford, 1992.

Сведения об авторах

Бурухин Александр Николаевич – аспирант, Курский государственный университет (г. Курск); www.alexanderburukhin@yandex.ru

Быкова Светлана Евгеньевна – доцент, Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, кандидат филологических наук (г. Нижний Тагил); bykova_svetlana_@mail.ru

Вахницкая Надежда Игоревна – аспирант, Московский педагогический государственный университет» (Москва); nadya_in@mail.ru

Волкова Татьяна Александровна – доцент, Челябинский государственный университет, кандидат филологических наук, доцент (г. Челябинск); tatia.volkova@gmail.com

Громова Алла Витальевна – профессор, Московский городской педагогический университет, доктор филологических наук, доцент (Москва); gromovaav@mail.ru

Дергунова Анастасия Александровна – аспирант, Московский педагогический государственный университет (Москва); nastuha.naumova@gmail.com

Евстратикова Алла Владимировна – аспирант, Московский городской педагогический университет (Москва); gromovaav@mail.ru

Загороднева Кристина Владимировна – научный сотрудник, Пермский государственный научно-исследовательский университет, кандидат филологических наук (г. Пермь); zagor-kris@yandex.ru

Заграевская Татьяна Борисовна – доцент, Пятигорский государственный лингвистический университет, кандидат филологических наук, доцент (г. Пятигорск); zagraevskaya@yandex.ru

Каменский Михаил Васильевич – доцент, Ставропольский государственный университет, кандидат филологических наук (г. Ставрополь); stavdev@mail.ru

Козлов Сергей Владимирович – аспирант, Московский гуманитарный педагогический институт (Москва); vkserge@gmail.com

Колтунова Светлана Викторовна – соискатель, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (г. Белгород); svkoltunova85@yandex.ru

Комиссарова Екатерина Сергеевна – старший преподаватель, Прикамский социальный институт (г. Пермь); katjakom@mail.ru

Криволапова Елена Михайловна – доцент, Курский государственный университет, кандидат филологических наук, доцент (г. Курск); elena_vroblevska@mail.ru

Кузавова Мария Викторовна – аспирант, Московский городской педагогический университет (Москва); SavelevaMaria@gmail.com

Куликов Филипп Владимирович – аспирант, Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева (г. Саранск); kulikovfilipp@mail.ru

Куликова Виктория Сергеевна – аспирант, Череповецкий государственный университет (г. Череповец); kulikova.86@mail.ru

Михайлова Елена Николаевна – профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, доктор филологических наук, доцент (г. Белгород); emikhailova@yandex.ru

Нагина Ксения Алексеевна – доцент, Воронежский государственный университет, кандидат филологических наук, доцент (г. Воронеж); k-nagina@yandex.ru

Новикова Вера Григорьевна – доцент, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород); wnovikova@mail.ru

Петеленкова Мария Геннадьевна – доцент, Московский педагогический государственный университет, кандидат филологических наук (Москва); post7mail@gmail.com

Постникова Екатерина Георгиевна – доцент, Магнитогорский государственный университет, кандидат филологических наук (г. Магнитогорск); ekaterinapost@mail.ru

Постнова Елена Аркадьевна – аспирант, Пермский государственный педагогический университет (г. Пермь); 614000@bk.ru

Поцелуева Наталья Васильевна – аспирант, Северодвинский филиал Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (г. Северодвинск); pocelueva.natalya@bk.ru

Тимофеева Ольга Евгеньевна – соискатель, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (Санкт-Петербург); olgamcm@mail.ru

Тулякова Наталья Александровна – доцент, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербург); n_tuljakova@mail.ru

Усова Светлана Викторовна – аспирант, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток); claire05@mail.ru

Фоминых Татьяна Николаевна – профессор, Пермский государственный педагогический университет, доктор филологических наук, профессор (г. Пермь); natatata72@yandex.ru

Чанышева Зульфира Закиевна – профессор, Башкирский государственный университет, доктор филологических наук, доцент (г. Уфа); chanyshevazz@yandex.ru

Шаповалова Елена Олеговна – преподаватель, Челябинский государственный университет (г. Челябинск); megarchelische@mail.ru

Шустова Светлана Викторовна – профессор, Прикамский социальный институт, доктор филологических наук, доцент (г. Пермь); lanaschust@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРИСЫЛАЕМЫМ В ЖУРНАЛ

Для публикации в «Вестнике Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина» (серия филология) принимаются научные статьи, отражающие широкий спектр проблем поэтики классической и современной литературы и лингвистики.

Обязательным условием публикации результатов кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5, с. 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Содержит:

- название статьи и Ф. И. О. авторов на русском и английском языках;
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами;
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержат фамилию, имя, отчество полностью, место работы, должность, ученую степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статью, оформленную в соответствии с прилагаемыми требованиями, можно:

- выслать по почте в виде распечатанного текста с обязательным приложением электронного варианта по адресу: 196605 Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10. Кафедра литературы и русского языка, каб. 316.
- отправить по электронной почте: E-mail: vestnikfilol@yandex.ru

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку (не меняющую смысла) в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин

Санкт-Петербургское шоссе, 10

тел. (812) 476-90-34

E-mail: vestnik_lgu@list.ru

Для заметок

Научный журнал

Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина

№ 3

Том 1. Филология

Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 20.09.2012
Бумага офсетная. Формат 60х90 1/16
Печать трафаретная. Усл. печ. л. 15
Тираж 500 экз.
Заказ 801